

Уральский государственный университет
им. А.М.Горького
Уральское лингвистическое общество
Проблемная группа «Русский глагол»

Денотативное пространство русского глагола

Материалы IX Кузнецовских чтений
5 – 7 февраля 1998 г.
Екатеринбург

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
1998

ББК Ш 141.12 - 420

Д 521

*Проведение конференции и издание
ее материалов осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда.
Проект 98-04-14009*

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, проф. Л.Г.Бабенко (отв. ред.),
канд. филол. наук, доц. Ю.В.Казарин,
д-р филол. наук, проф. З.И.Комарова,
Л.В.Лисицына (отв. секр.),
канд. филол. наук, доц. Т.В.Попова,
д-р филол. наук, проф. А.П.Чудинов.

Д 521 Денотативное пространство русского глагола: Материалы IX Кузнецовских чтений. 5 - 7 февраля 1998 г., Екатеринбург: Тез. докл. / Под ред. проф. Л.Г.Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 176 с. ISBN 5-7525-0659-X

Сборник включает материалы докладов и сообщений IX Кузнецовских чтений, организованных Уральским лингвистическим обществом и Проблемной группой «Русский глагол» на филологическом факультете Уральского государственного университета и посвященных изучению денотативного пространства русского глагола в различных аспектах: структурно-семантическом, когнитивном, культурологическом, функционально-речевом.

Для студентов, аспирантов и преподавателей филологических специальностей высших учебных заведений.

Д 4602020101 - 21
182 (02) - 98

ББК Ш 141.12 - 420
Д 521

ISBN 5-7525-0659-X

© Издательство Уральского
университета, 1998
©The Ural University Press, 1998

**Денотативное пространство русского глагола:
аспекты и перспективы изучения**

Достижения, полученные при изучении глагольной семантики и в области категоризации глаголов, позволяют ставить и решать вопросы, связанные с денотативным пространством русского глагола, которое, в свою очередь, мыслится в соотнесенности с лексическим, семантическим и концептуальным глагольными пространствами.

В качестве материала изучения денотативного пространства можно использовать «Толковый идеографический словарь русских глаголов (с указанием английских эквивалентов)» (Екатеринбург, 1998), в котором русская глагольная лексика распределена по полям, лексико-семантическим группам и подгруппам. При семантизации глаголов в этом словаре используется одна модель лексикографического описания, включающая базовый глагол-идентификатор и набор дифференциальных признаков, типичных для каждой ЛСГ слов. Это позволяет, с одной стороны, обнаружить совокупность типовых ситуаций процессуально-событийного мира, так как репрезентантом конкретных ситуаций является каждый отдельный глагол, а выразителем типовых ситуаций - глагол-идентификатор, с другой стороны - выявить существенные свойства семантического пространства русского глагола. Не только отдельное слово, но и разного рода классы слов обладают собственной лексической семантикой. Вследствие этого описание лексико-семантического и денотативного пространств отдельной ЛСГ позволит выявить максимум знаний о ситуации процессуально-событийного мира, передаваемых лексикой этой группы.

Можно предположить при этом, что глаголы-идентификаторы лексико-семантических групп будут носителями таксономической номинации, а глаголы - члены различных ЛСГ - средством дифференцированной номинации.

Описание денотативного пространства русского глагола не ставит цель вскрыть все объективно существующие в действительности события, процессы, связи, отношения и т.п. Это невозможно, так как концептуализация мира, воплощенная в языковых знаках, обусловлена, с одной стороны, объективно - логикой структурирования мира дейст-

вительности, с другой стороны, субъективно - логикой человеческого мышления. Этим, например, объясняется разница в степени лексической и семантической разработанности отдельных фрагментов мира в различных языках (ср.: глаголы приготовления пищи в русском и французском языках, глаголы болезненного состояния в русском и английском языках и т.п.). Следовательно, цель описания денотативного пространства русского глагола - обнаружение в его лексической семантике наших знаний об организации процессуально-событийного мира.

Категория знания - доминанта когнитивной лингвистики, в которой прямо декларируется: «Язык не отражает мир, а выражает знания о мире» [1. С. 60]; «Знания человека о мире фиксируются именно в языковой форме, они не что иное, как семантическая система языка» [2. С.12]. Ключевое понятие когнитологии - «концепт», которое также важно учитывать при изучении денотативного пространства, ибо это понятие напрямую связано и с выражением наших знаний о существенных сторонах, типовых ситуациях действительности. При этом, как отмечает Н.Д.Арутюнова, нет однозначного соответствия системы концептов членению мира: «Концепты дискретны, мир континуален. Его членение не может в точности соответствовать системе понятий. Многие объекты и ситуации подводимы под разные концепты, к некоторым не подходит ни один... Можно говорить о языковой (концептуальной) интерпретации действительности, зависящей от многих факторов, в том числе и прагматических. Концептуальность мира не проходит бесследно для отражающих его концептов» [3. С. 7].

Учитывая все вышеизложенное, считаем, что при изучении денотативного пространства русского глагола необходимо обращение к опыту и методологии когнитивной лингвистики, представители которой успешно занимаются выявлением системы универсальных концептов, организующих концептуальное пространство и выступающих главными составляющими его членения и, отраженно, членения мира.

Концепт напрямую связан с выражением знаний о мире, т. е. участвует в формировании языковой картины мира. В то же время семантические поля, лексико-семантические группы слов - это компоненты языковых картин мира, они представляют собой «лексико-семантические группировки (парадигмы), структуры конкретного языка с учетом его культурного и национального своеобразия» [4. С.13]. Именно это, вероятно, позволяет Н.Д.Арутюновой говорить о языковой (концептуальной) интерпретации действительности. Следовательно, при изучении денотативного пространства важно учитывать взаимосвязь и соотношенность концепта, семантических групп и языковой картины мира.

Как показывает практика когнитивных исследований, изучение когнитивной семантики зиждется на рассмотрении под новым углом зрения семантики слова, фразеологизма, предложения и текста, но в первую очередь - лексической семантики. Так, Е.С.Кубрякова, рассматривая содержание термина «концепт», замечает следующее: «Правильнее было бы, наверное, говорить о концептах как соотносительных со значением слова понятиях... значением слова становится концепт, схваченный знаком» [5. С. 92] .

Методы поисков и экспликации концептов и концептуализированных областей различны, но главное их условие, условие концептуализации, по словам Ю.С.Степанова, - «установление связи в одном синхронном срезе и в определенной культурной парадигме, возведение группы слов к единому лексическому архетипу...» [6. С. 15]. Материалом рассмотрения при этом становятся словарные представления концепта, а результаты концептуального анализа также оформляются в виде различных словарей-концептуариев, составители которых подчеркивают необходимость принципиально нового ракурса лексикографического описания лексической семантики. Так, Ю.С.Степанов пишет следующее: «Наш словарь рассматривает не понятия, существующие в головах людей, а концепты, существующие в русской культуре» [6. С. 13]. А С.Е.Никитина отмечает, какой должна быть информация о слове в словарях-концептуариях: «Семантические описания слов должны дать по возможности полное знание о понятии, существующее в сознании носителей культуры, - знание, выраженное в определенных языковых стереотипах, которыми могут быть как слова, так и словосочетание-фразеологизм» [7. С.117 - 118].

Выявление системы концептов ориентировано на базисный уровень категоризации мира, так как, по утверждению Е.С.Кубряковой, именно «категории базового уровня снабжают человека достаточной информацией об объекте - в концептах и названиях этого уровня обычно соединяются перцептуальные и функциональные характеристики, т.е. сам уровень обладает не только лингвистической, но и когнитивной значимостью... Единицы этого уровня обычно высоко частотны, структурно просты и исключительно информативны...» [5. С.15].

К лексическим категориям базового уровня можно отнести парадигму базовых глаголов-идентификаторов ЛСГ русских глаголов, которая, как показало исследование Ю.В.Казарина, является «уникальным объединением, своеобразной группой базовых глаголов, отражающих практически все факты процессуально-событийной действительности» [8. С. 70].

Эти глаголы характеризуются обобщенностью семантики, что обусловлено их семантической сущностью - быть основными репрезентантами типовых ситуаций и на этой основе объединять вокруг себя лексически родственные по категориально-лексической семантике и более конкретные по дифференциальной семантике группы слов. Соотнесенность базовых глаголов-идентификаторов с типовыми ситуациями объясняет их особую значимость, ибо, по наблюдениям Е.С.Кубряковой, концепт напрямую связан с типовой ситуацией, именно система универсальных концептов организует само концептуальное пространство и выступает главными рубриками его членения [5. С. 91] и, соответственно, отображает в языке членение действительности на фрагменты-ситуации.

Важно подчеркнуть, что в семантике базовых идентификаторов «минимизированы» (термин В.Лукина) знания об отображаемой действительности, в них свернута и обобщенно репрезентирована семантика всех единиц ЛСГ, передается идея класса (классовая семантика), что существенно для категоризации мира, ибо, как показал О.Г.Почепцов, «представление, или отражение, мира построено на принципе пиков: отражение мира осуществляется путем отражения его пиков... Отражению подвергается не мир в целом, а лишь его пики, т.е. те его составляющие, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее релевантными, наиболее полно характеризующими мир» [9.С. 111].

Можно предположить, что базовые глаголы-идентификаторы выполняют функцию номинации и интерпретации этих пиков действительности, фиксируют существенные знания о них, в первую очередь знания о типовых ситуациях. Это свойство является весомым аргументом в пользу их рассмотрения как лексических репрезентантов концептов, так как «основной конструктивный элемент концепта - объемный семантический признак» [10. С. 165]. Совокупность базовых глаголов-идентификаторов представляет собой парадигму классифицирующего типа. В нее включаются глаголы типа «двигаться», «перемещаться», «открыть», «бить», «соединять» и т.п., напрямую связанные с номинацией типовых ситуаций, выражающих национальные представления о них, с интерпретацией мира действительности.

Каждая ЛСГ характеризуется собственным лексико-семантическим пространством (в иной терминологии - семантическим комплексом), или, по терминологии Е.С.Копорской, имеет собственный «семантический архетип», который понимается как «строение определенного класса слов, которое 1) реконструируется на основе отвлечения (абстрагирования), сопоставления и обобщения семантических призна-

ков (характеристик), входящих в этот класс слов; 2) является исходным для восстановления семантической структуры слов данного класса...» [11. С. 113]. А как известно, когнитивно-семантическая структура формируется на основе совокупности однородных элементов, имеющих общие интегрированные и существенные дифференциальные признаки. Истолкование концептов и концептосферы кроется в семантическом пространстве ЛСГ, типовом наборе существенных семантических признаков и представляет собой «расчлененное определение» (С.Е.Никитина), «когнитивную дефиницию» (Е.Бартминский).

Соотнесенность семантики глагола ЛСГ глагольных слов с типовой ситуацией обуславливает то, что глагол - основной лексический репрезентант пропозиции, которой сегодня уделяется важное внимание как особой структуре представления знаний. Так, Ю.Г.Панкрац, рассматривая различные осмысления пропозиции и пропозициональных моделей, утверждает, что существует особый тип репрезентации знаний- пропозициональный [5. С. 137].

Представляется важным и перспективным исследование глагола как носителя пропозициональных знаний. Предварительные наблюдения позволяют говорить о существовании простых монопропозитивных и сложных полипропозитивных глаголов [12]. Первые могут репрезентировать знания о типовой ситуации как в свернутом виде (глаголы-идентификаторы), так и в минимально развернутом, с указанием важнейших параметров ситуации (глаголы - члены одной ЛСГ с конкретной семантикой). Подобные глаголы представлены в составе парадигмы базовых глаголов-предикатов незначительно: глаголы движения (двигаться, перемещаться, подниматься, вращаться), нанесения удара (бить, ударять), давления (давить, жать), очищения и удаления (чистить, удалить), приготовления (готовить), бытия (быть, иметься, существовать), передачи объекта (давать). Ко вторым относятся глаголы с включенной и совмещенной пропозицией, максимально развернуто выражающие наши представления о регулярных связях ситуаций, маркирующие различные аспекты протекания событий: место, время, причинная обусловленность и др. Например, в глаголе *разместиться* - «найти для себя где-л. какое-л. место в пространстве и занять его» можно усмотреть совмещенную логическую пропозицию, в которой ситуации поиска пространства и замещения его находятся в отношении логической последовательности. А в глаголе *нанизать* - «соединить какие-л. маленькие предметы (камешки, бусинки и т.п.), прокалывая их и надевая подряд на нитку, проволоку, леску и т.п.» наряду с основной пропозицией соединения в качестве включенных пропозиций присутствуют пропозиции нарушения целостности объекта, созидательной деятельности, которые

связаны комплексом универсальных логико-семантических отношений: результативно-следственных, целевых, образа действия. Подобные глаголы представлены в составе парадигмы базовых глаголов-идентификаторов в большей степени.

Итак, обнаруживается различная степень пропозитивной насыщенности глаголов-идентификаторов, которые способны репрезентировать и наиболее стереотипные, типизированные ситуации, лишенные индивидуальной окраски, и комплексные ситуации. Выведение типовых ситуаций из лексической семантики глаголов-идентификаторов - сложный процесс, не лишенный субъективизма и обусловленный объективно-наличием глаголов-идентификаторов и лексико-семантических групп глаголов сложного действия, отображающих комплексные ситуации.

Совмещение пропозиций и включение их в лексическую семантику глагола носит не случайный характер, оно отражает наши знания о наиболее устойчивых, повторяющихся связях ситуаций в действительности, имеющих закономерный характер. Например, ситуация звучания регулярно сопрягается с ситуациями эмоционального состояния (вопить, стонать, выть и т.п.), физиологических действий (кряхтеть, чавкать, сопеть и т.п.), повреждения объекта (хрумкать, трещать и т.п.), внешнего выражения эмоций (аплодировать, хлопать, цокать и т.п.) и т.д. Ситуация речевого сообщения соотносится с ситуациями воображения, предположения (пророчить, предсказывать и т.п.), речевого общения (возразить, договориться и т.п.), издательской деятельности и распространения информации (возвещать, дезинформировать, рекламировать и т.п.), изображения объекта (описывать, передавать и т.п.), проявления эмоционального состояния (поведать, поверять и т.п.), убеждения (клясться, обосновывать и т.п.), помощи (остерегать, подсказывать, растолковывать и т.п.).

Таким образом, природа глаголов сложного действия уникальна: в их лексической семантике обнаруживаются знания о денотативных связях слов, о семантических расстояниях в лексико-семантическом пространстве глагола, о пересекаемости концептосфер.

Итак, считаем важным подчеркнуть взаимосотнесенность и взаимообусловленность концептуального, семантического и денотативного пространств русского глагола, которые понимаются нами следующим образом.

Семантическое пространство русского глагола - это совокупность глагольных семем, структурно организованных в семантические комплексы, включающие в свой состав категориально-лексическую и дифференциальную семантику всех глаголов одной лексико-

семантической группы слов. Подобные семантические комплексы находятся в разной степени соотнесенности друг с другом: они способны тесно взаимодействовать, минимально или максимально пересекаться, а могут быть предельно удалены друг от друга и не иметь точек соприкосновения. Это позволяет ставить проблему семантических расстояний внутри одного семантического пространства.

Концептуальное пространство русского глагола представляет собой набор ключевых концептов процессуально-событийного мира и соотносимых с ними концептуализированных областей. Оно выводится из семантического пространства русского глагола путем обобщения и абстрагирования множества семантических компонентов (категориально-лексических и дифференциальных сем), составляющих семантические комплексы глаголов одной ЛСГ слов. Так, обобщение семантических компонентов семантического комплекса глаголов звучания позволяет утверждать, что концепт «звучать» в русском языке репрезентируется когнитивно-пропозициональной структурой, состоящей из трех позиций: субъект - предикат звучания - способ (или средство) звучания. При этом отмечается регулярность лексической конкретизации этих позиций. В качестве субъекта звучания могут выступать: 1) человек или группа лиц; 2) животные, насекомые или птицы (блехать, гавкать, квакать, ворковать, чирикать и т.п.); 3) неодушевленные предметы, издающие различные звуки (бить, бренчать, тикать и т.п.); 4) явления природы, сопровождаемые звуком (бухать, грохотать, рокотать и т.п.). Звуки могут производиться при помощи: а) голоса (визжать, вопить, горланить и т.п.); б) музыкального инструмента (бренчать, тренькать и т.п.); в) различных предметов (звонить, шуршать, звенеть и т.п.).

Концепт речевой деятельности «сообщать» репрезентируется пропозиционально-когнитивной структурой, включающей четыре позиции: субъект - предикат речевого сообщения - адресат - содержание сообщения. Позиции субъекта и адресата здесь достаточно узко специализированы: они могут быть замещены лексикой, обозначающей человека или группу лиц. Содержание речи может заключать информацию разного рода: 1) фактические сведения о ком-, чем-л. (комментировать, называть, цитировать и т.п.); 2) ложные сведения (врать, лгать, болтать и т.п.); 3) скрываемые сведения (выбалтывать, разглашать и т.п.); 4) дополнительные сведения (добавить, уточнять и т.п.); 5) частичные сведения, сообщаемые не в полном объеме (намекать, оговориться и т.п.). Надо подчеркнуть, что подобные пропозиционально-когнитивные структуры базовых концептов процессуально-событийного мира выводятся парадигматически вследствие обобщения семантических ком-

плексов глаголов одной ЛСГ слов, а не в результате анализа их типовой синтагматики.

Денотативное пространство русского глагола - это процессуально-событийный мир, каким он осознается носителями русского языка. Он имеет яркую национально-специфическую окраску. (Ср., например, глубокую семантическую разработанность и, соответственно, богатое лексическое воплощение в русском языке представлений и знаний о ситуациях движения, речевой деятельности, эмоционального состояния и, наоборот, незначительное лексико-семантическое воплощение ситуаций приготовления пищи, физиологического состояния, что вероятно, обнаруживает национальные приоритеты в отображении процессуально-событийного мира.)

Компонентами, составляющими денотативное пространство, являются типовые ситуации, знания о которых, накопленные поколениями русских людей, выражены и закреплены в русской глагольной лексике, поэтому они могут быть получены в результате процедуры семантического вывода из лексической семантики глагола.

Итак, взаимосоотнесенность и взаимообусловленность семантического, концептуального и денотативного пространств русского глагола мотивирует необходимость их изучения в нерасторжимом единстве.

Примечания

1. Солнцев В.Н. О лингвистических мирах// Знание языка и языкознание. М., 1989. С. 56 - 71.
2. Касевич В.В. Язык и знание // Язык и структура знания. М., 1990. С. 8 - 25.
3. Арутюнова Н.Д. Тожество и подобие (Заметки о взаимодействии концептов) // Тожество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990. С.7 - 33.
4. Уфимцева А.А. Лексика как фактор формирования языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 122 - 136.
5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
6. Степанов Ю.С. Слово: Из статьи для словаря концептов. Концептуарий русской культуры // Philologica. 1994. № 1 - 2.
7. Никитина С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре// Логический анализ языка. М., 1991.
8. Казарин Ю.В. Абстрактные, социально-обобщенные и конкретные глаголы и их место в системе лексико-семантических групп русских глаголов // Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой / Под общ. ред. Л.Г.Бабенко. Екатеринбург, 1997. С. 69 - 100.
9. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопр. языкознания. 1990. № 5.

10. Шабес В.Я. Событие и текст. М., 1989.

11. Копорская Е.С. «Семантический архетип» глаголов физического движения в его отношении к строению глагольного класса: Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.

12. Бабенко Л.Г. Глаголы комплексной полипропозитивной семантики // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм.

В.Вельш

Гейдельбергский университет

Рефлексивная конструкция «чувствовать себя» и ее отображение в двуязычном словаре

Мы попытались осветить русскую часть словарной статьи «чувствовать себя» в готовящемся к выпуску русско-немецком словаре рефлексивных конструкций.

Под **рефлексивной конструкцией** (РК) понимается в соответствии с принципами синтаксической семантики такая конструкция, которая имеет в своем составе рефлексивный показатель. В данном случае это рефлексивное местоимение **себя**. В широком смысле рефлексивный показатель определяется как элемент в глаголе, имеющий рефлексивное значение, т.е. значение однореферентности объекта действия с субъектом. В двуязычные словари рефлексивные конструкции типа «чувствовать себя», «вести себя», «держаться себя» включаются в связи с их колокационным характером. Рефлексивная конструкция «чувствовать себя» является наиболее часто употребляемой в художественных произведениях по сравнению с другими конструкциями с рефлексивным местоимением **себя** и его предложно-падежными формами. Так, например, в романе М.Горького «Жизнь Клима Самгина» данное сочетание встретилось около 200 раз.

Аналогичные конструкции представлены в большинстве индоевропейских языков, что само по себе является веским основанием для их типологического исследования. Насколько можно судить по толковым и двуязычным словарям, данным конструкциям уделяется слишком мало внимания. Это относится прежде всего к Словарю сочетаемости слов русского языка под редакцией П.Н.Денисова, В.В.Морковкина [1. С. 663], Толково-комбинаторному словарю современного русского языка И.А.Мельчука и А.К.Жолковского [2. С. 975 - 983] и к многочисленным (около 100) двуязычным словарям. Мы придерживаемся мнения о том, что в словаре должны быть зарегистрированы наиболее частотные и изученные смыслы, а также описаны средства их выражения. Общеиз-

вестно, что каждый смысл выражается в языке, как правило, при помощи не одного средства, а нескольких, и что они чаще всего относятся к разным языковым уровням.

Рассматриваемая рефлексивная конструкция может эксплицировать различные чувства. Мы определяем **чувство** как способность осознавать, переживать, понимать что-либо на основе приобретенных ощущений и впечатлений. В психологии под чувствами понимаются такие человеческие ощущения, которые складываются из эмоций и представлений. К элементам чувства прибавляются познавательные элементы, к единичным образам внешних предметов, своего тела, а также словесным образам присоединяется предшествующий накопленный опыт в форме системных автоматизированных чувств гностического характера. «Чувства гностические обобщают предшествующие знания о предмете и слове в конкретно-чувственной форме, обеспечивают чувствование принадлежности психических процессов нашему «Я», личности, включают в себя эмоциональный тон соответствующей окраски и интенсивности» [3. С. 583]. В психоанализе под чувствами подразумевается «организованная система эмоциональных диспозиций, собранных вокруг идеи о некоем объекте» [4. Р. 145].

То, что субъект испытывает какие-либо чувства, означает, что его эмоциональная система находится в возбужденном состоянии. Основными характеристиками данного состояния являются положительность/отрицательность и активность / пассивность. Если чувства вообще описываются через тип эмоционального состояния и через условия их возникновения, то рефлексивная конструкция «чувствовать себя» эксплицирует прежде всего оценку субъекта, его физического или эмоционального состояния с точки зрения его предшествующего опыта, чаще после какой-нибудь ситуации. Анализ цитат и списка в 200 единиц показал, что правые облигаторные актанты РК «чувствовать себя» образуют две существенно различающиеся по качественным показателям группы, составляющие оппозицию по признаку заложенной в них оценки: позитивной и негативной.

Границы между этими группами достаточно четко определяются самим субъектом. Нам не встретился ни один случай, когда, в зависимости от коммуникативной ситуации, они используются одновременно и с положительной и с отрицательной коннотацией, актуализируя различные семы из импликационала своего значения.

Различным является диапазон стилистических расслоений в обеих группах. Среди слов позитивной оценочности представлены все стилистические пласты, от поэтически-возвышенного до просторечного.

Основная масса слов с негативной оценочностью относится к разговорно-обиходной речи.

В процессе характеристики своего состояния внимание субъекта фокусируется как на всем объекте, так и на отдельных его признаках, однако каждое его обозначение характеризует состояние субъекта в целом с какой-то одной стороны, наиболее значимой для определенного отрезка времени. Среди признаков, положенных в основу обозначения состояния, следует назвать указания прежде всего на физическое состояние субъекта, затем - на его интеллектуальные и моральные качества.

Рольевые отношения акта коммуникации, их возрастные, социальные, профессиональные параметры определяют выбор наименований состояния среди имеющихся в языке семантически эквивалентных и близких по коннотативно-оценочным компонентам обозначений.

В логике и этике принято считать, что оценочные суждения связаны с нормативными, т.е. признаки *хорошо/плохо* приписываются субъекту/объекту исходя из стандартных представлений о нем и некоторого набора требований, к нему предъявляемых.

Все рефлексивные конструкции с глаголом *чувствовать* обозначают чувства-состояния, а не чувства-отношения (ср. в учебниках по психологии деление чувств на переживания и устойчивые эмоциональные отношения).

Рассмотрим наиболее употребительные случаи сочетания глагола *чувствовать* + рефлексивное местоимение (*себя*):

1. Чувствовать себя как-либо (V + себя + Adv):

великолепно, глупо, комфортно, легко, мерзко, неважно, недурно, неловко, отвратительно, отлично, плохо, превосходно, прекрасно, свободно, скованно, сносно, уверенно, ужасно, хорошо и др.

• Это был дикий безлюдный кусочек берега, и здесь Петя чувствовал себя очень *хорошо, спокойно* и немного *грустно* (В.Катаев, «Беллет парус...»); Вот, посмотрите, на танцплощадке появляются пьяные, развязные парни, и они там себя *недурно* чувствуют (А.Вампилов, «Мечта в пути»); А вот Света-то была девушка веселая, бойкая, как говорится, вырви глаз, и Сергей чувствовал себя с ней *легко и просто*, хоть от природы он был застенчив (В.Шефнер, «Скромный гений»).

2. Чувствовать себя каким-либо (V + себя + Adj):

беспомощным, больным, бодрым, виноватым, виновным, здоровым, лишним, маленьким, молодым, несчастным, неприкаянным, (никому) ненужным, одиноким, свободным, сильным, слабым, способным на что-л., старым, счастливым, усталым, утомленным, храбрым, чужим среди кого-л. и др.

• Он [Вронский] чувствовал себя **несчастливым**. В первый раз в жизни он испытывал самое тяжелое несчастье, несчастье несправедливое и такое, в котором виною сам (Л.Толстой, «Анна Каренина»); Меркулов почувствовал себя прямо-таки **виноватым** перед Славой (Ф.Незнанский, «Ярмарка в Сокольниках»); **Бессильным** чувствовал себя Семен впервые в жизни, **бессильным и беспомощным**, словно младенец (В.Тендряков, «Суд»). Следует подчеркнуть тот факт, что формы правого актанта на -ым/ -им выражают постоянство, а формы на -о -временный признак.

К данной группе также относятся прилагательные в сравнительной степени: *лучше, моложе на 10 лет, сильнее, увереннее, хуже* и др.

3. Чувствовать себя кем-либо (V+себя+N5):

авантюристом, болваном среди специалистов, героем дня, жалкой девчонкой перед кем-л., маленьким царьком, подлецом, ребенком, бедным родственником, ненужным человеком, оптимистом, сиротой, стариком среди молодых, узником, хозяином положения, человеком и др.

• *Есть что-то в хирургии от благородного детектива и благородного спорта. Ты себя чувствуешь **героем**. На тебя все смотрят, ждут... вырастаешь в собственных глазах* (Ю.Крелин, «Семь дней в неделю»).

Приведенные конструкции имеют значение: *внутренне осознавать, считать себя кем-л.*

4. Чувствовать себя как (V + себя + как + N1 (N6) (Adj) (Part):

как во сне, как в глухом лесу среди людей, как за каменной стеной, как на горячих углях, как на вулкане, как на иголках, как на экзамене, как нокаутированный боксер, как парашютист во время первого прыжка, как пациент на приеме у врача, как по дороге к эшафоту (на эшафот), как рыба в воде, как рыба, вытащенная из воды, как связанный, как (у себя) дома, как у тещи на блинах, как утопающий и др.

• *Знаете, Анна Тимофеевна, в последние дни чувствую я себя **как на вулкане**...* (В.Саянов, «Страна родная»); На первых репетициях я уже копировал всю известную мне вольтеровские штучки и чувствовал себя **как дома** (К.Станиславский, «Моя жизнь в искусстве»); Мой друг Швырятых - человек надежнейший, за которым можно чувствовать себя, **как за каменной стеной** (Ю.Герман, «Наши знакомые»).

Сюда же относятся сочетания с сравнительными союзами *будто, словно и точно*: *будто за каменной стеной, словно младенец, точно в тюрьме* и др.

• В большом колобовском доме со старинной вычурной мебелью... все чувствовали себя как-то особенно свободно, **точно у себя дома** (Д.Мамин-Сибиряк, «Дикое счастье»).

5. Чувствовать себя каким (V + себя + Part):

вырванным из жизни, заброшенным в неведомый край, обделенным, обессиленным, обиженным, обязанным что-л. сделать, ограбленным, одураченным, окрепшим, оскорбленным, опустошенным, отдохнувшим, погруженным в неведение, потерянным, припертым к стенке, пристыженным, разбитым, растерянным, сломленным, спасенным, удовлетворенным, усталым, утомленным, удивленным и др.

• Однако же я чувствую себя не **униженным** перед вами, а напротив, **возвышенным** (Ф.Достоевский, «Подросток»); Я чувствовал себя самым **одураченным**, самым маленьким ребенком среди двухметровых мальчишек. (В.Аксенов, «Скажи «изюм»»); Прослав до субботнего заката, и мастер, и его подруга чувствовали себя совершенно **окрепшими**, и только одно давало знать о вчерашних приключениях. У обоих немного ныл левый висок (М.Булгаков, «Мастер и Маргарита»).

6. Чувствовать себя в чем-либо, где-либо (V + себя + в + N6):

в безопасности, в глупом положении, в гуще событий, в долгу перед кем-л., в опасности, в (своей) родной стихии, в евоей тарелке, в толпе, в центре событий, во всеоружии, не в духе и др.

• Он [Чубаров] чувствовал себя опять в **своей тарелке**. Кислое настроение прошло (В.Короленко, «Прохор и студенты»); Юрьев чувствовал себя в положении человека, которому незачем ломать голову над тем, где достать денег (Г.Иванов, «Третий Рим»).

7. Чувствовать себя на чем-либо, где-либо (V + себя + на + N6):

на вершине счастья, на верху блаженства, на отшибе, на равных с кем-л., на свободе, на седьмом небе (от счастья), на твердой почве, на коротке с кем-л., не на месте и др.

• Мы перестали чувствовать себя **на отлете** (А.Чаковский, «Год жизни»); Охотники улыбнулись все разом и захлопали от восторга в ладони. Все почувствовали себя **на седьмом небе** (А.Чехов, «Петров день»).

8. Дать себя чувствовать (V + себя + V):

Боль в ноге давала себя чувствовать. Недостаток образования дает себя чувствовать. Недосыпание дает себя чувствовать. К восьми часам жара уже дает себя чувствовать.

Являясь семантическим распространителем глагола, рефлексивное местоимение **себя** непосредственно входит в семантическую структуру высказывания, выполняя определенную информативную нагрузку.

В качестве облигаторного элемента в составе рассматриваемой рефлексивной конструкции РМ себя выступает как компонент фразеологического сочетания, выполняя вторичную структурную функцию.

Примечания

1. См.: Словарь сочетаемости слов русского языка. // Под ред. П.Н.Денисова, В.В.Морковкина. М., 1983.
2. См.: Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
3. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж, 1995.
4. McDougall W. An Intrisuction to Social Psychology. L., 1931.

*А.В.Волегов
Уральский университет*

Категория художественного метода при анализе эпического текста в иностранной аудитории

Взаимодействие лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста особенно важно при обучении иностранных учащихся русскому языку.

Это требование комплексности относится в первую очередь к анализу русской лирики.

Связь лингвистики и литературоведения важна и при анализе эпических произведений. Эпическое произведение имеет в своей основе фабулу - образ последовательных событий. Отсюда возникает кажущаяся простота анализа: значения глаголов, на которых основана пространственно-временная картина текста, открывают его смысл. Но это не так.

В курсе русской литературы иностранные студенты-филологи продвинутого этапа обучения знакомятся с двумя близкими по времени создания произведениями: рассказом А.П.Чехова «Человек в футляре» и романом Ф.К.Сологуба «Мелкий бес».

Если анализировать произведения, опираясь на значения глаголов, создающих фабулу, роман Сологуба становится запутанным и непонятным, так как поступки героев не соответствуют ситуации и изначально абсурдны. Фабула романа - это цепь абсурдных действий.

В поступках чеховского Беликова тоже есть элементы забавного абсурда, но автор уже на первой странице рассказа дает установку на восприятие описываемых событий как социально детерминированных.

В своем разговоре персонажи рассказа оценивают жену старосты Мавру и учителя Беликова как «явление не редкое», типичное. В этом контексте дальнейшие события становятся понятными.

Таким образом, читатели подспудно учитывают литературоведческую категорию художественного метода - критического реализма, поэтому герой и его поступки воспринимаются как типичные для определенного общества.

Анализируя роман Сологуба, необходимо помнить, что это не реалистический, а символистский роман. Символизм - одна из школ модернизма, основной принцип которой можно сформулировать так: «мир непознаваем». И в отличие от текста Чехова, указаний на типичность здесь нет. Это принципиально. О многих событиях романа мы не можем точно сказать, реальность это или нет. Образы становятся зыбкими, приобретают бесконечное множество смыслов (Недотыкомка, ее вид, действия; сам Передонов, его мысли, поступки; кот Передонова, его действия; карточные фигуры, их действия; пожар на маскараде и т.д.).

Такие образы-символы создают картину мира, который а priori не может быть познан. Это ужасный мир «мелкого беса», который управляет душами людей.

Сологуб-символист спорит с Чеховым-реалистом: ужас не в устройстве общества, ужас в душе человека. И это - важное художественное открытие русской литературы «серебряного века». Но, как мы видим, этот вывод учащиеся могут сделать лишь при комплексном анализе произведения. Таким образом, при работе с художественным текстом в иностранной аудитории необходимо не только учитывать чисто языковые трудности, но и знать особенности развития литературы как явления национальной культуры.

Т.М.Воронина
Уральский педагогический университет

**Предложения, отображающие ситуацию приведения
в эмоциональное состояние: опыт описания образных
(метафорических) семантических моделей**

Изучение семантической структуры предложения и исследования в области семантического моделирования - основные направления синтаксической науки в настоящее время. Поворот синтаксиса к семантике определяется осознанием необходимости рассматривать предложение

не в разделении формы и содержания, а в синтезе, в единстве его внешней структуры, значения и коммуникативной направленности. Современные исследователи признают, что предложение, так же как отдельное слово, имеет свое собственное означаемое, денотат - ситуацию, и выражает ее определенным комплексом языковых единиц. Так, Ю.С. Степанов отмечает, что «при всех различиях, имеется глубокая аналогия между семантическим строением имени (отдельного слова) и семантическим строением предложения. И поскольку знаковый подход к имени не вызывает сомнений, он должен быть применен и к предложению»

[1. С.10]. Если слова называют различные предметы, явления объективной действительности, то предложения «означивают» отношения, возникающие в ситуации взаимодействия этих предметов и явлений. Но действительность «не только находит опосредованное отображение в языковых формах, она членится и организуется в сознании говорящих» [2. С.25], т.е. существуют закономерности, определяющие набор и последовательность синтаксических единиц для обозначения различных типов ситуаций. Эти закономерности находят свое выражение в семантических моделях, в которых представлены в общем виде элементы типовых ситуаций (участники действия), связанные типовыми отношениями.

Основу семантической модели составляет глагол-предикат, который содержит информацию об отражаемой ситуации и определяет количество актантов. Исследования в этой области показали, что одинаковые модели задаются глаголами одинаковой категориально-лексической семантики, т.е. глаголами одной лексико-семантической группы (ЛСГ): «... сведения о диктуме почти напрямую можно черпать из той части лексикологии, что посвящена семантике предикатных слов, в частности, различным группам глаголов» ([3. С.9], см. также работы Т.П. Ломтева, Э.В. Кузнецовой и др.).

Данная статья посвящена рассмотрению образных, или метафорических, моделей предложений с глаголами ЛСГ приведения в эмоциональное состояние. Материал (список глаголов группы и иллюстрации) взят нами из ТИСРГ [4], также в процессе работы мы обращались к данным толковых словарей (СО [5], МАС [6]). Основные задачи, которые мы перед собой ставили: 1) выявить основные особенности метафорических переносов значений глаголов-предикатов данной ЛСГ; 2) составить список метафорических моделей предложений, отображающих ситуацию приведения в эмоциональное состояние; 3) отметить отличительные черты семантических моделей, создаваемых глаголами в переносных значениях, по сравнению с базовыми, основными семантическими моделями.

Исходными положениями нашего исследования являются следующие: 1) глагольная метафора, как и метафора в целом, образует новые значения по принципу движения от конкретного к абстрактному и принципу антропо- и зооморфизма, т.е. свойства непредметных сущностей «выделяются на основе аналогии с доступными чувственному восприятию признаками физических, материальных предметов» [7. С.164]; 2) переносные значения глагола образуются более сложным способом, чем, например, имени существительного, так как глагол не называет предмет, а дает представление о действии и его участниках, и метафорическое значение может отличаться от прямого сложным комплексом признаков, относящихся как к способу осуществления самого действия, так и к внешним признакам, в которых это действие реализуется [8. С.308 - 309].

Глаголы приведения в эмоциональное состояние характеризуют один из аспектов духовного, психического мира человека. Метафорические значения предикатов такой семантики образуются посредством переносов по следующим направлениям:

эмоциональное воздействие ← **физическое воздействие на человека**

(*везти, вскружить, одурманивать, давить, душить, захватывать, наваливаться, овладевать, щемить*);

← **физическое воздействие на предмет**

(*потрясать, растревать, всколыхнуть, охлаждать, распалить, терзать, бить, взрывать*);

← **воздействие на человека магическими приемами**

(*зачаровывать, околдовывать*);

← **воздействие на человека знаками, сигналами** (*манить, отпугивать*);

← **движение жидкого или сыпучего вещества** (*заполнять, переполнять*);

← **легкое движение ветра** (*навевать*).

Таким образом, главное различие между прямыми и метафорическими значениями - различие в характере, способе осуществления действия - обязательно сопровождается различиями в субъекте, объекте действия или других его внешних характеристиках. При этом если субъектом действия и в прямом, и в переносном значении глагола является человек, то обязательны различия в сфере средства воздействия

или объекта и средства воздействия. Например, глагол *зачаровывать*: в прямом значении «по суеверным представлениям, воздействовать на кого-, что-л. с помощью чар; заколдовывать» (МАС) средством воздействия являются какие-л. магические, колдовские приемы, в переносном - «вызывать у кого-л. чувство восторга от кого-, чего-л., воздействуя чем-л., производящим неотразимое впечатление, подобно тому, какое впечатление производит что-л. колдовское, волшебное» (ТИСРГ) - слова, действия человека; глагол *растравлять*: в прямом значении «вызывать чем-л. раздражение, воспаление, болезненное состояние чего-л.» (МАС) объектом является рана, какое-л. болезненное место, средством - движение, действие, причиняющее боль, в переносном значении «вызывать у кого-л. тревожное состояние, напомнив что-л., обычно неприятное, и заставив переживать вновь, подобно тому как вызывают болезненное состояние, воздействуя на организм чем-л. неблагоприятным, вредным» (ТИСРГ) средством воздействия выступают слова, действия человека, объектом - душа, чувства другого человека.

Метафорические значения глаголов с субъектом-человеком иногда образуются на основе значений глаголов, в которых субъектом является животное или предмет. В этих случаях при метафоризации меняются все внешние характеристики действия: субъект, объект, средство воздействия. Например, прямое значение глагола *терзать* - «рвать, раздирать на части» (МАС), особенности субъекта (животное) и объекта (предмет) отражены в иллюстрации: «... тигрица, старый тигр и два молодых терзали только что задранного оленя»; в переносном же значении «вызывать (вызвать) у кого-л. чем-л. душевные страдания, томить (истомить) нравственно» (ТИСРГ) этот глагол имеет в качестве субъекта и объекта человека, средством воздействия являются какие-л. слова, поступки и т.п.: *Постоянными обидами и упреками она просто истерзала Виктора.*

Указание на средство эмоционального воздействия (какие-л. слова, действия, внешние или внутренние качества и т.п.) является обязательным для метафорических предикатов данной ЛСГ с субъектом-человеком. Например: *Никто не умел так, как он, словом всколыхнуть самое черствое сердце и вызвать в человеческой душе чувство доброты. Своей замкнутостью и нелюбезностью он часто отпугивал людей, поэтому настоящих друзей у него было мало.*

Есть группа глаголов с указанием не на субъект, а на источник эмоционального воздействия - какие-л. мысли, чувства, переживания, приводящие человека в соответствующее эмоциональное состояние. Такие метафорические значения также образуются на основе переосмысления глаголов, обозначающих физическое действие, с различием в

сфере субъекта или (реже) субъекта и объекта. Например, метафорические значения глаголов *душить*, *захватывать*, *наваливаться* и т.п. отличаются от прямых субъектом (в прямых значениях это живое существо, в переносных - какое-л. чувство, переживание и т.п.), а глаголов *заполнять*, *переполнять*, *наевать* - субъектом и объектом.

Нами выделена и еще одна, малочисленная, группа предикатов, при метафоризации значений которых субъект действия не переосмысливается, а утрачивается, глагол становится безличным. Это глаголы *везти* и *взрывать* в предложениях типа: *Все знали, что ему всегда и во всем везет. От таких слов его словно взорвало, он соскочил со стула и вцепился Семену в бороду.* Думается, это связано с тем, что приведение в эмоциональное состояние здесь мыслится как спонтанное, не зависящее от чьей-л. воли и не поддающееся контролю ни со стороны какого-л. субъекта, ни, тем более, объекта воздействия.

Таковы особенности переносов значений глаголов, которые в метафорических значениях входят в ЛСГ приведения в эмоциональное состояние.

Теперь рассмотрим отличительные черты семантических моделей, формируемых метафорическими предикатами. Многие исследователи, рассматривая семантические модели с предикатами в переносных значениях, отмечают их особый характер [2, 9, 10, 11]: «Употребление глагола в переносном значении, вызывающее изменение в его семантике, нередко также влияет на способ синтаксического оформления сочетаний с глаголом компонентов ... вследствие употребления глагола в переносном значении может измениться и качество распространителей глагола» [9. С.150]. Наше исследование показало, что метафорические модели предложений, отображающих ситуацию приведения в эмоциональное состояние, отличаются от базовых не только лексическим наполнением. Несмотря на то, что они являются вторичными и находятся на периферии того семантического пространства, ядром которого являются основные модели, они тем не менее чрезвычайно важны для носителей языка, поскольку расширяют возможности отображения ситуации, позволяют взглянуть на нее как бы с другой стороны, осознать и обозначить ее несколько иным способом.

Сравним базовые и метафорические модели предложений, отображающих ситуацию приведения в эмоциональное состояние. Нами выделены следующие базовые модели:

1.Субъект эмоционального воздействия - предикат со значением приведения в эмоциональное состояние - объект эмоционального воздействия - средство воздействия.

Типовая семантика: человек вызывает у кого-л. какое-л. эмоциональное состояние своими действиями, словами, а также своими внешними или внутренними качествами и т.п.

Такая модель строится на основе глаголов-предикатов типа: *веселить, восхищать, обнадеживать, успокаивать, возмущать, досаждать, дразнить, удивлять* и т.п. - и репрезентируется предложениями типа: *Она сразу же восхитила его своим веселым нравом, умением ко всему относиться легко, с юмором. Начальник досаждал Михаилу постоянными придирками, указывал на какие-то ошибки в отчетах, которых не было.*

2. Источник эмоционального воздействия - предикат со значением приведения в эмоциональное состояние - объект воздействия.

Типовая семантика: что-л. воздействует на человека, приводя его в какое-л. эмоциональное состояние.

В создании модели участвуют в основном такие же предикаты, за исключением тех, которые могут иметь только одушевленный субъект (*развлекать, тешить, донимать, досаждать, дразнить, стращать*), и с добавлением тех, которые могут иметь только неодушевленный субъект (*умиротворять, возбуждать, заботить, отпугивать, пугать, смущать, страшить, томить, тяготить, угнетать, удручать, ужасать*). Примеры предложений, построенных по такой модели: *Игра возбуждала его, казалось, кроме азарта, ничего другого он не испытывал в эти минуты. Илью тяготили воспоминания первого военного года.*

Образные модели рассматриваемых предложений строятся в основном подобно базовым моделям, но: 1) лексические варианты моделей выделялись нами на основе общности метафорических уподоблений (например: «человек своими словами, действиями и т.п. приводит кого-л. в какое-л. эмоциональное состояние, будто производя конкретные физические действия с неодушевленными предметами»; «какие-л. качества, свойства предметов, различные ситуации, состояния, а также мысли, настроения и т.п. вызывают у человека интерес или опасение, подобно воздействию каких-л. призывных или отталкивающих действий, сигналов»)*, что, на наш взгляд, наиболее точно отражает принцип отбора средств для образного обозначения ситуации приведения в эмоциональное состояние; 2) отдельные предикаты образуют модель «предикат со значением приведения в эмоциональное состояние - объект

* Лексические варианты базовых моделей выделялись на основе семантической близости другого порядка - по типам эмоциональных состояний, в которые? приводится объект (положительные, отрицательные эмоции, волнение, интерес).

эмоционального воздействия» (судя по нашему материалу, непродуктивную), которая не имеет аналога среди семантических моделей с глаголами в прямых значениях; 3) в рамках метафорических моделей, построенных аналогично базовым, выделяются особые лексические варианты, которые несколько по-иному поворачивают ситуацию приведения в эмоциональное состояние, например, давая представление о каком-л. чувстве как активно действующем на человека, «как живом существе, имеющем материальную оболочку, существующем помимо субъекта» [12. С.160]: «...человека приводят в соответствующее эмоциональное состояние какие-л. мысли, чувства, переживания, уподобляемые живым существам, которые могут оказывать физическое воздействие на человека (обычно отрицательное, с причинением вреда)».

В заключение приведем выстроенную нами типологию метафорических моделей предложений, отображающих ситуацию приведения в эмоциональное состояние.

1. Субъект эмоционального воздействия - предикат со значением приведения в эмоциональное состояние - объект эмоционального воздействия - средство воздействия.

Лексические варианты модели:

1. 1. Типовая семантика: человек своими словами, действиями и т.п. приводит кого-л. в какое-л. эмоциональное состояние, будто производя конкретные физические действия с неодушевленными предметами.

Предикаты: *всколыхнуть, охлаждать, потрясать, распалать, растравлять, терзать.*

Илл.: *Никто не умел так, как он, словомuscoлыхнуть самое черствое сердце и вызвать в человеческой душе чувство доброты. Вечно неуместные причитания бабушки не раз охлаждали ее восторженность и веселье.*

1.2. Типовая семантика: человек своими словами, действиями и т.п. вызывает у кого-л. состояние сильного волнения, безотчетного влечения к себе или к чему-л., будто воздействуя на человека магическими, колдовскими приемами.

Предикаты: *зачаровывать, околдовывать.*

Илл.: *Ее улыбка просто зачаровывала, притягивая и не отпуская от прекрасного лица*

1.3. Типовая семантика: человек вызывает у кого-л. интерес или опасение своими словами, поступками, чертами характера и т.п., которые уподобляются каким-л. призывным или отталкивающим действиям, знакам, сигналам.

Предикаты: *манить, отпугивать.*

Илл.: *Своей замкнутостью и нелюбезностью он часто отпугивал людей, поэтому настоящих друзей у него было мало.*

1.4. Типовая семантика: человек своими словами, действиями вызывает у кого-л. состояние безотчетного увлечения кем-, чем-л., неспособности здраво рассуждать, подобное физическому состоянию, вызываемому сильным головокружением или действием ядовитого растения: нарушается восприятие, утрачивается чувство равновесия и т.д.

Предикаты: *вскружить (голову), одурманивать.*

Илл.: *Микола пытался вскружить голову Вике своими рассказами о службе на подводной лодке.*

2. Источник эмоционального воздействия - предикат со значением приведения в эмоциональное состояние - объект эмоционального воздействия.

Лексические варианты модели:

2.1. Типовая семантика: какие-л. качества, свойства предметов, различные ситуации, состояния, а также мысли, настроения приводят человека в какое-л. эмоциональное состояние, как если бы он являлся каким-л. неодушевленным предметом, подвергающимся физическому воздействию.

Предикаты: *всколыхнуть, охлаждать, потрясать, распялать, растревлять, терзать.*

Илл.: *Живопись 15 века его потрясла, ведь до этого он не имел представления о русском раннем Возрождении. Мечты о таком будущем только распяляли воображение Сергея.*

2.2. Типовая семантика: какие-л. качества, свойства предметов, различные ситуации, состояния, а также мысли, настроения вызывают у кого-л. состояние сильного волнения, увлечения кем-, чем-л., подобно тому как воздействуют на человека магические, колдовские приемы.

Предикаты: *зачаровывать, оклдовывать.*

Илл.: *Блеск сапфиров и алмазов зачаровал Гриммельса, он остановился как вкопанный и долго-долго стоял у витрины.*

2.3. Типовая семантика: какие-л. качества, свойства предметов, различные ситуации, состояния, а также мысли, настроения вызывают у человека интерес или опасение, подобно воздействию каких-л. призывных или отталкивающих действий, знаков, сигналов.

Предикаты: *манить, отпугивать.*

Илл.: *На какое-то время надежда оживила его, поманила за собой, но опять исчезла.*

2.4. Типовая семантика: какие-л. качества, свойства предметов, различные ситуации, состояния, а также мысли, настроения вызывают у кого-л. состояние безотчетного увлечения кем-, чем-л., неспособности

здро рассуждать, подобное физическому состоянию, вызываемому сильным головокружением или действием ядовитого растения: нарушается восприятие, утрачивается чувство равновесия и т.д.

Предикаты: *вскружить (голову), одурманивать.*

Илл.: *Он не вынес испытания славой, успех вскружил ему голову, и он забыл обо всех обещаниях.*

2.5. Типовая семантика: человека приводят в соответствующее эмоциональное состояние какие-л. мысли, чувства, переживания, уподобляемые живым существам, которые могут оказывать физическое воздействие на человека (обычно отрицательное, с причинением вреда).

Предикаты: *брать, давить, душить, захватывать, наваливаться, овладевать, терзать, щемить.*

Илл.: *Каждый день на него наваливались все новые и новые заботы. Глубокая тоска сдавила грудь.*

2.6. Типовая семантика: какие-л. чувства, мысли, переживания занимают, охватывают человека целиком, подобно тому как какое-л. жидкое или сыпучее вещество занимает пустой сосуд или свободное пространство.

Предикаты: *заполнять, переполнять.*

Илл.: *Он пишет Гале ежедневно, его переполняют большие мысли и большие чувства.*

2.7. Типовая семантика: чьи-л. мысли, слова, воспоминания, а также созерцание чего-л. и т.п. вызывают спокойное радостное или грустное настроение, состояние, которое охватывает человека подобно теплу или холоду, принесенному дуновением ветра.

Предикат: *навевать.*

Илл.: *Мысли о прошлом навеяли грусть, и, поглощенный своими воспоминаниями, он забыл, зачем приехал.*

3. Предикат со значением приведения в эмоциональное состояние- объект эмоционального воздействия.

Лексические варианты модели:

3.1. Типовая семантика: человека приводит в радостное, благополучное состояние, настроение какое-л. удачное стечение обстоятельств, не зависящее от чьих-л. действий, желаний и т.п., будто кто-, что-л. движет его по направлению к цели, удаче и т.п.

Предикат: *везти.*

Илл.: *Все знали, что ему всегда и во всем везет.*

3.2. Типовая семантика: что-л. приводит человека в состояние крайнего возмущения, гнева, так что он не владеет собой, проявляя это состояние бурно, обычно с шумом, подобно тому как что-л. разрушают взрывом.

Предикат: *взрывать*.

Илл.: *От таких слов его словно взорвало, он соскочил со стула и вцепился Семену в бороду.*

Примечания

1. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: (Семиологическая грамматика). М., 1981.
2. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
3. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1988.
4. Толковый идеографический словарь русских глаголов (с указанием английских эквивалентов): Рукопись (ТИСРГ).
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994 (СО).
6. Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981 - 1984 (Малый академический словарь - МАС).
7. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора: (Синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С.147 - 173.
8. См: Гарипова Н.Д. К лингвистической характеристике глагольных метафор в современном русском языке// Вопросы теории и методики языка. Ульяновск, 1969. С.305 - 313.
9. См: Кубик М. Модели двусоставных глагольных предложений в русском языке в сопоставлении с чешским. Прага, 1977.
10. См: Кузнецова Э.В. Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974.
11. См: Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке. М., 1979.
12. Бабенко Л.Г. Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности (на материале художественной речи А. Платонова): Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1980.

Н.В.Галинова
Уральский университет

Функционирование дериватов праславянских глаголов со значением «гнуть» в говорах Русского Севера

Условия бытования слов в говорах накладывают отпечаток на состав, объем и даже семантическое своеобразие этимолого-словообразовательных глагольных гнезд. Очевидно, в каждой диалектной системе существует свой неповторимый комплекс факторов, влияющий на

функционирование лексических единиц. Например, на Русском Севере одним из самых действенных факторов оказывается взаимодействие, взаимовлияние гетерогенных языковых систем, в первую очередь - русской и финно-угорской.

Дериваты различных праславянских глаголов с исходным значением «гнуть» по-разному ведут себя в современной системе диалекта. Поэтому немаловажно проследить судьбу каждого гнезда, выявить сходства и различия в поведении дериватов, а также установить причины, обусловившие эти отличия. Решению этой задачи посвящена настоящая статья, материалом для которой послужили данные лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета по территории Русского Севера (Архангельская и Вологодская области). Набор праславянских корней со значением «гнуть» выявлен по Этимологическому словарю славянских языков [1], а также по этимологической литературе (работам Ж.Ж. Варбот, Л.В. Куркиной, В.А. Меркуловой, И.П. Петлевой, О.Н. Трубачева и других исследователей).

При описании особенностей функционирования этимолого-словообразовательных гнезд изучаемых корней в системе диалекта целесообразно обращать внимание на следующие параметры:

- наличие в современной системе диалекта опорного производящего глагола;
- именной или глагольный характер гнезда;
- степень наполненности гнезда;
- влияние со стороны морфо-семантического поля^{*};
- экспрессивный / нейтральный характер дериватов.

1. **gub-//*gyb-//*gob-//*gъb-//*bъg-//*bug-*. Различные огласовки данного корня весьма различаются в функциональном плане.

Только две огласовки – **gъb-* и **gyb-* – дают в севернорусских говорах опорные глаголы с исходным значением «гнуть», «сгибать»: диал. *гбать* и *сгибать*, присутствующие как в диалекте, так и в системе литературного языка. Поэтому в значениях дериватов этих корней ярка глагольная семантика сгибания, в большинстве значений выделяется сема гнутья, сгиба (*гбач*, *гибак* «изгиб, поворот реки», *гибало* «приспособление для гнутья полозьев», *загибень* «закрытый пирог» и т.п.). Однако некоторые продолжения **gъbati* утратили связь с производящим

^{*} Такое поле «включает в себя все слова, способные входить в какие-либо отношения с анализируемым словом по форме или по значению» [2. С.234]. Основой морфо-семантического поля Ж.Ж. Варбот считает отношения омонимии, паронимии, синонимии, антонимии и контекстуальные связи [3. С. 61].

глаголом вследствие фонетических изменений, ср. *бало* «приспособление для загибания полозьев» < *gъbadlo (гъб > б в результате упрощения группы согласных после падения редуцированных).

Что касается огласовки *gub- то опорный глагол соответствующего гнезда существует в системе говора и в современном литературном языке, только в производном от «гнуть» значении «уничтожать, истреблять» (*губить*). Значения дериватов этого глагола связаны именно с этой семантикой (*губина* «поле, покос, вытопанные скотом»).

Отсутствие в современном русском языке глагола *gubati «сгибать» и сохранение лишь отглагольного существительного *губа* «залив», форма которого совпадает с *губа* «часть тела» (< *goba), привело к тому, что нельзя однозначно отнести значения дериватов этого гнезда к *guba или *goba.

Продолжения *gob- немногочисленны: они восходят либо к *губа* «гриб», либо к *губа* «часть тела» (эти два значения связываются между собой на основе семы «складка»). В литературном языке и в системе диалекта данные слова являются омонимами; соотнесение их с исходной семантикой гнутья отсутствует, поэтому дальнейшее развитие значения идет на основе метафоры. Первоначальная сема сгиба переосмысливается и исчезает: *губник* «пирог с грибами» < *губник* «закрытый пирог с какой-либо начинкой».

Огласовка *bъg-, метатетически связанная с *gъb-, дает в системе севернорусских говоров единичные дериваты. В них отчетливо представлена сема сгибания (*гало* «инструмент для сгибания полозьев», *галы* «часть ловушки на птицу»), однако вследствие отсутствия производящего глагола и фонетической затемненности корня данное гнездо является разрушенным и непродуктивным.

2. *gul-//*gyl-. Праславянский корень *gul-//*gyl- не сохраняет в современном языке значения «гнуть, сгибать», дериваты этого корня базируются на семе «круглое, выпуклое» (*гулюшка* «шарик» и *пагулька* «шишка, волдырь»). Кроме того, внешнее сходство с корнем, представленным в русск. лит. *гулять*, привело к появлению контаминированных значений. Гнездо этого корня следует считать разрушенным. Сложности при интерпретации продолжений этого гнезда связаны с тем, что их (продолжения) можно объяснить и как результат экспрессивного озвончения (к → г) дериватов корня *kul- (*кукульки* «чашелистики морошки» → *кугульки* «то же»).

3. *gur-//*gyr-//*gvor-//*govyr-. Данное гнездо является сугубо именным. Огласовки *gvor-//*govyr- представлены единичными дериватами, образованными на базе семы «выпуклость» (*говоря* «нарост на дереве», *гогыря* «всякий нарост, шишка», «замерзший или засохший

ком грязи»). Что касается рефлексов праслав. ***gur-**, то наличие их в севернорусских говорах весьма проблематично (для всех лексем, допускающих такое соотнесение, можно найти альтернативные этимологические решения: ср. лексему *огур* «лентяй», которая формально может быть сопоставлена с ***gur**. Семантическую поддержку такому сопоставлению тоже можно найти: гнуть, изгибаться → уклоняться → отказываться от работы → бездельничать. Однако для этих лексем можно предложить и другую этимологию: семантика глагола *огурнуться* «отнекаться, отговориться от поручения, работы» указывает на то, что он может быть звукоподражательным).

Рефлексы ***gur-** представлены в севернорусских говорах единственным фактом (который, однако, недостаточно убедителен в плане соотнесения с данным корнем): *гурия* «снег на ветках деревьев».

4. ***ek-//*ok-**. Данное гнездо первоначально было глагольным, однако производящий глагол не сохранился ни в системе диалекта, ни в литературном языке. Дериваты этого корня раритетны (*перяковка* «межа между покосами» (?), *паук* «овод», *заук* «заулок, закуток»), а связь с первичной семантикой гнутья осознается слабо.

5. ***xyl-**. Корень ***xyl-** образован на основе ***skula** «изгиб, выпуклость», т.е. изначально был именным. Данное гнездо представлено единичными лексическими фактами, в которых реализуется связанное с семантикой сгибания значение «быть слабым, вялым» (ср. *подхилой* «худой, тощий»), а также производное от него значение «слабый ветер» (*хил, хилок*). Дериваты этого гнезда подверглись дестимологизации.

6. ***kub-**. ***kub-** – именной корень, дериваты которого в основном являются существительными с семантикой округлости, выпуклости (*кубарь* «гриб бычок», *кубан* «небольшая горка», *кубышка* «веретено с пряжей»), причиной чего служит первоначальное значение (производность семы «выпуклость» от семы «изгиб»), а также фонетический облик корня. Глагольная семантика, появляющаяся в этом гнезде, производна от именной.

7. ***kuk-//*kuk-**. Дериваты корней ***kuk-//*kuk-** в основном сохраняют в своей семантической структуре сему «изгиб», хотя производящий глагол в современном русском языке отсутствует и данное гнездо является преимущественно именным. На факт наличия в прошлом производящего глагола указывают формы *кыкнуться, скикать* «пропасть, исчезнуть», значения которых производны от семантики сгибания (ср. *сгинуть*) и не могут быть объяснены как отыменные. Близость формы дериватов ***kuk-** к продолжениям других праславянских корней (ср. лексемы *куколь* «полевой сорняк», *кукла* «болотное растение с большими листьями», *куколки* «чемерица», которые могут быть отнесе-

ны к гнезду корня **kokoľь*), а также к разного рода заимствованиям (ср. лексему *кукач* «пирожок с начинкой», которая интерпретируется из финно-угорских источников) привела к многочисленным контаминациям, поэтому иногда невозможно определить, к какому корню относится значение той или иной словоформы. Данный корень имеет весьма экспрессивный внешний облик, что обусловило появление большого количества экспрессивных дериватов (ср. *кукомоя* «неряха»). Еще более экспрессивна огласовка **cuk-(*cuc-)* и, соответственно, система дериватов этого корня (ср. *чукля, чуча* «неопрятно одетый человек»). Эта причина, возможно, вызвала удаление корня **cuk-* от **kuk-/*kyk-*, что привело к разрушению гнезда **cuk-*.

8. **kul-*. Яркий фонетический облик корня **kul-* привел к образованию множества экспрессивных значений, возникших от семантики гнутья через промежуточное звено «мять, комкать» (ср. *куляба, кулём* «неудачно сметанный стог», *кулима* «неряха», *кулига* «что-либо уродливое, безобразное» и т.п.). Близость корня **kul-* к финно-угорским основам явилась причиной затруднений при этимологизации: славянские и заимствованные формы в результате длительного взаимодействия настолько переплелись между собой, что сложно проследить их развитие. Следует отметить также притяжение дериватов этого корня к продолжениям праслав. **kol-* «круглый».

В современной системе диалекта отсутствует глагол с корнем **kul-* и первоначальной семантикой гнутья (глагольные значения, представленные в этом гнезде, связаны с семантикой гнутья через опосредующие звенья), что, видимо, и привело к возникновению большого количества дериватов со значениями, зачастую далеко ушедшими от первичной семантики. Специфической характеристикой данного гнезда является представленность в его дериватах признака угловатой, конусообразной формы (*кулик* «шалаш»), на базе чего развиваются значения, отражающие признак соответствующей траектории передвижения – углами (*куликаться* «о траектории полета биты в играх: лететь, переворачиваясь»). Особенностью данного гнезда можно также считать более активное, чем в других гнездах, развитие абстрактной, а также негативной семантики (ср. *кулом* *о пойти кулом* «пропасть, исчезнуть безвозвратно», *накулебесить* «сделать что-либо неправильно»).

9. **kut-*. Данное гнездо является весьма немногочисленным. Обращает на себя внимание представленность в нем глагольных значений, сохраняющих как непосредственную (*кутить* «мять, комкать»), так и весьма опосредованную связь с «гнуть» (*кутить* «занести снегом»). Значения глагола *кутить* дают конкретизированные, опредмеченные варианты исходной семантики (*кутало, кутило* «гарпун на тюленя»,

закутыш «ватрушка»), однако эти специализировавшиеся значения мешают появлению большого количества дериватов с вариативной семантикой.

10. **lek-/*lok-*. Отсутствие в современной системе говора производящего глагола привело к появлению широкого спектра значений (в основном у продолжений огласовки **lok-*), которые зачастую образуются от исходного «гнуть» через несколько ступеней семантической производности. Дериваты этих корней в основном сохраняют предметную семантику и являются нейтральными (*лучка* «ручка люльки», *лук*, *сулячок* «берестяной чехол для лопатки, которой точили косу»). В данном гнезде практически отсутствуют значения, в основе которых лежит сема «выпуклость», однако связь с семой «изгиб» здесь прослеживается весьма четко, ср. значения «излучина реки» (*прилук*), «оглобли» (*лук*, *улук*, *лучок*) и др. Специфическим для дериватов данного гнезда можно считать признак раздвоенной формы предмета (*лучок* «распорка», *розлука* «дуга, распорка в лодке»).

За счет фонетических изменений (экспрессивный переход *к > г*) происходит изоляция дериватов **leg-* и **log-* от продолжений основного варианта корня **lek-/*lok-*, в результате чего наблюдается удаление семантики дериватов этих корней от первоначального значения (*ляга* «сырая низина»).

11. **zbg-*. Дериваты этимологического гнезда раритетны, нейтральны, являются именными образованиями (*жгут* «веревка, с помощью которой натягиваются крылья ловушки на рыбу», *жигуль* «тонкая веревка, шнурок»); производящий глагол не представлен. Продолжения данного корня с трудом поддаются этимологизации, так как в некоторых случаях формально совпадают с дериватами глагола *жечь*; этим можно объяснить отсутствие однозначного решения для лексем, значения которых содержат сему «тонкий».

Примечания

1. См.: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд /Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974. Вып. 1 - 23. (Издание продолжается).

2. Варбот Ж.Ж. Связи значений и семантическая реконструкция в этимологии //Wiener Slavistisches Jahrbuch. Wien, 1992. Bd 38. S.233 - 241.

3. Варбот Ж.Ж. Морфо-семантическое поле лексемы в этимологическом словаре и возможности его реконструкции //Известия РАН. Сер. лит-ры и языка. 1995. Т.54, № 4. С.60 - 65.

Работа со студентами-иностранцами над экспрессивной газетной лексикой

Как показывает опыт работы с иностранными студентами, читают они российские газеты самостоятельно достаточно редко. А ведь именно газета (наряду с другими СМИ) является основным источником информации общественно-политического и социально-культурного содержания.

Перед преподавателем-русистом на уроках русского языка стоит как бы двойная задача: с одной стороны - научить студентов читать газету, понимать ее содержание и уметь адекватно его передать, с другой - выработать у них интерес к чтению газеты. Очевидно, что в определенной мере решить эту задачу поможет работа над газетной лексикой.

Каков язык газеты сегодня? Газета живо реагирует на разнообразные изменения политической и социальной ситуации в стране. Именно на страницах газет можно наблюдать наиболее яркие, заметные процессы, которые происходят сегодня в языке: более широкое по сравнению с прежним смешение и взаимопроникновение стилей (так называемый принцип мозаики при функционировании языка в различных социальных сферах), большое количество новых слов и в то же время заметная архаизация ранее употребительных и, наоборот, актуализация устаревшей лексики, изменения стилистической и эмоциональной окраски языковых знаков, разнообразные языковые новации и пр.

Язык газеты чрезвычайно мобилен и для своего нормального функционирования нуждается в постоянном притоке новых, свежих выразительных средств. Добавим еще, что в газете широко представлены языковые средства, имеющие национально обусловленную специфику, что вызывает особые трудности в восприятии газетного текста иностранным читателем и в адекватном его понимании. Поэтому работа с газетным текстом в иностранной аудитории требует лингвокультурологического комментария. Как я уже сказала, большое место при обучении иностранцев чтению газеты занимает работа с газетной лексикой. Объектом моего внимания стали слова и выражения, данные в газете в кавычках.

Кавычки как выделительный знак препинания непременно привлекают внимание к тем конструкциям, которые они выделяют. Как единица пунктуации кавычки служат: для выделения прямой речи, цитат, названий газет, журналов, предприятий и пр. Помимо этих основ-

ных функций кавычки могут выполнять и факультативные функции: выделение слов и словосочетаний в переносном смысле, выражение иронии, выделение новых и устарелых единиц и т.д. Факультативные для пунктуационной системы функции кавычек становятся основными, преобладающими в газете. Нас интересовали именно эти функции, и в соответствии с ними весь материал был распределен на 3 группы:

1) кавычки как лексико-семантический знак (системно-языковые функции кавычек);

2) кавычки как стилевой знак (стилеобразующие функции кавычек);

3) кавычки как лингвокультурологический знак.

Остановимся на примерах. В тех случаях, когда кавычки выступают как лексико-семантический знак, можно говорить о развитии многозначности слов, метафоризации их значений, о скрытой, неявной многозначности слов. Поясню, что это значит. Лексико-семантическая структура слова, как и любая другая система, характеризуется отсутствием отдельных элементов, потенциально в ней возможных. В словаре у глагола «раздевать» - как неосновное, разговорное приводится значение «огрбить, сняв с кого-л. одежду», что позволяет появиться значению «нечестно, несправедливо, не по закону лишить чего-л.». В газете: «Их «раздевают» еще до того, как они пересекут границу» (о тех, кто покупает и перегоняет машины из-за границы). Глагол «просветить» - «пропустить сквозь кого-, что-л. свет, пронизать светом; сделать видимым, исследовать с помощью лучей» в газете приобретает иное значение: «Следственные органы Испании обратились к швейцарским коллегам с просьбой «просветить» счета афериста в местных банках» (реализуется значение «сделать известными, открытыми»). У глагола «прописать» возможно значение «иметь постоянное местонахождение, располагаться где-л.»: «А еще журнал, как и КП, «прописался» на 6-м этаже». Глагол «лечить» может иметь значение «восстанавливать, ремонтировать»: «Опыт в Питере есть, как «лечить» колонны знают». У глагола «болеть» наблюдаем расширение его сочетаемости: «Сам он конями «заболел», как только первый раз зашел в конюшню» или «В Англии собачьей травлей одинаково «болели» и джентльмены, и грубые простолюдины» (ср. болеть футболом и т.п.). Иногда закавыченными оказываются слова-сравнения: «Тополя ждут своего «парикмахера» или «Но в воде эти «ноги» служат моржам отлично». Интересным представляется пример, когда в кавычках оказываются несколько слов одной и той же тематической группы, например, прилагательное «грязный», существительное «стирка» и глагол «замочить»: «О наличии «грязных» денег из России говорят все... подобно умелой прачке, делец перед «стиркой» замачива-

ет нажитый торговлей наркотиками или оружием капитал в других финансовых учреждениях».

Часто слова в кавычках приобретают противоположное значение, по сравнению с тем которое отмечается в словаре. Это случаи окказиональной энантиосемии. Например, слово «награда»: «Налоги как «награда» отечественным экспортерам...»; «Наши заводы «награждают» лишь налогами» (= наказывать), ср. также употребление глаголов «отблагодарить», «пожалеть», «подарить»: «Степанова просто «отблагодарили» те, кого он отсек от вождя «каравая» в виде 80 млрд» (он был понижен в должности); «Депутаты намерены обратиться к главе государства с просьбой все-таки «пожалеть» Анатолия Борисовича и удовлетворить прошение об отставке»; «Целую сотню чрезвычайных происшествий «подарил» ему межгосударственный авиационный комбинат».

Предъявляя данный материал студентам на уроке, достаточно познакомить их с тем, как толкуются отдельные значения слова в словаре, и показать, на основе какого значения или его оттенка могут развиваться у данного слова новые значения.

Еще одна функция кавычек - стилистическая. Это выделение иноstileвых элементов. Например: «В свое время в Тбилиси «разгребал» апрельские события...» или «То, что у нас страна ротозеев, - не коммерческая тайна, но «прохлопать» почти 15 млрд!»

Сюда же можно отнести выделение различных типов иносказаний, перифраз, эвфемизмов: «Названные лица были взяты в «состоянии одурманивания»...»; «Единственный выход из этого положения - отставка «главного возмутителя спокойствия»...». Очень часто кавычки стоят там, где необходимо передать иронию, сарказм. Следует отметить, что эмоциональную окраску имеют большинство закавыченных слов и конструкций.

Особого комментария требуют те случаи, где кавычки выступают как лингвокультурологический знак. Культурологический характер данных языковых единиц позволяет использовать их на уроках русского языка с иностранными студентами как материал для знакомства с культурными и духовными ценностями его носителей, что помогает студентам в их актуальной коммуникации, расширяет знания в области истории, географии, экономики, литературы, политики. Можно говорить о двух типах таких единиц: идеологемы - слова с политическим содержанием и культураны - культурные знаки, не несущие политического содержания.

В кавычках могут быть как новые слова, рожденные в наши дни, например, «миротворцы», «силовики», «молодые реформаторы», так и

старые, но с новым содержанием или новой оценкой, чаще всего в ироничном освещении: «Скорее всего депутаты СФ постараются решить «аппаратную» проблему своими силами...» Много разных сочетаний с прилагательным «новый»: «...бросают тень прежде всего на руководство старого СФ, расчищая дорогу «новым людям»...»; «Есть опасения, что «обновленный» аппарат может быть использован по назначению»; «Новые сибирские» любят коттеджи, иномарки и животных». Еще примеры, когда у старых единиц возникает новое содержание: «Кто-кто в нашем доме «живой»?» или «...эпоха позднего Брежнева». Аналогия со сказкой: «Кто-кто в теремочке живет?», но вместо ожидаемого «живет» - «живой» в первой случае, и с литературно-художественным определением - во втором (ср. «эпоха раннего романтизма») придает особую эмоционально-оценочную окраску данным высказываниям.

Частотна устаревшая лексика, употребляемая в новом смысле: «Главный царедворец» - руководитель президентской администрации Валентин Юмашев»; «Красные помещики» готовы сажать крепостных колхозников на цепь»; «Многочисленная и хорошо оснащенная компьютерами «челядь» СФ может превратиться в грозное бесплатное оружие предвыборной борьбы...»; «Тому, кто хочет понять, что такое «семибарщина», надо вслушаться в ее лексикон...».

Если говорить о культурах, то на страницах газет обычно оказываются осколки фразеологизмов, лозунгов, цитат, трансформированные составные наименования прошлых лет, перифразы, например: «Анализ «могучей кучки» показывает: кандидаты здоровы» (о кандидатах в президенты). «Могучая кучка» - название союза композиторов, аналогия с медициной в контексте создает особую иронию, сарказм. Еще пример: «Основные голоса, по всей видимости, соберет «большая тройка», рожденная политическим безрыбьем» (Ельцин, Зюганов, Жириновский; вспомним историю: большая тройка - Сталин, Рузвельт, Черчилль). Приведу примеры фразеологизмов: «Таков Геннадий Стрекалов, пришедший в отряд «без лапы»...» или «Потом оборудование запустить будет уже невозможно, его придется громить «под бульдозер» (ср. стричь под гребенку). Как видим, в кавычках оказывается не весь фразеологизм, а только его часть (осколок), весьма трансформированная, измененная.

Распространен и прием, когда слова, составляющие фразеологический оборот, даются в прямых значениях, обычно в целях создания юмористических оттенков. Например, заголовок «О пользе заднего ума», где слово «задний» употребляется в прямом значении (дробь угодила охотнику в заднее место). В тексте читаем: «А Семеныча с тех пор

на охоту и калачом не заманишь, понял он задним умом (без кавычек), что эта забава не для него».

Часто встречаем различного типа перифразы прошлых лет: «Продаются «цветы жизни», пока в розницу» (о продаже новорожденных); «Говорят, сам Павел Грачев попросил обойтись без помпы: «Обычный рабочий визит».

Подводя итоги, отметим, что во всех описываемых выше единицах заключен «актуальный историзм» - те фоновые знания большинства носителей языка, которые в той или иной мере связаны с национальной психологией русского народа, его национальными традициями и авторитетами. Все они требуют широкого культурологического комментария. Очень важно, чтобы такая лексика была предметом учебной работы.

В.В.Гузикова
Уральский университет

Национально-культурный компонент идиоматики и перевод его на русский язык (на материале английской литературы)

Предметом нашего исследования являются фразеологические единицы в художественном тексте. Нас интересует английская художественная идиоматика, а также способы и пути ее перевода на русский язык, трансформация идиоматических художественных смыслов английского художественного текста и их перенос и закрепление в переводном (русскоязычном) художественном тексте. Мы использовали произведения Ч.Диккенса, У.Теккерея, А.Троллопа, С.Мюэма и др.

В системе лингвистических дисциплин фразеология иногда не находит себе места, но чаще она помещается рядом с лексикологией или входит в нее. Этому способствует и то обстоятельство, что изучение значений слова уже включает в себя обычно и анализ фразовых контекстов его употребления.

Слово как реальная единица языка может выступать лишь во всем разнообразии своего фразового окружения. Границы между словом и фразой подвижны. Резкие очертания смысловых контуров слова нередко стираются в структуре фразеологического единства. Таким образом, семантическое исследование слова как бы поглощает объекты фразеологического изучения, тем более, что с историко-этимологи-

ческой точки зрения «фраза», как сочетание слов, безусловно, распадается на свои лексические компоненты.

Для достижения максимальной адекватности мы использовали различные виды перевода:

1. **Эквивалентный**, т.е. имеющийся в русском языке адекватный фразеологический оборот, совпадающий с английским оборотом и по смыслу, и по образной основе; например: *as cold as ice* - холодный как лед; *Augean stables* - авгиевы конюшни; *the kiss of life* - поцелуй жизни.

2. **Контекстологический**, т.е. такой русский устойчивый оборот, который по значению адекватен английскому, но по образной основе отличается от него полностью или частично; например: *a drop in the bucket* = капля в море; *a fly in the ointment* = ложка дегтя в бочке меда; *land one's fish* = добиться своего, поймать кого-либо на удочку; *cast (или throw) a mist before smb's eyes* = пускать пыль в глаза.

3. **Описательный**, т.е. перевод путем передачи смысла английского оборота свободным словосочетанием. Описательный перевод применяется тогда, когда в русском языке отсутствуют эквиваленты и аналоги; например: *wear the king's (или Queen's coat)* (*ист.*) - служить в английской армии; *go up the lawn-market*, *уст.* (шотл.) - быть повешенным.

4. **Антонимический**, передающий негативного значения с помощью утвердительной конструкции и наоборот; например: *don't count your chickens before they are hatched* (*носл.*) - цыплят по осени считают; *keep one's pecker up* - не падать духом; *have wit at will* - не лезть за словом в карман.

5. **Калькирование**. Метод калькирования применялся в тех случаях, когда мы хотели выделить образную основу фразеологизма или когда английский оборот не мог быть переведен при помощи других видов перевода; например: *the old lady in (или of) Threadneedle Street*, *шутл.* - старая леди с Треднидлстрит, (английский банк); *March comes in like a lion and goes out like a lamb* (*носл.*) - март приходит как лев, а уходит как ягненок.

6. **Комплексный**. В тех случаях, когда русский аналог перевода не полностью передает значение английского фразеологизма или же имеет иной специфический колорит места и времени, мы давали калькированный перевод, а затем описательный перевод и русский аналог для сравнения; например: *carry coals to Newcastle* - возить уголь в Ньюкасл, т.е. возить что-либо туда, где этого и так достаточно (*ср. Ехать в Тулу со своим самоваром*); *little strokes fell great oaks* (*носл.*) -

слабые удары валят крепкие дубы; (ср. *Терпение и труд все перетрут; капля камень долбит*).

Перечисленные выше виды далеко не исчерпывают всех возможностей перевода. Большое место могут занимать так называемые окказиональные, ситуативные эквиваленты, используемые только для перевода фразеологизма в данном контексте. Эти эквиваленты годятся для перевода примеров, но не самих фразеологических единиц. Окказиональность данного эквивалента определяется исключительно особенностями контекста, и в другом контексте та же фразеологическая единица может быть переведена иначе. Таким образом, изучение и сопоставление фразеологических оборотов в русском и английском языках помогает выявить и раскрыть национально-культурные особенности, присущие как русскому, так и английскому народу.

В области фразеологии страноведческая специфика проявляется очень отчетливо, в ней находит отражение своеобразие быта и жизни того или иного народа, она «конденсирует весь сложный комплекс культуры и психологии данного народа, неповторимый способ его образного мышления» [1. С. 13].

Национально-специфический элемент может проявляться на трех разных уровнях плана содержания фразеологизмов: в совокупном фразеологическом значении словесного комплекса, в значении отдельных лексических компонентов фразеологических единиц (ФЕ) или в прямом значении совокупности словесного комплекса, в котором отражается национально-специфическая ситуация, лежащая в основе образно-переносного значения фразеологизма. В современном английском языке насчитывается немало ФЕ с национально-специфическим содержанием.

Прежде всего они обеспечивают рецепцию, т.е. адекватное (а не буквальное) понимание обращенной речи, в том числе и письменной. ФЕ могут рассказывать о некоторых подробностях жизни народа, его быта и обычаев, об исторических событиях и о многом другом.

Таким образом, ФЕ могут быть источником интересной страноведческой информации. Широко используемые в повседневной живой речи, они представляют часть фоновых знаний культурно-языковой общности. Показателем актуальности в массовом сознании страноведчески ориентированных фразеологизмов является широкое употребление их в публицистике и в художественной литературе.

Художественная литература имеет большое познавательное значение для знакомства со страной изучаемого языка: с важнейшими историческими событиями, с развитием культуры, экономики и т.д. Произведения литературы являются не только важным отражением

информации о прошлом или о настоящем страны, но многие из них - это значительное явление национальной культуры.

Художественная литература является также богатейшим источником ФЕ. Как справедливо подчеркивает А.М. Бабкин, «одним из источников обогащения национальной фразеологии является язык писателя». Значительное число фразеологизмов современного английского языка обязано своим происхождением литературным произведениям различных эпох и жанров. Национально-культурная специфика этих единиц проявляется очень ярко. Она обусловлена прежде всего тем, что все они родились на английской земле и тесно связаны с культурой страны.

Фразеологизмы живут в языке, активно употребляются, хотя не все носители языка помнят и знают литературные источники. Знание же этих источников, знание ситуации и контекста, в которых впервые употреблено то или иное сочетание слов, ставшее впоследствии устойчивым, позволяет нам уточнить и дополнить смысл фразеологизмов, способствует лучшему пониманию и, следовательно, более правильно-му их применению.

Примечание

1. Ройзензон Л.И. Фразеология и страноведение // Бюллетень по фразеологии (Самарканд). 1972. № 1.

Н.В.Гультяева
Уральский университет

О специфике употребления глагольных форм в тексте заговора

Предмет нашего исследования – особенности употребления императивных глагольных форм в эпических заговорных текстах. В качестве иллюстративного материала используются тексты заговоров из сборника Л.Н.Майкова (далее – М) [1].

В содержательном плане эпическая разновидность заговорного любовного текста представляет собой описание перехода субъекта заговора (далее - S_2) из бытового пространства в мифологизированный «центр мира» [2].

В сакральном центре заговорного универсума герой встречается с могущественным *посредником* и высказывает просьбу, исполнение ко-

нение наличной ситуации, а последнее слово просьбы фиксирует обратный переход S₂ из мифологизированного пространства в бытовое.

Как можно заметить, в приведенном выше тексте заговора (М, 7) основная роль отводится именно императивным формам, представленным в ядре заговора, поскольку с их помощью Говорящий 2 обозначает действие, должное привести к желаемому результату, формулирует цель своего общения с посредником: *...Зажги ты красную девицу... чтобы она тосковала и горевала*. Ср. также следующие ядерные фрагменты заговорных текстов:

...Гой вы еси, три брата, не ходите на леса темные, на болота зыбучие, на, реки текущие, подите вы, сходите, послужите мне, куда я вас пошлю, раб Божий; зажгите вы ретивое сердце у рабы Божией (имярек), чтобы горело по рабе Божиим... (М, 2).

... О ты, огненна стрела, воротись и полетай, куда я тебя пошлю: есть на святой Руси красна девица (имярек), полетай ей в ретивое сердце, в черную печень, в горячую кровь... чтобы она тосковала, горевала весь день... (М, 6).

Вы же, четыре ангела, вырвите тоску-кручину из меня, раба (имярек)... и вложите ту тоску-кручину в рабу (имярек)... чтобы раба (имярек) тосковала по мне, рабу (имярек), и горевала, и во всей тоске пребывала, и никогда меня не забывала... (М, 18).

В целом почти две трети всех любовных заговоров, представленных в сборнике Л.Н. Майкова (21 текст из 33), независимо от способа организации ядерного фрагмента, содержат формы повелительного наклонения, и только в 3 случаях из 21 императив не представлен в центральной части заговорной структуры – в заговоре-параллелизме (М, 9) и в эпических заговорах (М, 17 и М, 27). Интересно, что при этом в (М, 9) глаголы повелительного наклонения используются дважды: в зачине – *Собирайтесь, народ, люди добрые, ко честному Христову празднику!* и в закрепке – *Будьте, мои слова, тверды и крепки, навеки нерушимы*.

Динамический зачин эпической разновидности заговора, исследованию которой и посвящена данная работа, не дает императивных форм, зато последние часто употребляются при обращении к могущественному персонажу. Рассмотрим отмеченные глагольные формы с точки зрения их перформативности.

Понятие перформативности и сам термин были введены Дж. Остином для обозначения таких глаголов речи, употребление которых равносильно однократному выполнению обозначаемого этим глаголом действия (*каяться, признаваться, гарантировать* и т.п.), таким образом, высказывание о действии как бы тождественно самому действию [4. С.309]. В работах отечественных и зарубежных лингвистов неодно-

кратно предпринимались попытки выделения критериев перформативности. Основным свойством перформатива, по мнению Е.В.Падучевой, Ю.Д.Апресьяна, является его особое видовое значение: это характеристика действия, начавшегося и закончившегося в момент речи, а именно на интервале, занимаемом речевым отрезком [5]. Подобный изоморфизм слова и действия характерен и для заговора. Если в обычном высказывании глагол в повелительном наклонении только предполагает изменение ситуации, то в заговорном тексте само название, обозначение действий уже есть их совершение, поскольку обращение к *посреднику* осознается как самодостаточное. Кроме того, по мнению Дж. Остина, перформативное высказывание не обладает семантическим свойством истинности/ложности, его аналогом у перформативов является прагматическое свойство удачности или неудачности, так как слово, равное действию, не может быть ни истинным, ни ложным.

Так и в заговорном тексте дальнейшее контролирование событий – после вербализованного волеизъявления – как бы не осуществляется, т.е. в тексте не фиксируется, но к моменту произнесения заключительной формулы закрепки действие осознается как уже совершенное, т.е. приказание обладает свойством (используя терминологию Дж. Остина) удачности.

В эпическом заговоре глаголы повелительного наклонения используются дважды: во-первых, в основной части – при обращении к чудесному помощнику; во-вторых, в закрепке – при обращении к собственно словам заговора. Последнее может быть проиллюстрировано следующими примерами:

Будьте, мои слова, крепки и лепки, крепче камня и булата (М, 3);

Будьте, слова, крепки и лепки накрепко (М, 25);

Будь ты, мой приворот, крепче камня, крепче железа, отныне и до века (М, 27).

В первом случае можно говорить о заговорной перформативности, создаваемой средствами контекста, а во втором - саморефлексии произносящего заговорный текст.

При обращении к словам заговора изменение наличной ситуации остается в сфере ирреального, точнее, говорящий и не предполагает в данный момент какого-либо изменения, а лишь стремится закрепить то, что уже осуществилось благодаря произнесению предыдущей части текста (в императиве используется лишь бытийный глагол совместно с краткими прилагательными, выступающими в роли характеристикаторов).

Как нам кажется, именно прагматической установкой заговорного текста, его нацеленностью на изменение ситуаций «здесь и сейчас» и

объясняется контекстная перформативность представленных в нем императивных глагольных форм.

Примечания

1. См.: Великорусские заклинания: Сб. Л.Н. Майкова. СПб., 1994.
2. См. об этом, напр.: Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира: Энцикл. / Под ред. С.А. Токарева. М., 1982. Т.2. С. 340 – 342.
3. О ситуативно актуализированном типе речи см.: Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
4. См.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
5. См.: Падучева Е.В. Вид и время перформативного глагола // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 37 – 42; Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Избр. тр.: В 2 т. М.Ю 1995. Т.1. С.216 – 217.

Л.Г.Гусева
Уральский университет

Устаревшие глаголы в лексике уральского свадебного обряда (семантика и география)

Старина со всеми ее обычаями постепенно вытесняется новой жизнью. Старинные же русские свадьбы, как отмечают этнографы и фольклористы, представляют собой целый ряд последовательных и разнообразных картин с оригинальными явлениями, своеобразными обычаями, приговорами. «Христианство, – как писала в конце прошлого века И.О. Осипова, – значительно упростило эти обычаи, ограничив их только заключением брака в церкви и не иначе, как ее служителем. Однако сохраняется множество брачных обычаев, которые являются, без сомнения, остатками самой седой и притом языческой старины» [1. С. 96].

Свадебный обряд в том виде, в каком он существует сейчас, значительно упрощен. Все меньше остается людей, знающих от своих дедов и прадедов о старинной свадьбе, помнящих строгую последовательность всех свадебных обрядов, – вот почему необходимо бережное отношение к каждому слову, отражающему различные грани этого поистине удивительного явления в жизни русского народа. Процесс упрощения свадебного ритуала, а вместе с ним и выпадения, забвения обрядовой лексики продолжается и теперь.

Поэтому важно прежде всего записать то, что еще живет в памяти народной, и бережно отнестись к каждому слову, за которым – фраг-

мент жизни... А «лексикологу, – как считает Ф.П. Филин, – дороги не только открытия общих лексико-семантических закономерностей, но и каждое слово, каждое его значение, своеобразие его употребления. Каждое слово – свой особый лингвистический мир, раскрыть тайны которого не только поучительно, но и удивительно» [2. С. 3 - 4].

На Урале, по данным «Словаря русских говоров Среднего Урала» (СГСУ), бытует значительный пласт слов, относящихся к свадебному обряду, включая и глагольную лексику: *женыхаться* - «подыскивать невесту, свататься», *засвата́ться* - «посвататься», *обладить* - «нарядить невесту к венцу», *шиться* - «шить приданое для невесты перед свадьбой», *сбратиться* - «вступить в брак», *свадьбовать* - «играть свадьбу», «пировать на свадьбе», *перепеть* - «упомянуть в свадебной песне»; в том числе в составе фразеологизмов: *кладку брать* - «брать выкуп за невесту», *по венки ездить* - «о поездке невесты с подругами в гости к жениху, который привязывает к дуге их упряжки веник», *подходить к стаканчику* - «поздравлять жениха и невесту, одаривая их» и др.

Часть этих материалов сопровождается пометой «В старинном свадебном обряде». К ним относятся и глаголы *обзадатиться* [А л а п, М а х н], *обзадачиться* [К о п т, Т а л; С т я ж к] - «скрепить помолвку, обручение взаимными подарками жениха и невесты»; *обзадачить* - «совершить помолвку, обручение и скрепить их подарками» [Тал.] [3. С. 19]. По данным «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), отражающего диалектную лексику XIX -XX вв., глагол *обзадачиться* - «обмениваться подарками, деньгами после сватовства» отмечен в конце прошлого и начале нынешнего века на территории Шадринского уезда Пермской губернии, а также в говорах Кемеровской и Томской областей [4. С. 51]. Примечательно, что ареал глагола *обзадачить* - «при окончании сватовства дать задаток – подарок невесте» – тоже Пермская губерния и Сибирь [4. С. 51]. В то же время глаголы *обзадатчивать*, *обзадатчить* «давать задаток» и *обзадатчиваться*, *обзадатчиться* «получить задаток» с пометой «стар.» даются с ссылкой на Словарь Академии Российской 1847 г. [4. С. 50]. В связи с этим интересны трактовки «Словаря русского языка XI -XVII вв.»: *обзадатчити* «обязать кого-либо делать что-либо, дав задаток, закрепив сделку задатком» и *озадатчити* «связать задатком»: *Горланы Емельяновы и Обуховы... вымысля большимъ умысломъ, озадатчили ево Михайлову жену и детей деньгами и платьемъ...и всякимъ узорочьемъ бедность ихъ понаполнили.* Писц. д., II, 378, 1641 г. (XII, С. 306) - и замечание Даля [5. С. 581]: «*обзадачивать, озадачивать, о(б)задачить* кого говор. вл. *обзадатчить: онъ обзадачилъ невесту, с и б. засватавъ, далъ часть кладки*».

Явно устарел и фрагмент свадебного обряда, обозначаемый глаголами *обкрутить* [Верхот, Зайк], *окрутить* [Богд, Зайк, Шал; Стяжк] - «расплести косу невесты и вместо одной заплести две, уложив их вокруг головы, то есть сделать прическу замужней женщины», *окручать* [Центр, Вост; В-Тавд, Камен, Махн, Сукс], *окручивать* [Алап] - «расплетать косу у невесты и надевать на неё головной убор замужней женщины»: *Окрущают сядут молодых за стол, вместо одной две косы плетут; дружки держат большую шаль, убирают занавеску и говорят: из девисы сделали молодису* [Махн, М.] [3. С. 54 - 55]. Глаголы *окручивать*, *окружаться* в рассматриваемом значении были широко распространены в русских народных говорах: по данным СРНГ [XXIII, С. 169], это территория Русского Севера, Урала и Сибири. Глагол *окрутити* - «обвенчать или переодеть в женский, надеваемый после венчания головной убор», по данным Словаря русского языка XI - XVII вв. [XII, С. 350], отмечен в памятниках письменности в XVII в.: *Возмите де ея силно тоѣ дѣвку и введите въ мою избу и окрутите.* (АХУ. II. С. 720. 1634 г.). В конце прошлого века О.Х. Агренева-Славянская писала: «Обрядовое покрывание головы невесты платком после венчания встречается у всех славянских народов. Вот как выглядело окручение невесты в старинном свадебном ритуале: от венца входит в мужнин дом молодая еще с распущенной косой, перевязанной по-девичьи лентой. Женихова мать тут же посадит ее посреди горницы, разоймет волосы на две стороны и приставит к ней кручельницу (какую-нибудь замужнюю родственницу с мужниной стороны), чтобы заплести молодой две косы. Кручельница заплетает волосы, закрутит их на голове молодой, положит на лоб подниз, а на волосы косынку или побойник (повойник), наконец, сверху покрывало (фату) и принесет зеркальцо, чтоб молодая посмотрела, пристал ли ей к лицу убор бабий» [6. С. 56].

В.И. Даль [5. II. С. 669] отмечает, что «*окрутить* нередко переносится на понятие: обвести вокруг налож, и говорится о чете и даже о мужчине»; отсюда, очевидно, в современном русском языке просторечный глагол *окручивать*, *окрутить* - «женить, венчать» [7. VIII. С. 825].

Примечания

1. Осипова И.О. Ритуал сибирской свадьбы. // Живая старина. 1893. № 1.
2. Филин Ф.П. Предисловие // К вопросу изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972.
3. См.: Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. Свердловск, 1964 - 1988.

4. См.: Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965. Вып. 1-31. (СРНГ) (Издание продолжается).
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.
6. Агренева-Славянская О.Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями обрядовыми, голосильными. М., 1887.
7. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948-1965.

О.В.Дозморов, Ю.В.Казарин
Уральский университет

Ситуация молчания как денотативный центр поэтического текста (на материале стихотворения Ф.Тютчева «Silentium!»)

1. Поэзия Ф.Тютчева пользуется постоянным вниманием как литературоведов, так и лингвистов. Сегодня наблюдается сближение, если не синтез, исследовательских методов литературоведения и лингвистики, что приводит к усилению текстологии в целом.

Ю.М.Лотман предложил разделить описание онтологии тютчевского мира, его язык от описаний отдельных текстов, которые, по мнению ученого, надлежит рассматривать как «сообщение на этом языке». Предметом изучения, таким образом, может быть лежащая за всеми текстами более глубинная инвариантная структура, поэтическая онтология (Ю.М.Лотман), картина мира, определяющая художественное мировосприятие поэта (Б.М.Эйхенбаум).

2. Художественное мышление Тютчева антиномично, иерархично и структурно. Картина мира Тютчева формируется как особая система оппозиций, среди которых категориальной является антиномия «бытие-небытие». Стихотворение как текст может содержать в себе в качестве текстообразующей ту или иную оппозицию, иногда несколько. Так, оппозиция «звук - энтропия звука» («речь - молчание») явно восходит к вышеуказанной оппозиции в качестве видового конкретизатора, т.е. описание концептуальной сферы поэтического текста сводится к описанию ее структуры и средств ее выражения.

3. Тютчев говорит в «Silentium!» об онтологической невозможности поэтической речи. Внутренний и внешний миры не сообщаются между собой, а лишь отражаются друг в друге. Поэтому речь разрушает данную ситуацию («Взрывая, возмутишь ключи...»), тогда как молчание - восстанавливает ее.

Молчание у Тютчева восходит к постулату молчания у пифагорейцев, которые определяли его как способ сохранения истины (Н.С.Трубецкой). Латинское название текста можно отнести и к категории молчания скептиков. В этом проявляется явная связь между постулатом стихотворения «*Silentium!*» и особой дилетантской позицией Тютчева-поэта.

4. Наблюдения над текстом стихотворения «*Silentium!*», изучение его культурной, лингвистической и эстетической специфики позволяют утверждать, что глубинное смысловое пространство этого текста неоднородно и включает в себя сформированное посредством лексических единиц строго структурированное, иерархическое денотативное пространство. Структурные компоненты его можно представить в виде оппозиций (антиномий), образующих сложную иерархию понятий-концептов (А.Вежицка), основанную на убывании/увеличении степени абстрактности и конкретности данных концептов. Вершину иерархии составляет пара «**бытие - небытие**», которая уточняется мифологемами «**космос - хаос**»; далее оппозиции располагаются следующим образом: «**огонь - вода**» (мифологеми) и «**речь - молчание**». Именно последняя антиномия отображена в данном тексте вербально. Следует отметить, что антиномии наиболее обобщенного характера отображены и представлены всей совокупностью текстов Ф.Тютчева. Динамика же иерархии данных категорий и понятий, а также денотативного пространства стихотворения «*Silentium!*» обеспечивается лексическими смыслами этого текста. Так, «**речь**» отображена лексемами *высказать* (перен.), *понять*, *изреченный*, *шум*, *пенье*, *внимать*, *оглушить*, а «**молчание**» - *молчать* (3 раза), *безмолвно*, *скрываться*, *таить*; *мысль*, *дума*. Данная оппозиция (антиномия) в равной степени выражена и эксплицитно (*шум*), и имплицитно (*понять*, *таить*).

5. Становится очевидным то, что культурное и эстетическое пространство поэзии Ф.Тютчева в целом базируется на вербально выраженном лексико-семантическом и денотативном пространствах.

Ситуация молчания в стихотворении «*Silentium!*» имеет лексически выраженный смысловой центр «**речь - молчание**», который также является денотативным центром данного поэтического текста.

**Имя действия и пропозитивная номинация:
структура девербативной пропозиции**

Понятие пропозиции получило в научной литературе разные толкования и определения. Н.Д. Арутюнова, давая обзор научных исследований пропозиции в логике и лингвистике [1. С. 21 - 80; 2. С. 46 - 54], связывает пропозицию с теорией номинализации предложения, выделяет группы глаголов пропозиционального отношения, отмечает специфику и типы пропозитивного значения [1. С. 56 - 72].

П. Адамец полагает, что предложения в русском языке строятся из пропозиций [3. С. 7], тем самым представляя пропозицию как строевой материал для русского предложения. Причем этот процесс осуществляется, по мнению П. Адамца, путем двух операций: спецификации и реализации [3. С. 7, 9 -10]. Исследователь определяет пропозицию как «конфигурацию лексических наименований, взаимосвязанных семантико-синтаксическими отношениями в одно смысловое целое, представляющее собой номинацию какого-нибудь факта (какой-нибудь денотативной ситуации) in abstracto, т.е. в отвлечении от всех актуализационных моментов (модальности, времени, актуального членения и под.), а также от конкретной поверхностно-грамматической формы.» Далее исследователь отмечает, что пропозиция является «содержательным ядром предложения и одновременно общим смысловым инвариантом для определенного множества семантически родственных предложений и их номинализаций.» [3. С. 23 - 32].

Большое значение в разработке, обосновании и определении понятия пропозиции имели, как отмечает Н.Д. Арутюнова, работы Ч. Филлмора, который определяет пропозицию как вневременной набор отношений между глаголом и именем в отвлечении от модального конституента предложения [см. об этом: 1. С. 52; 4. С. 117 - 124]. Структура предложения, по Ч. Филлмору, имеет следующий вид: Предложение → Модальность + Пропозиция или $S \rightarrow M+P$.

Ф. Данеш и К. Гаузенблас определяют пропозиции как «основные семантические структуры, которые представляют собой языковое изображение... нашего знания «внеязыкового положения вещей.» [5. С. 93]. Плодотворной является мысль о том, что пропозиция не обладает характером высказывания (сообщения) и приобретает его только тогда, когда она актуализована в предложении [Там же. С. 94]. Исследователи отмечают, что предложение является первичной формой пропозиции.

Г.В. Колшанский рассматривает проблему термина «пропозиция», его эволюцию в лингвистической литературе и определяет пропозицию как «связующее звено между относительно самостоятельной номинативной единицей и коммуникативной единицей - текстом, в котором номинативная единица утрачивает свое свойство быть отдельной номинативной единицей и превращается в часть коммуникации как речевого акта, построенного уже по закону логической связи между номинативными объектами.» Пропозиция высказывания строится из элементов, которые обозначают какое-либо явление, составляющее звено их взаимодействия [6. С. 38].

Выделяя пропозицию, модальную рамку и коммуникативную рамку как элементы смысла предложения, Т.В. Шмелева дает определение пропозиции как собственно содержания, которое отражает обозначаемый фрагмент действительности, некое «положение дел» [7. С. 131] и характеризует различные способы ее репрезентации.

По мнению В.А. Белошапковой, пропозиция используется «для обозначения предложения в номинативном аспекте». Справедливо отмечено, что «номинативное словосочетание, в котором предикат пропозиции представлен как существительное», может быть носителем пропозиционной номинации. Важно замечание о том, что пропозиция не обязательно оформляется как отдельное предложение. Она может быть соединена («слита») с другой пропозицией, которая как раз и представлена как отдельное предложение, то есть как предикативная единица [8. С. 128 -129].

Это положение разделяет и Н.Д. Арутюнова. Исследователь отмечает возможность слияния двух (или более) пропозиционных номинаций в один синтагматический ряд при общем механизме актуализации.

Итак, девербативное имя представляет пропозицию - лексическое наименование определенного события (адекватного объективной действительности), не оформленное в отдельное самостоятельное высказывание и отстраненное от средств актуализации.

Как отмечалось выше, в сравнении с производящим глаголом производное имя рассматриваемой группы отличается обобщенностью значения. Некая «размытость» значения девербативного существительного подтверждается данными контекста: даже в конкретном предложении его семантика понятна не до конца. Например, в предложении *Этот шелест страниц, шепот и вздохи немного успокаивали Устину, как почему-то успокаивали они его всегда* (А.С. Иванов, «Тени исчезают в полдень») девербативы даже с зависимым компонентом (*шелест страниц*) семантически затемнены и полностью редуцируют свое значе-

ние только в контексте: *По комнатам неслышно ходила Пистимея. Время от времени она присаживалась где-нибудь, шелестела страницами Евангелия, вздыхала, становилась на колени и начинала шептать молитвы. Этот шелест страниц, шепот и вздохи немного успокаивали Устину...*

Хотя некоторые девербативы отличаются более прозрачной семантикой (*чирикание, ржание, мяуканье, мычание, кваканье* и т.д.), но и эти слова в конкретном тексте подвергаются семантической корректировке. Ср.: *Над деревней стояло звонкое многоголосое кукареканье* и *Из комнаты доносилось кукареканье - это развлекался, играя в «деревню», маленький Петя.*

Итак, девербативы «семантизируются» в конкретном тексте, их достаточно обобщенное значение конкретизируется в контексте.

Отмеченная затемненность семантики девербативов снимается также благодаря их валентным свойствам, способности употребляться с «субъектными и объектными партнерами» (термин А.М. Плотниковой [9. С. 46]).

Девербативные существительные событийной семантики способны вступать в семантические отношения двух типов: а) субъект - действие и б) действие - объект или субъект - действие.

Мы опираемся на определение данных актантов, данные в «Теории функциональной грамматики»:

«Субъект - актант, называющий носителя состояния, производителя, источник действия.

Объект - актант, на создание, изменение или уничтожение которого непосредственно направлено действие, выраженное глаголом» [10. С. 104].

Употребляясь с актантами (актантной рамкой), девербативные существительные оформляют оборот. В семантической структуре предложения девербатив и его актанты функционально распределяются относительно элементов отображаемой ситуации.

Семантические отношения «субъект - действие» реализуются в конструкциях типа *возвращение мамы* (мамино возвращение) - ср.: *мама вернулась (возвратилась) / возвращается; пение артиста, шум леса* и т.д.

Семантические отношения «действие - объект» или как вариант трансформации «субъект - действие» представлены в конструкциях типа *чтение книги* - ср.: *читать книгу* или *Книга читается; просмотр кинофильма, проведение занятий* и т.д.

Девербативные обороты, в зависимости от структуры денотата, структуры отображаемой ситуации, могут быть трехкомпонентными:

реализуется схема «субъект - действие - объект»: *выпуск книги издательством* или «действие - объект - объект»: *передача власти Думе*. Следует отметить, что девербативные обороты могут включать и большее количество компонентов. Это предопределяется, с одной стороны, структурой отображаемой ситуации, с другой стороны, валентными свойствами самого девербатива, событийного имени действия.

Таким образом, можно выделить следующие семантические компоненты девербативной пропозиции:

- 1) субъект - действие: приход зимы - Зима пришла;
- 2) действие - объект: *издание книги* - Издают книгу или субъект - действие: *издание книги* - Книга издается ;
- 3) субъект - действие - объект: *издание кафедрой сборника* - Кафедра издает сборник / Сборник издается кафедрой;
- 4) действие - объект - объект: *передача власти городской думе* - Передают власть городской Думе или субъект - действие - объект: *передача власти городской Думе* - Власть передается городской думе.

Перечисленные актанты часто становятся обязательными компонентами семантической структуры предложения, включающего девербативное существительное. Однако следует иметь в виду, что в любом случае в каждой из приведенных схем за девербативом сохраняется ведущая роль, именно он является структурно-смысловым центром оборотов подобного типа, доминирующим компонентом. Остальные лексемы находятся в зависимой позиции, распространяют девербатив или служат для восполнения его информативной недостаточности.

Наличие доминирующего и зависимых компонентов, иерархичность структуры данных оборотов, а также их соотнесенность с ситуацией обуславливают сходство девербативного оборота с предложением, а семантической структуры девербатива и девербативного оборота - с семантической структурой предложения.

Такую же сложную (комплексную, предложенческую) структуру имеют многие сложные лексемы с доминирующим глагольным компонентом (в семантической структуре подобных лексем доминирующей является также процессуальная сема): *землетрясение, ледоход, снегопад*, где реализуется отношение «субъект - действие» - ср.: *лед идет, снег падает и книгопечатание, кораблекрушение, самолетостроение*, где реализуется отношение «действие - объект или субъект» - ср.: *печатание книг, крушение корабля, строительство самолета; печатать книги* - *Печатают книги и Книги печатаются*. Сложность, комплексность семантики приведенных лексем также предопределена их денотатом - сложной, комплексной ситуацией.

Примечания

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
2. Арутюнова Н.Д. Понятие пропозиции в логике и лингвистике // Изв. АН СССР. 1976. Т.35, вып. 1.
3. Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Прага. 1978.
4. Арутюнова Н.Д. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора // Вопр. языкознания. 1973. № 1.
5. Данеш Ф., Гаузенблас К. К семантике основных синтаксических формаций // Грамматическое описание славянских языков: Концепции и методы. М., 1974.
6. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
7. Шмелева Т.В. Пропозиция и ее репрезентация в предложении // Проблемы теории и истории русского языка: Вопр. языкознания. М., 1980.
8. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
9. Плотникова А.М. Глаголы с включенной актантной рамкой // Русская глагольная лексика: Пересекаемость парадигм. Екатеринбург, 1997.
10. Теория функциональной грамматики. М., 1992.

Н.А. Дьячкова

Уральский педагогический университет

Глагольные предикаты в асимметричных структурах типа «Суровая природа сплавливает людей»

Конструкции типа «Суровая природа сплавливает людей» (газ.), «Красивые женщины не ездят в метро» (З.Паперный), «Коммерческие антрепризные постановки множатся со скоростью, заставляющей вспомнить кроликов» (А.Злобина), «Отсталые страны практически не имеют шансов войти в семью стран развитых» (Н.Моисеев) представляют собой асимметричные структуры, сложные имплицативные суждения (ср.: Если страны отсталые, то они практически не имеют шансов войти в семью стран развитых). Информативно нечленимые словосочетания с атрибутивными отношениями в их составе (суровая природа, красивые женщины, коммерческие постановки, отсталые страны) осложняются добавочным обстоятельственным значением. Организующим началом описываемых структур является характер предиката. Это всегда предикат *качества*. Между определителем имени и предикатом устанавливаются отношения мотивации. При ином семантическом типе предиката добавочных обстоятельственных отношений в названных

словосочетаниях не возникает. Ср. две внешне сходные конструкции: «Отсталые страны практически не имеют шансов войти в семью стран развитых» и «Отсталые страны впервые участвовали в этой выставке».

В рассматриваемых конструкциях наиболее типичными являются именные предикаты, которые, как известно, характеризуются атемпоральностью: «Старый друг лучше новых двух», «Сырая вода опасна для здоровья», «Простые люди не бывают хорошими» (А.Мелихов). Атемпоральность предиката в подобных конструкциях закономерна: это сентенции, они характеризуются семантикой всеобщности, вневременности. Однако нередко в структурах данного типа и глагольные предикаты (см. примеры в начале статьи). Устройство этих структур таково, что и глагольные предикаты являются предикатами качества: они называют некое положение дел, не локализованное во времени. В настоящей статье будут описаны способы нейтрализации «глагольности» глагольных предикатов.

В данных конструкциях возможно употребление глаголов всех трех семантических полей [1]: действия, состояния, отношения. Семантические группы, представляемые предикатами, в наших примерах весьма разнообразны. Это глаголы помещения объекта: «Консервативные приходы не вмещают в себя сегодняшнюю паству» (Ю.Кублановский); глаголы соединения: «Суровая природа сплавивает людей» (газ.); глаголы мышления: «Нормальный человек не думает, что все имеет продолжение» (И.Бродский); глаголы познания, восприятия: «Незрячее сердце не дает человеку видеть окружающую красоту» (газ.); глаголы изменения признака: «Старые люди легко простужаются» (разг.); глаголы изменения функционального состояния: «Прогоревшее мероприятие надо закрывать» (В.Токарева) и др. Объем нашей выборки пока не позволяет сказать, глаголы каких семантических групп (полей) в роли предикатов преобладают в данных конструкциях. Однако закономерности грамматических характеристик глагольных предикатов, а также некоторые особенности лексического наполнения этих структур уже просматриваются.

Как указывалось выше, предикаты в конструкциях типа «присубъектный определитель - субъект - предикат качества» характеризуются атемпоральностью, поэтому глагольные предикаты в них имеют определенные грамматические характеристики.

1. Наиболее частотны глагольные предикаты, имеющие форму настоящего времени несовершенного вида - настоящего вневременного [2]. В предложениях с такими предикатами выражается значение узальной повторяемости действия. Для такого вида повторяемости характерны отсутствие признака непосредственной наблюдаемости, обоб-

щенный субъект. Например: «Творческое богословие несет в себе новаторский элемент» (Ю.Кублановский); «Третьестепенные писатели тщательнее пишут свою эпоху» (Л.Зорин); «Неаппетитная добродетель не допускается к состязанию добродетелей, поскольку не ясен источник ее добродетельности» (Ф.Искандер); «Бездуховное деяние ничего не стоит» (газ.); «Великие писатели занимаются вечным» (Л.Зорин); «Веселые люди ввергают меня в ужас» (А.Мелихов); «Расчетливые люди плохо считают» (А.Мелихов).

Нередко значение вневременности в подобных примерах поддерживается специальными лексическими показателями типа «всегда», «постоянно», «бесконечно», «как правило» и др. Например: «В России сейчас бесчестные люди бесконечно судятся друг с другом, отстаивая свою сомнительную честь» (Ф.Искандер); «Неверующий человек всегда создает себе кумира» (Ф.Искандер); «Слабые писатели обычно выражаются так: сам не помню, как мы очутились в койке» (А.Мелихов).

2. Временная нелокализованность как характерная черта описываемых конструкций создается за счет употребления в роли предикатов глаголов ирреальной модальности, поскольку «ирреальная модальность по сути то же самое, что и временная неопределенность» [3. С.86]. Например: «Нераспорядительный начальник может запутать все дело» (пример А.А.Шахматова); «Добрый человек не мог бы так поступить» (Там же); «Только первоклассный машинист мог угнать суперэшелон» (Живая речь уральского города); «Порядочный человек никогда не поступил бы так» (пример О.П.Ермаковой).

3. Глаголы прошедшего времени несовершенного вида реализуют в наших структурах значение «действие в его постоянном существовании», это значение поддерживается лексическим наполнением предложения: «Несамодостаточные личности всегда тянулись ко мне» (А.Мелихов); «Усталый, голодный крестьянин много раз лютовал» (А.Платонов).

Грамматические характеристики глагольных предикатов, а также средства контекста способствуют нейтрализации «глагольности». Глагольные предикаты в рассматриваемых конструкциях так же атемпоральны, как и в конструкциях с именными предикатами. Ср.: «Упрямый человек не сносен» (пример Е.В.Падучевой); «Слабохарактерные люди кончают жизнь в тюрьме» (П.Санаев). Именно при таком типе предиката между основным предикатом и включенным (присубъектный определитель) устанавливаются отношения обусловленности, которые эксплицируются при трансформации наших асимметричных структур в сложноподчиненные предложения с семантическими союзами («если...то», «потому что» и, реже, с другими).

Примечания

1. При описании семантики предикатов используются данные словаря «Лексико-семантические группы русского глагола» (Свердловск, 1988), а также Проспекта Толкового идеографического словаря русских глаголов (Екатеринбург, 1997).

2. Здесь и далее сведения о семантике временных форм приводятся с учетом данных Русской грамматики - 80 (М., 1982. Т. 1).

3. Русская грамматика. Т. 2.

А.В. Житков

Уральский педагогический университет

Особенности организации и структуры лексико-семантических групп глаголов обонятельного, вкусового и тактильного восприятий

1. При исследовании ЛСГ обонятельного восприятия можно легко заметить, что в отличие от других ЛСГ чувственного восприятия центр группы смещен в объектную сторону:

- пахнет, потому что обладает запахом;
- пахнет, потому что некто нюхает.

2. Тактильное восприятие осуществляется человеком рецепторами, которые не имеют строгой морфологической закреплённости - они расположены на всех участках тела (кожи). Воспринимать можно как всем телом, так и участком тела, но прежде всего рукой - **щупать, трогать**.

Тактильные ощущения константны и не зависят от внешних условий. Можно дать характеристику предмету и без непосредственного контакта с ним: *На вид пол был шершавым*. Поэтому чисто тактильные ощущения осознаются как зрительные. Объектная и субъектная семантики лексики тактильного восприятия неразрывно связаны между собой: **дотронуться** (до чего?), **ощупывать** (что?).

Глагольная лексика тактильного восприятия слабо поддается структурированию, характер отношений между единицами аморфный, слабо выраженный. Ядрообразующую функцию в ЛСГ тактильного восприятия из-за отсутствия глагольных лексем, находящихся в родовидовых отношениях, приобретают лексемы оценки, встречающиеся в качестве признаков на всех участках лексико-семантического поля чувственного восприятия.

3. ЛСГ глаголов вкусового восприятия также слабо структурирована, ядро «смещено» в сторону признака действия.

4. Для ЛСГ обонятельного, вкусового и тактильного восприятий (в широком понимании термина ЛСГ) основой являются прилагательные и существительные, появление которых связано с абстрактной глагольной семантикой и смещением объектной семантики к ядру.

5. ЛСГ обонятельного, вкусового и тактильного восприятий обладают аморфным ядром и зыбкой периферией, на которой расположены признаки, являющиеся переходными между участками лексико-семантического поля чувственного восприятия.

М.Н. Золотарева
Уральский университет

Денотативное пространство динамического признака и неологизмы современного русского языка (на материале новой лексики 90-х гг. XX в.)

Бурные социально-политические и экономические процессы последних лет обусловили столь значительные изменения словарного состава русского языка, что позволили говорить о неогенном буме как характерной черте состояния русского языка в 90-е гг. XX в. Это привело к активизации изучения современных неологизмов. В настоящее время они изучаются в различных аспектах: с точки зрения способов их образования, источников заимствования, типов семантического развития и т.п. (см., например, коллективную монографию «Русский язык XX столетия (1985 - 1995)» [1]).

В данной работе мы обратились к рассмотрению современных неологизмов в новом аспекте - с точки зрения их денотативно-отражательного потенциала. В статье исследуется денотативное пространство (далее - ДП) глаголов и существительных со значением отвлеченного действия, появившихся в современном русском языке в 90-е гг. XX в. Это обусловлено тем, что семантическое поле действия, состояния, отношения формируется дериватами разных частей речи, поскольку значение динамического признака может передаваться не только глаголами, но и их синтаксическими дериватами со значением отвлеченного действия, а также отыменными субстантивами с процессуальной семантикой [2. С. 28].

Интерес именно к этой семантической группе неологизмов связан с тем, что резкие изменения в постсоветском обществе обусловили ак-

тивизацию образования новых слов в русском языке, в том числе и со значением процессуальности. Материал для исследования извлекался из работ таких авторов, как О.Е.Ермакова [3. С.32 - 63], Е.А.Земская [4. С. 90 - 139], Е.К.Какорина [5. С. 67 - 87], Л.П.Крысин [6. С. 142 - 161] и др., а также использовались результаты наших собственных наблюдений.

ДП рассматривается в лингвистике в рамках ономаσιологического направления, изучающего отражательный потенциал разных частей речи. ДП глаголов «отражает событийную, динамическую сферу бытия, которую можно рассматривать в качестве материала отражения - как набор ситуаций. Данная система отображательных ситуаций составляет ДП русского глагола» [7. С. 101].

ДП глагола в настоящее время изучено явно недостаточно, что обусловлено сложностью его семантики - способностью давать не только качественно-предикативную, но и актантно-сирконстантную характеристику действия.

Мы рассматривали новую лексику со значением процессуальности с точки зрения качественной специфики действия, чтобы определить, какие фрагменты действительности неологизмы обозначают на современном этапе развития языка.

Для определения ДП, охваченного выделенной лексикой, устанавливалась принадлежность каждого неологизма к конкретной лексико-семантической группе (далее - ЛСГ) методом ступенчатой идентификации, который был разработан Э.В.Кузнецовой [8. С. 30]. Состав ЛСГ, полей и подполей определялся по словарю-справочнику «Лексико-семантические группы русских глаголов» [9]. Неологизмы-существительные процессуальной семантики также распределялись по этим полям, подполям и ЛСГ.

Было выделено 170 дериватов со значением динамического признака, причем 40 % из них - глаголы (*факсануть, долларизировать, обналичить* и т.п.), а 60 % - имена существительные (*беженство, накрутка, американизация* и т.п.), что свидетельствует о более активном пополнении полей действия, состояния, отношения в современном русском языке недевербативной лексикой. Это обусловлено тем, что современная действительность нуждается в новых номинациях для происходящих в жизни изменений, поэтому «основы, совмещающие значение процессуальности с номинативностью (а именно таковы проанализированные выше существительные) побеждают глаголы» [3. С. 110].

Анализ лексических значений новых глаголов и существительных процессуальной семантики показал, что новые глаголы в наиболь-

шей степени пополнили семантическое поле действия (32 глагола или 47 % от числа всех), в меньшей степени - поля отношения (21 глагол или 32 %) и состояния (14 глаголов, 21 %).

В семантическом поле действия, состоящем из 67 ЛСГ, зарегистрировано пополнение новыми глаголами 19 групп. Наиболее часто пополнились ЛСГ глаголов таких подполей, как подполе интеллектуальной деятельности: ЛСГ глаголов мышления (*отрефлексировать*), ЛСГ определения (*спрогнозировать*); подполе физического воздействия на объект: ЛСГ глаголов повреждения объекта (*гайдарить*), ЛСГ отрицательного воздействия на объект (*боббитнуть*), ЛСГ изменения положения (*подсесть* - «оказаться в затруднительном положении»); подполе социальной деятельности: ЛСГ воспроизведения (*шейпинговать*), ЛСГ поступка (*героить*), ЛСГ общественно-политической деятельности (*пробойкотировать*).

В семантическом поле отношения глаголами-неологизмами пополнились 12 ЛСГ из 22. Это ЛСГ подполей социальных отношений и владения: ЛСГ обеспечения (*спонсировать*), ЛСГ влияния (*лоббировать*), ЛСГ управления (*срезжиссировать*), ЛСГ передачи объекта (*американизировать*), ЛСГ лишения (*разборисить*), ЛСГ утраты объекта (*провалиться* - «обанкротиться»), ЛСГ приобретения (глаголы отчуждения - *приватизировать*).

В семантическом поле состояния (19 ЛСГ) новой глагольной лексикой пополнилось 11 групп подполей качественного (ЛСГ изменения признака: *перепрограммировать*) и социального состояния (ЛСГ образа жизни: *бомжевать*, ЛСГ неискреннего поведения: *объегоргайдарить*), а также бытия (ЛСГ существования: *болеть* - «находиться под арестом»).

Субстантивные новообразования процессуальной семантики, появившиеся в 90-е гг. XX в. охватывают несколько иную область. Они более всего пополнили семантическое поле отношения: 62% всех субстантивных неологизмов относится к нему (ср.: глаголов такой семантики в два раза больше-31 %). Особенно много новообразований в подполях владения: ЛСГ передачи объекта (*грузинизация*), ЛСГ получения в свое распоряжение (*полуприватизация*), ЛСГ компенсированного приобретения (*найм*), ЛСГ приобретения (*хайринг*) - и социальных отношений: ЛСГ обеспечения (*спонсирование*).

28 % всех новых существительных процессуальной семантики пополнили поле состояния, подполе бытия: ЛСГ уничтожения (*демон-*

тизация) и социального состояния: ЛСГ образа жизни (*бродяжничество*).

10 % всех субстантивных новообразований составляют неологизмы-существительные, пополнившие поле действия, особенно его подполя интеллектуальной деятельности: ЛСГ определения (*инсталляция*); речевой деятельности: ЛСГ речевого сообщения (*информационность*); перемещения: ЛСГ объектного и субъектного перемещения (*демпинг*).

Результаты приведенных наблюдений обобщены в таблице.

Неологизмы процессуальной семантики 90-х гг. XX в. и семантические классы русских глаголов, %

Поля и подполя	Удельный вес узусальных глаголов в словаре «ЛСГ русских глаголов»	Удельный вес глаголов-неологизмов, %	Удельный вес существительных неологизмов
1. Поле действия			
1.1. Перемещение	10	4	1
1.2. Помещение объекта	10	6	1
1.3. Физическое воздействие на объект	25	9	1
1.4. Созидательная деятельность	3	6	3
1.5. Интеллектуальная деятельность	5	10	2
1.6. Речевая деятельность	3	4	2
1.7. Социальная деятельность	5	8	-
1.8. Физиологическая деятельность	2	-	-
1.9. Звучание	2	-	-
<i>Всего</i>	<i>66</i>	<i>47</i>	<i>10</i>
2. Поле состояния			
2.1. Бытие	7,5	3	26
2.2. Качественное состояние	6,5	6	-
2.3. Социальное состояние, бытие	4	6	2

2.4. Эмоциональное состояние	3	1,5	-
2.5. Физиологическое состояние	1	3	-
2.6. Функциональное состояние	2	1,5	-
<i>Всего</i>	24	21	28
3. Поле отношения			
3.1. Взаимоотношение	1	-	-
3.2. Владение	4	9	55
3.3. Межличностные отношения	2	6	1
3.4. Социальные отношения	3	17	6
<i>Всего</i>	10	32	62

Проведенные наблюдения позволили сделать следующие выводы.

1. Основной источник пополнения полей действия, состояния, отношения в конце XX в. не глаголы (их 67 из 170 выделенных неологизмов: *спонсировать, отрекламировать, ксерокопировать* и т.п.), а имена существительные со значением отвлеченного действия (130 из 170: *лицензирование, неучтенка, демпинг, консалтинг* и т.п.).

2. Разные лексико-семантические поля, подполя и ЛСГ пополняются неравномерно. Более всего новой процессуальной лексикой пополнилось поле отношения (половина всех неологизмов), в два раза меньше пополнилось новой лексикой поле действия (25 %) и состояния (25 %). Таким образом, в настоящее время наблюдается активное появление неологизмов процессуальной семантики со значением отношения. Особенно актуализировались такие значения, как владение и социальные отношения. Это связано с резкими экономическими и социальными изменениями в современной действительности.

3. Для новой глагольной лексики 90-х гг. XX в., по нашим наблюдениям, характерны следующие особенности:

а) отмечается увеличение глаголов, относящихся к подполям созидательной, интеллектуальной, речевой и социальной деятельности, социального и физиологического состояний, подполям взаимоотношения, владения, межличностных отношений (см. табл.);

б) наблюдается снижение темпов появления глагольной лексики, относящейся к подполям перемещения, помещения, физиологического воздействия на объект, бытия, качественного и эмоционального состояний;

в) совершенно не пополняются подполя физиологической деятельности, звучания и взаимоотношений.

4. Сопоставление узуальных глаголов и глаголов-неологизмов 90-х гг. XX в. обнаружило, что удельный вес глаголов действия и состояния неуклонно снижается (ср.: к полю действия относится 66 % узуальных глаголов, но только 47 % глаголов-неологизмов; к полю состояния - 24 % узуальных глаголов и только 21 % новообразований). В то же время удельный вес глаголов со значением отношения примерно в 3 раза больше, чем глаголов-неологизмов (10 % и 32 %).

5. Существительные-неологизмы 90-х гг. XX в. со значением отвлеченного действия дополнили в основном поле отношения (62 % всех новых существительных имеют такие значения). Это связано с активным появлением в эти годы субстантивов процессуальной семантики, относящихся к подполю владения (55 %). Причина этого экстралингвистическая - резкое изменение имущественных отношений в результате перестройки.

Значительно меньше зарегистрировано существительных, дополнивших поля состояния (28 %) и действия (10 %).

Нет новых субстантивов в подполях социальной и физиологической деятельности, звучания, качественного, эмоционального, физиологического и функционального состояний и взаимоотношения.

6. Пополнение семантических полей состояния и отношения неологизмами 90-х гг. происходит в основном за счет новой субстантивной лексики (ср.: поле состояния пополнило 17 % существительных и только 8 % новых глаголов; поле отношения - 37 % существительных и 12 % глаголов).

Таким образом, для современных глаголов-неологизмов характерно то, что они в большинстве своем обозначают конкретное действие (*обналичить, факсить, ксерить* и т.п.), в то время как неологизмы-существительные со значением отвлеченного действия обозначают в основном различные состояния и отношения (*бродяжничество, департизация, спонсорство, разгосударствление* и т.п.).

Примечания

1. См.: Русский язык конца XX столетия (1985 - 1995). М., 1996.

2. См.: Коряковцева Е.И. Статус имени действия // Вопр. языкознания. 1996. № 3.

3. См.: Ермакова О.Е. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия

4. См.: Земская Е.А. Активные процессы современного словообразования // Русский язык конца XX столетия.

5. См.: Какорина Е.К. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия.

6. См.: Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия.

7. Казарин Ю.В. Роль абстрактных и конкретных глаголов в формировании языковой картины процессуально-событийного мира: Дис....канд. филол.наук. Екатеринбург, 1992.

8. См.: Кузнецова Э.В. Метод ступенчатой идентификации в описании лексико-семантических групп слов // Межвузовская конференция по порождающим грамматикам: Тез. докл. Тарту, 1967.

9. См.: Лексико-семантические группы русских глаголов: Словарь-справочник. Свердловск, 1988.

Н.В.Золотарева
Уральская экономическая академия

Семантическое пространство глаголов речевого воздействия в русском и английском языках и денотативная ситуация

В статье рассматриваются пять русских глаголов речевого воздействия (агитировать, божиться, бранить, взмаливаться, орать) и их английские глагольные эквиваленты.

Типовая семантика глаголов речевого воздействия отражает денотативную ситуацию речевого воздействия, которая имеет сложный характер, состоящий из следующих микроситуаций: 1) произносить (произнести) что-л. каким-л. образом, 2) выразить различные эмоции и тем самым 3) воздействовать на собеседника, приводя его в определенное эмоциональное состояние, 4) а также побудить его к чему-л., к совершению какого-л. действия.

Базовые глаголы данной группы в русском языке:

говорить (сказать) - сообщить (сообщить) что-л., выражая различные эмоции и тем самым воздействуя на собеседника, приводя его в определенное психоэмоциональное состояние, а также побуждая его к чему-л., к совершению какого-л. действия;

произносить (произнести) - говорить (сказать) что-л., передавая голосом звуки, слова своего или чужого языка, соблюдая нормы, манеру, характер произношения;

сообщать (сообщить) - говорить (сказать) что-л. кому-л., доводя какую-л. информацию до чьего-л. сведения.

Базовые глаголы лексико-семантической группы речевого воздействия в английском языке:

to pronounce - to utter, deliver (judgement, sentence, curse etc.) formally or solemnly; to state, to declare, as being in one's opinion (произнести, высказать (суждение, предложение, проклятие и т.д.) формально или торжественно, заявить, объявить о своем мнении);

to say - to utter, make (specified remark), recite, rehearse, in ordinary speaking voice; to speak words (произнести, сделать особое высказывание, рассказать, повторить обычным голосом).

Семная структура глагола **говорить (сказать)** может быть представлена следующим образом:

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 содержание высказывания	что-л.
ДС2 характер высказывания	выражая различные эмоции
ДС3 результат высказывания	воздействуя, приводя в определенное психоэмоциональное состояние, а также побуждая к чему-л., к совершению какого-л. действия
ДС4 адресат	собеседника

Семная структура глагола **сообщать (сообщить)**

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 содержание высказывания	что-л., какую-л. информацию
ДС2 адресат	кому-л.
ДС3 цель высказывания	доводя до сведения

Семная структура глагола **произносить (произнести)**:

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 содержание высказывания	что-л.
ДС2 характер высказывания	передавая голосом звуки, слова своего или чужого языка, соблюдая нормы, манеру, характер произношения
ДС3 адресат	-----

Семная структура глагола **to say**:

Семы	Лексические репрезентанты
-------------	----------------------------------

склонять (склонить) к чему-л.

Русский глагол **агитировать**, входящий в ЛСГ глаголов речевого воздействия, имеет лишь один глагольный эквивалент в английском языке.

Агитировать - to agitate

(русский язык) (английский язык)

To agitate - to argue strongly in public for and against some political or social change (решительно высказываться публично в пользу каких-л. политических или социальных изменений или против них).

Семная структура глагола **to agitate**:

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 характер высказывания	решительно
ДС2 содержание высказывания	в пользу каких-л. политических идей или против них
ДС3 адресат	публично

Итак, сопоставим семантический комплекс русского глагола **агитировать** с семантическим комплексом английского глагола **to agitate**:

агитировать	to agitate
КЛС говорение	КЛС говорение
ДС1 содержание высказывания	ДС1 содержание высказывания
ДС2 адресат	ДС2 адресат
ДС3 цель высказывания	ДС3 характер высказывания

Таким образом, в данном случае компоненты микроситуации, отражаемые дифференциальными семами, в двух языках совпадают не полностью: кроме содержания высказывания и адресата, в русском языке присутствует дифференциальная сема «цель высказывания» (убеждать(убедить) в чем-л., склонять (склонить) к чему-л.), в английском же языке она отсутствует. Сема «характер высказывания», присутствующая в семной структуре английского глагола («решительно»), в данном случае в русском языке отсутствует. Сема «содержание высказывания» значительно более конкретизирована в английском языке, чем в русском: «в пользу каких-л. политических идей или против них»(в русском языке - «что-л.»).

Рассмотрим семную структуру русского глагола **божиться** и его английский глагольный эквивалент.

Божиться – говорить «ей-богу» в подтверждение правильности своих слов, клясться именем бога, стараясь убедить собеседника в ис-

кренности, истинности своего сообщения.

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 содержание высказывания	«ей-богу»
ДС2 цель высказывания	в подтверждение своих слов; стараясь убедить в искренности, истинности своего сообщения
ДС3 адресат	собеседника
ДС4 характер высказывания	клясться (глагол с включенной пропозицией)

Данный русский глагол имеет один глагольный эквивалент в английском языке - глагол **to swear**.

To swear – to state something on oath, to say emphatically that (утверждать что-л. клятвенно; эмоционально говорить о чем-л.).

Семная структура глагола **to swear**:

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 содержание высказывания	что-л., о чем-л.
ДС2 характер высказывания	клятвенно, эмоционально
ДС3 адресат	-----

Итак, семантический комплекс глагола **божиться** в сопоставлении с семантическим комплексом его английского глагольного эквивалента выглядит следующим образом:

божиться	to swear
КЛС говорение	КЛС говорение
ДС1 содержание высказывания	ДС1 содержание высказывания
ДС2 характер высказывания	ДС1 характер высказывания
ДС3 адресат	ДС3 адресат
ДС4 цель высказывания	

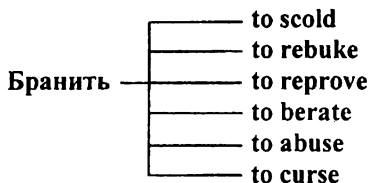
В данном случае английский глагол **to swear** не содержит в своем семантическом комплексе дифференциальную сему «цель высказывания» (в русском языке она представлена следующим образом: «в подтверждение правильности своих слов, стараясь убедить собеседника в искренности, истинности своего сообщения»). Сема «содержание высказывания» более конкретно представлена в русском языке («ей-богу»), чем в английском («что-л., о чем-л.»).

Бранить – произносить (произнести) громко резкие, грубые слова с целью обидеть кого-л. за что-л.; ругать.

Семная структура глагола **бранить**:

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 характер высказывания	громко
ДС2 содержание высказывания	резкие, грубые слова
ДС3 цель высказывания	с целью обидеть
ДС4 адресат	кого-л.
ДС5 причина высказывания	за что-л.

Глагол **бранить** имеет 6 глагольных эквивалентов в английском языке:

To scold – to find fault noisily, to rail (esp. of a parent, employer, speaking to a child, servant), to rebuke (обвинять шумно, бранить (особенно о родителе, работодателе, о говорящем с ребенком, прислугой); упрекать).

Семная структура глагола **to scold** :

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 содержание высказывания	обвинять (глагол с включенной пропозицией)
ДС2 характер высказывания	шумно
ДС3 адресат	о родителе, работодателе, о говорящем с ребенком, прислугой

To rebuke – to subject to protest or censure (for fault etc.); to reprove (подвергать протесту или осуждать (за вину и т.п.); упрекать).

Семная структура глагола **to rebuke** :

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 цель высказывания	подвергать протесту; осуждать (глагол с включенной пропозицией)
ДС2 причина высказывания	за вину и т.п.
ДС3 адресат	-----

ДС4 характер высказывания	упрекать (глагол с включенной пропозицией)
---------------------------	--

To reprove – to talk to someone angrily or express disapproval (говорить с кем-л. сердито или выражать неодобрение).

Семная структура глагола **to reprove** :

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 адресат	с кем-л.
ДС2 характер высказывания	сердито
ДС3 содержание высказывания	неодобрение.

To berate – to speak to someone angrily because of a fault (говорить с кем-л. сердито из-за [его] провинности).

Семная структура глагола **to berate** :

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 адресат	с кем-л.
ДС2 характер высказывания	сердито
ДС3 причина высказывания	из-за провинности

To abuse – to speak insultingly or unkindly to someone or of something (говорить в оскорбительной форме или нелюбезно с кем-л. или о ком-, чем-л.).

Семная структура глагола **to abuse**:

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 характер высказывания	в оскорбительной форме или нелюбезно
ДС2 адресат	с кем-л., о ком-л.
ДС3 содержание высказывания	о чем-л.

To curse – to utter curse against someone (произносить проклятия в чей-л. адрес).

Семная структура глагола **to curse**:

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 содержание высказывания	проклятия
ДС2 адресат	в чей-л. адрес

Семантический комплекс русского глагола **бранить** в сопоставлении с семантическим комплексом его глагольных эквивалентов может быть представлен следующим образом:

Бранить

КЛС	говoreние
ДС1	характер высказывания
ДС2	содержание высказывания
ДС3	цель высказывания
ДС4	адресат
ДС5	причина высказывания

Английские эквиваленты

КЛС	говoreние
ДС1	характер высказывания
ДС2	содержание высказывания
ДС3	цель высказывания
ДС4	адресат
ДС5	причина высказывания

Набор дифференциальных сем в данном случае полностью совпадает, однако семы по-разному представлены с лексической точки зрения. На это указывает, к примеру, наличие конкретной семы адресата в семантическом комплексе английских эквивалентов русского глагола «бранить» («о родителе, работодателе, о говорящем с ребенком, прислугой»). Сема «причина высказывания» также является более конкретной в английском языке («за вину и т.п.»), чем в русском («за что-л.»).

Взмаливаться (взмолиться) – произносить (произнести) слова жалобы, мольбы, усиленно умоляя о чем-л.; просить о чем-л.

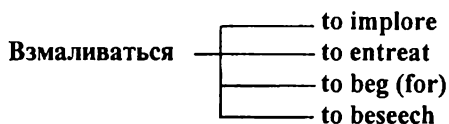
Семная структура глагола **взмаливаться**:

Семы

КЛС	говoreние
ДС1	содержание высказывания
ДС2	характер высказывания
ДС3	цель высказывания
ДС4	адресат

Лексические репрезентанты

слова жалобы, мольбы
усиленно
умоляя о чем-л.; просить о чем-л.
л.

To implore – to beg earnestly for something; to entreat (person to do)
(молить серьезно о чем-л.; упрашивать (человека) сделать [что-л.]).

Семная структура глагола **to implore**:

Семы

КЛС	говoreние
ДС1	характер высказывания

Лексические репрезентанты

молить (глагол с включенной пропозицией); серьезно

ДС2 цель высказывания (побуждение к действию)	упрашивать сделать
ДС3 адресат	человека

To entreat – to ask (person) earnestly (to do), to ask earnestly for something (просить (человека) серьезно (сделать); просить серьезно о чем-л.).

Семная структура глагола **to entreat**:

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 адресат	человека
ДС2 характер высказывания	серьезно
ДС3 цель высказывания (побуждение к действию)	сделать

To beg (for) – to ask for (food, money etc.) as gift; to ask earnestly or humbly (просить (еды, денег и т.д.) в дар; просить серьезно или покорно).

Семная структура глагола **to beg (for)**:

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 цель высказывания	просить (еды, денег и т.п.) в дар
ДС2 характер высказывания	серьезно или покорно
ДС3 адресат	-----

To beseech – to ask earnestly for something; to entreat (просить серьезно о чем-л.; упрашивать).

Семная структура глагола **to beseech**:

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 характер высказывания	серьезно; упрашивать (глагол с включенной пропозицией)
ДС2 цель высказывания	просить о чем-л.
ДС3 адресат	-----

Семантический комплекс русского глагола «взмаливаться» в сопоставлении с семантическим комплексом его английских глагольных эквивалентов выглядит следующим образом:

Взмаливаться	Английские эквиваленты
КЛС говорение	КЛС говорение
ДС1 цель высказывания	ДС1 цель высказывания

ДС2 характер высказывания
 ДС3 адресат
 ДС4 содержание высказывания

ДС1 характер высказывания
 ДС3 адресат

Итак, семантический комплекс русского глагола «взмаливаться» шире семантического комплекса его английских глагольных эквивалентов. На это указывает наличие дифференциальной семы «содержание высказывания» в семантическом комплексе русского глагола. Сема «цель высказывания» более конкретно представлена лексически в английском языке и имеет включенный объект («просить (еды, денег и т.д.) в дар»). Сема «характер высказывания» также иначе представлена в английском языке («серьезно» - английский язык, «усленно» - русский язык).

Орать – произносить слова брани, осуждая кого-л. очень громко, переходя на крик; бранить, кричать.

Семная структура глагола **орать**:

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 содержание высказывания	слова брани
ДС2 цель высказывания	осуждая
ДС3 адресат	кого-л.
ДС4 характер высказывания	очень громко, переходя на крик

To bawl – to speak or weep at the top of the voice; to reprimand severely (говорить или выть на пределе голоса; упрекать сурово).

Семная структура глагола **to bawl**:

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 характер высказывания	выть, упрекать (глаголы с включенной пропозицией); на пределе голоса; сурово
ДС2 адресат	-----

To yell – to shout or say very loudly, esp. in fear, anger or excitement (кричать или говорить очень громко, от страха, злости или восхищения).

Семная структура глагола to yell:

Семы	Лексические репрезентанты
КЛС говорение	
ДС1 характер высказывания	кричать (глагол с включенной пропозицией); очень громко
ДС2 причина высказывания	от страха, злости или восхищения
ДС3 адресат	-----

Семантический комплекс русского глагола «орать» в сопоставлении с семантическим комплексом его английских глагольных эквивалентов выглядит следующим образом:

Орать	Английские эквиваленты
КЛС говорение	КЛС говорение
ДС1 характер высказывания	ДС1 характер высказывания
ДС2 адресат	ДС2 адресат
ДС3 цель высказывания	ДС3 причина высказывания
ДС4 содержание высказывания	

Итак, в данном случае семы «содержание высказывания» («слова брани») и «цель высказывания» («осуждая кого-л.») не присутствуют в английском языке. В английском языке присутствует сема «причина высказывания» («от страха, злости и т.п.»), отсутствующая в данном случае в русском языке. Сема «характер высказывания» по-разному представлена в двух языках: в русском языке - «очень громко, переходя на крик», в английском - «сурово», «очень громко».

Таким образом, отражение денотативной ситуации речевого воздействия различно в русском и английском языках. Во-первых, не совпадают лексемы: во многих случаях одному русскому глаголу соответствует несколько английских глаголов (русский глагол «бранить» имеет пять английских глагольных эквивалентов, «взмаливаться» - четыре, «орать» - два). Во-вторых, не всегда совпадает набор дифференциальных сем, составляющих семантический комплекс (например, различие между ДС3 в семантическом комплексе русского глагола «агитировать» и ДС3 в семантическом комплексе его английского глагольного эквивалента, наличие ДС4 в СК русского глагола «божиться», наличие ДС4 в СК русского глагола «взмаливаться» и ДС4 в СК русского глагола «орать»). Кроме того, одни и те же дифференциальные семы по-разному представлены в русском и английском языках (в английском языке они более

конкретизированы, особенно ДС «адресат» и ДС «цель высказывания»).

Ю.В.Казарин
Уральский университет

Особенности формирования лексико-семантического пространства процессуально-событийного мира в языке и тексте

1. По словам Е.С.Кубряковой, полипарадигмальность современной науки - состояние нормальное. Сегодня в русистике исследуются такие научные парадигмы, как антропоцентрическая, функциональная, коммуникативная, когнитивная, текстоцентрическая, прагматическая, эмотиологическая и др. По-прежнему актуальными остаются лингвоцентрический, в частности семасиологический, и лексикографический (составление идеографических толковых словарей лексики современного русского языка) подходы в изучении лексической системы русского языка.

2. В настоящее время в системе языка действует закон устойчивости языковых (знаковых) подсистем, ср.: на фонетическом уровне современного русского языка этот закон может определяться так: чем больше дифференциальных признаков (далее - ДП) у знака (фонемы/звука), входящего в данную систему, тем устойчивее состав этой системы. Например, стабилизация количественного состава русских консонантов в силу достаточно широкого (не менее 6) набора ДП и сокращение количества гласных фонем в силу, во-первых, меньшего набора их ДП, а во-вторых, по причине сокращения позиций (как следствие первого) фонем О и Э.

3. Данный закон действует и в лексической системе.

Системность, структурность и иерархичность единиц лексической системы (и языка в целом) обеспечивается и обусловлена такими же свойствами и характеристиками сознания (Ю.С.Степанов, Б.М.Гаспаров). Сознание процессуально и динамично в силу системности, структурности и иерархичности своих частей и собственно процессуальных алгоритмов. Один из таких алгоритмов - номинация и речение (речепроизводство) - свидетельствует о том, что функции сознания и языка в основном совпадают и образуют совместно и одновременно два процессуальных алгоритма в качестве начальной стадии языкового

мышления, и это скорее не процесс, а действие номинации как основы информативности, отношения и концептуализации.

4. Традиционное понимание процесса номинации можно представить так: *реалия - понятие - термин* (В.И.Постовалова). Существует и ряд других, усложненных разнотипностью отображаемых реалий, видов алгоритма номинации: а) денотативно-сигнификативный вид; б) денотативный; в) сигнификативный и др., которые обусловлены степенью абстрактности и конкретности лексической семантики.

Данные виды номинации свидетельствуют о неоднородности системы языкового мышления, в структуре которой можно выделить (Ю.С.Степанов, А.И.Новиков, Е.И.Ярославцева, Л.Г.Бабенко, А.М.Плотникова, Ю.В.Казарин) три сферы, три пространства: знаковое (набор планов выражения единиц всех уровней языка), денотативное (совокупность представлений и обобщенных образов реалий бытия) и понятийное (сигнификативное, система знаний в описательно-дефиниционном виде).

5. На наш взгляд, языковая семантика - это единое, взаимообусловленное функционирование трех пространств языкового мышления, собственно единиц языка и сознания (памяти, образовости, отображения, номинации) - знакового, денотативного и понятийного - с целью достижений информативного, текстового, прагматического, эмоционального и даже эстетического (Ю.И.Левин) результата. И номинация - это начальная стадия того или иного результата процесса языкового мышления, а последующими стадиями и этапами данного результата можно считать размышление (локутивность) и текстомышление (иллокутивность, «речевой поступок»; Б.М.Гаспаров). Данные стадии (этапы) процесса языкового мышления обуславливают наличие следующих: от функционально-коммуникативной до прагматической и собственно текстовой.

Последнее утверждение позволяет раздвинуть рамки известных дихотомий Ф. де Соссюра, по меньшей мере, до триад, до трехаспектного рассмотрения и понимания системы языка, языковых отношений и подходов изучения данных явлений: язык - речь - текст; диахрония - синхрония - компаративистика; парадигматика - синтагматика - вариативность единиц языка.

6. Процесс номинизации имеет двойственную природу. Традиционно этот процесс называют прямым (моноденотатным) и образным (полиденотатным). В данном случае речь идет о природе номинации, но не о характере данного процесса. Реально сегодня можно утверждать, что процесс этот может иметь чисто номинационный и реноминационный характер, что позволяет выделить четыре типа языковой номина-

ции: бытовая, научная (номинация), художественная и поэтическая (ре-номинация). Сущность номинации достаточно точно определил Мартин Хайдеггер: «...слово для сказа есть одновременно слово для бытия, т.е. для присутствия присутствующего. Слово и вещи неким прикровенным, едва продуманным и неизмыслимым образом принадлежат друг другу [1. С.447].

7. Основным (базовым, языковым, речевым и текстовым) знаком-номинатором является слово в силу своего особого положения в иерархии других единиц языка, а также универсальности связей плана выражения (лексемы) и плана содержания (семемы).

Можно представить данную единицу языка с учетом ее статуса ономатмы и синтагмы (Э.В.Кузнецова) в виде следующих категорий: слово-фономатема, дериватема, грамматема, синтактема, лексема, текстема, психотема, эмотема, проблема, когнитема, концентема, спиритема и др.

В системе лексики современного русского языка глагол занимает особое место в силу своей особой сложности и комплексности его денотата - ситуации. Анна Вежицка, говоря о семантических примитивах, отмечает, что набор данных единиц совпадает с набором лексических универсалий. Нам кажется, что парадигма базовых глаголов близка по своим семантическим характеристикам, с одной стороны, парадигме семантических примитивов, а с другой - глаголам-пропозитивам, т.е. таким глаголам, семантика которых целиком включается в семантику других глаголов с пропозитивной семантикой. Механизм такого семантического включения может быть раскрыт с учетом особенностей денотативного пространства (Л.Г.Бабенко, Л.М.Васильев, А.М.Плотникова, О.А.Михайлова). Степень пропозитивности лексической семантики глаголов вполне определима, ср.: быть (0-я степень) - жить (1-я степень) - мыслить (2-я степень) - понимать (3-я степень пропозитивности). Учет и определения степени пропозитивности поможет в более точном установлении семантического расстояния (А.И.Новиков, Е.И.Ярославцева).

8. Учет степени пропозитивности глагольной семантики указывает на возможность нового радиально-сферического структурирования денотативного пространства русского глагола. В качестве таких сфер нами выделяются следующие: экзистенциальная; физиологическая, ментальная, социальная, психологическая (эмоциональная), духовная и др.

Такой взгляд на строение денотативного пространства глаголов - через призму категорий абстрактности, конкретности и социальной обобщенности глагольной семантики - позволит уточнить и конкретизировать метод когнитивной картографии (М.Л.Кусова). А также позво-

лит уточнить семантическую природу парадигм классифицирующего типа (Э.В.Кузнецова), в основе которых лежат суперпропозитивы, экзистенциальные глаголы с абсолютно обобщенной семантикой быть/существовать/появляться/ исчезать/ умирать/ рождаться и т.п. Данные глаголы суть потенциалы семантизации (т.е. денотации - сигнификации), конкретизации и т.д.

9. Представляется интересным определить роль базовых глаголов в формировании денотативного пространства как основы лексико-семантического пространства, а также в целом языковой картины процессуально-событийного мира.

Примечание

1. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.

Ю.В.Казарин, О.Н.Латкина
Уральский университет

Денотативное пространство художественного текста и проблема его перевода (на материале поэзии Р.Фроста)

В настоящее время в отечественной лингвистике наметилось сближение, если не соединение, трех направлений в изучении единиц языка, речи и текста - лингвоцентрического, текстоцентрического и антропоцентрического. Данный новый подход исследования художественного текста должен опираться на такие категории и явления, как языковое пространство, картина мира и текстовые смыслы, среди которых, на наш взгляд, при анализе художественного текста (далее - ХТ) языка-оригинала и его переводного аналога наиболее важной категорией оказывается картина мира.

Художественная картина мира (Б.С.Мейлах) определяется нами как индивидуально-авторская модель мира (или его фрагмента/фрагментов), отображенная при помощи семантики различных единиц языка в сознании автора и зафиксированная им в тексте, в частности в его лингвосмысловой сфере. Художественный текст может содержать в своей интра- и экстралингвистической структурах минимум три сферы: культурную, эстетическую и языковую. Последняя сфера, приобретая текстовый статус, не утрачивает особенностей языковой системы, т.е. включает в себя, как и язык, три пространства: знаковое, дено-

тативное и понятийное. Знаковое пространство ХТ может включать в себя план выражения любых единиц, принадлежащих к различным уровням языковой системы (от звуков/фонем до высказывания).

Понятийное пространство ХТ (по терминологии Ю.И.Левина - семантическое) можно рассматривать как смысловые комплексы, закрепленные в ХТ и формирующие новое образование - смысловое пространство ХТ.

Наиболее интересным и важным в процессе исследования ХТ оригинала и его переводного варианта оказывается денотативное пространство (Ю.С.Степанов, Л.Г.Бабенко, А.М.Плотникова) ХТ. Почему? Денотативное пространство ХТ в первую очередь обуславливает особенности строения и реализации смыслового пространства за счет специфики национально-культурного, собственно языкового и индивидуально-авторского (философского, психологического и т.п.) восприятия и отображения человеком окружающей действительности.

Поэтому основная цель нашего исследования такова: сопоставить два варианта денотативного пространства ХТ - оригинала и его переводного варианта; проследить динамику изменения и деформацию этого пространства ХТ. Материалом для анализа послужило стихотворение Роберта Фроста «Stopping By Woods On A Snowy Evening» и его перевод на русский язык, осуществленный Олегом Чухонцевым, который назвал стихотворение «Зимним вечером у леса».

Приведем тексты оригинала и его перевода.

Stopping By Woods On A Snowy Evening
Whose woods these are I think I know.
His house is in the village though;
He will not see me stopping here
To watch his woods fill up with snow.

My little horse must think it queer
To stop without a farmhobst near
Between the woods and frozen lake
The darkest evening of the year.

He gives his harnees bells a shake
To ask if there is some mistake.
The only other sounds the sweep
Of easy wind and downy flake.

The woods are lovely, dark, and deep,
But I have promises to keep,

And miles to go before I sleep,
And miles to go before I sleep.

Зимним вечером у леса
Чей этот лес и эти дали?
Хозяин этих мест едва ли
Поймет, к чему мы здесь, у кромки
Заснеженного поля, стали.

И непонятно лошаденке,
Зачем мы здесь в ночной поземке
Стоим, где пасмурные ели
Глядятся в белые поземки.
Звения уздечкой еле-еле,
Мол, что такое, в самом деле,
Она все ждет, пока ездок
Прислушивается к метели.

Прекрасен лес, дремуч, глубок.
Но должен я вернуться в срок,
И путь до дома еще далек,
И путь до дома еще далек.

О.Н.Латкина предлагает свой подстрочный перевод данного стихотворения:

Остановившись у кромки леса (на опушке леса)
зимним (заснеженным) вечером.

Я думаю, я знаю, чьи это(и) леса (кому принадлежат эти леса).
Хотя его дом находится в деревне.
Он не увидит, как я здесь остановился
(меня остановившегося здесь),
Чтобы наблюдать, как его леса наполняются
(заполняются) снегом.

Должно быть, моя лошадка находит странным,
Что я остановился вдали от фермы,
Между лесом и замерзшим озером,
Самым темным вечером года.

Бубенчики на его упряжи дрожат (звонят)
(это вызывает дрожание бубенцов на его упряжи),
Спрашивая, не ошибка ли это.
Другой(им) звук(ом) (является) непристанное движение
Свободного (легкого, спокойного) ветра и пушистого снега.

Леса прекрасны, темные (мрачные, печальные)
и глубокие (таинственные),
Но мне необходимо выполнить (свои) обещания.
И мили проехать, прежде чем я усну.
И мили проехать, прежде чем я усну.

Поэзия Р.Фроста принадлежит к традиционной, классической школе американской литературы (Джордж Ф.Уичер, Джон Гринлиф Уитьер, А.П. Хадсон, Стенли Т. Уильямс и др.), поэтому базовые художественные смыслы должны передаваться и фиксироваться в тексте в основном единицами лексического уровня. О.Н.Латкина, изучая творчество Р.Фроста, сделала следующее наблюдение: на протяжении всего своего творчества Роберт Фрост наиболее часто употреблял следующие глаголы:

Verbo:

to blow	to grow
to blow	to bloom
to fall	to go
to cover	to take
to expren	to give
to fly	to live
to bear smth	to sleep
to hope	to leave
to build	to return
to bring	to die
to pass	to save to oneself
to march	to breathe
	to rise

Именно семантика этих глаголов формирует центры общего денотативного пространства поэзии Р.Фроста.

Анализ поэтической семантики текста-оригинала и текста-перевода выявил следующее: именно лексические смыслы играют ведущую роль в формировании денотативного пространства данного поэтического текста, причем ведущая роль отводится глаголам (всего 14 лексем). Текст-перевод содержит лишь 7 глагольных лексем, что указы-

васт на изменение характера процессуально-событийной сферы денотативного пространства по сравнению с текстом-оригиналом становится динамический статическим. Следует отметить, что при переводе О.Чухонцева не только искажается художественная картина мира (далее - ХКМ), но и, естественно, как следствие такой коррекции в тексте-переводе фиксируется, в сущности, другая ХКМ. Глаголы в тексте-оригинале употреблены Р.Фростом в переносных, образных значениях, тогда как переводчик использует в тексте-переводе в основном прямые глагольные значения.

Денотативное пространство текста-оригинала бытийно, так как иносказательно. Денотативное пространство текста-перевода - бытовое, приниженное, более конкретное.

Учет денотативного пространства ХТ при переводе его на другой язык оказывается важнейшим условием верной передачи различных текстовых смыслов, главным образом - лексических, являющихся в поэтических текстах традиционного (классического) направления конструктивно необходимыми, т.е. текстообразующими.

Мы считаем, что в дальнейшем следует изучить связи и взаимоотношения текстовых единиц, принадлежащих к трем пространствам ХТ - знаковому, денотативному и смысловому.

А.В.Каушанова
Уральский университет

Роль языковой игры в процессуальной картине мира (на материале произведений Л. Кэрролла)

Характерной особенностью литературных работ Кэрролла, равно как и его математических трактатов, является то, что событие в этих произведениях играет одну из основных ролей. Но это не просто событие в обычном понимании этого слова. События, описываемые Кэрроллом, уникальны тем, что они всегда развиваются в двух или более направлениях одновременно. Когда Кэрролл пишет, что «Алиса, откусив кусок гриба, стала вдруг быстро расти», то читатель справедливо полагает, что она становится больше, чем была, исходя из семантики глагола «расти». Но также верно и то, что она одновременно становится меньше, чем сейчас. При этом совершенно бессмысленно утверждать, что она может быть больше и меньше в *один и тот же момент времени*, так как она *становится* больше, чем была и меньше, чем стала. Основной смысл данного высказывания заключается именно в ста-

новлении Алисы. Сущность становления - это движение, растянутое в двух смыслах-направлениях сразу : Алиса не может расти, не уменьшаясь, и наоборот. Парадоксальность данного высказывания заключается в утверждении двух смыслов одновременно. Но при этом настоящий момент времени отсутствует - существует только прошлое и будущее. «Джем завтра и джем вчера, но не сегодня», - вот основной принцип жизни Зазеркалья.

Еще Платон предлагал различать два измерения: 1) измерение ограниченных и обладающих мерой вещей; измерение фиксированных качеств, предполагающих фиксацию настоящего и указывание на предмет, и 2) чистое становление, всегда избегающее настоящего. Страна Чудес и Зазеркалье - это пространство чистого становления, физическое пространство постоянно развертываемого события, закрепленного за глаголом, который, в свою очередь, всегда имеет, по крайней мере, два смысла. Процесс становления, как правило, всегда выражен глаголом, но пределы становления как такового могут быть отмечены другим способом: «Если *слишком долго* держать раскаленную кочергу, то можно обжечься; если порезать палец *слишком глубоко*, то обычно идет кровь; если отпить *слишком много* из бутылки с надписью «яд», то почти наверняка вы почувствуете себя плохо».

Даже глагольная лексика, описывающая падение Алисы и имеющая, казалось бы, однозначные маркеры однонаправленного движения (to go down, to come to, to fall down) перемежается размышлениями Алисы об «антипатиях», т.е. о людях, живущих на обратной стороне Земли и, по детским представлениям, ходящих на головах. Но также справедливо и то, что, с точки зрения антиподов, на головах должны ходить мы. Таким образом, однонаправленность движения компенсирована инверсией движения мысли. Такого рода инверсии у Кэрролла характерны не только для глагольной лексики. В общем, инверсия - это один из основных принципов языковой игры Кэрролла. Любого рода инверсии имеют одно следствие - утерю Алисой собственного имени, т. е. потерю самоидентификации. В бесконечном становлении абсурдного пространства глаголов Алиса теряет право на собственное имя. Потеря собственного имени - это приключение, повторяющееся во всех приключениях Алисы. Впервые очутившись в Стране Чудес, Алиса постоянно спрашивает себя, кем же на самом деле она является, и не может дать ответ. Поэтому на вопрос Гусеницы «Кто ты такая?» Алиса робко отвечает: «Вряд ли я могу ответить на ваш вопрос, сэр, по крайней мере, сейчас. Могу лишь вам сказать, кем я *была*, когда встала сегодня утром, но, боюсь, с тех пор я уже несколько раз менялась». Все это происходит потому, что наличие имени

собственного гарантирует субъекту наличие постоянного знания, закрепленного обычно за существительными и прилагательными, т. е. гарантирует определенный порядок, в то время как в хаотичном движении глагола происходит потеря этого знания, а значит, и права на самоидентификацию.

В другой ситуации становления Алисы, а именно в приключениях Алисы, связанных с изменением ее роста, Кэрроллом используется прием сравнения. «Как интересно! - закричала Алиса. - Должно быть, я складываюсь как телескоп!» И далее: «Интересней и интересней! А сейчас я раскрываюсь как самый большой телескоп, который я когда-либо видела! До свидания, мои ножки!» Одновременно с этим Кэрролл для создания комического эффекта использует прием отчуждения.

Еще один принцип языковой игры - это принцип разложения языковых единиц с последующей буквализацией смысла их составляющих. Возьмём для примера глагол «to suppress» (подавлять). Кэрролл разлагает его на две части и вторую часть осмысляет буквально как глагол «to press»(давить): «Тут одна из морских свинок заплодировала и была немедленно подавлена стражниками (поскольку это довольно-таки сложное слово, я объясню вам, как они это сделали: у них был большой холщовый мешок с завязками, в который они и запихнули свинку вниз головой и сели на нее сверху)». Другой пример разложения - это глагол «to cross-examine» (подвергать перекрестному допросу). Две корневые основы также осмысляются буквально как «cross»(крест, перекресток) и «to examine»(исследовать, осматривать): «Король обеспокоенно посмотрел на Белого Кролика, который прошептал ему: «Ваше величество должен подвергнуть этого свидетеля перекрестному допросу». «Хорошо, если я должен, то я должен», - печально сказал Король и, *скрестив* руки на груди, он, нахмурившись, так посмотрел на кухарку, что его глаза чуть было не сошлись на переносице».

Но Кэрролл разлагает не только отдельно взятые глаголы, но и целые глагольные фразеологические сочетания. Когда Королева отдает приказ стражникам отрубить головы несчастным садовникам, которых спрятали Алиса, то солдаты, не найдя виновников и вернувшись ни с чем, докладывают Королеве: «Their heads are gone, if it please your Majesty!» Это выражение можно понимать по-разному: и то, что они выполнили приказ и отрубили им головы, и в буквальном смысле, а именно, что они исчезли и, следовательно, приказ не выполнили.

Кэрролл также использует и обратный прием, т. е. он соединяет несколько языковых единиц в одну, образуя новую лексику с новой семантикой. Примером такой контаминированной глагольной лексики

является созданный Кэрроллом глагол «to gallumph» (триумфально скакать) из знаменитого стихотворения «The Jabberwocky». Он образован путем слияния глагола «to gallop» (скакать галопом) и существительного «triumph» (триумф). Будучи созданным Кэрроллом, этот окказионализм затем прочно вошел в английский язык и в наше время широко используется как обычная лексема.

Уже в самом принципе построения контаминированных слов наблюдается движение смысла в обе стороны одновременно. Семантика глагола, образованного по принципу контаминации, не является стабильной по отношению к самому глаголу - она постоянно сдвигается в сторону семантики его составляющих. Таким образом, объясняя значение глагола «to gallumph», необходимо одновременно держать в уме значение глагола «to gallop» и существительного «triumph».

В этом же стихотворении можно найти два глагола со значением кругового движения, образованных по принципу реверсии. Так, глагол «to gyre», образованный от существительного «gyroscop» (гироскоп), согласно Кэрроллу, означает «вертеться на месте как гироскоп». По этому же принципу от существительного «gimlet» (буравчик) образован глагол «to gimble» со значением «делать дырки подобно буравчику».

Таким образом, глагольная лексика, используемая Кэрроллом, не имеет односторонней направленности, так как одновременно охватывает физическое пространство прошлого и будущего и, довлея над субъектом, лишает его права на самоидентификацию.

Е.Ю.Коробкова
Уральский университет

Функции глаголов в создании «стиля» ссоры (на материале творчества Н.Коляды)

Определимся для начала с понятием «стиль» ссоры. О неких приемах, цель которых повлиять на сознание, поведение и эмоции адресата, характерных как для ораторской речи, так и для нашего повседневного общения, писал в статье о языке современной русской драматургии известный ученый М.Ю.Федосюк. Например, наследившему в коридоре можно сказать: «Ты не вытер ноги». Но для большего воздействия на объект случившееся можно обобщить, представив ситуацию не как единичный факт, а как постоянно повторяющееся действие: «Вечно

ты ноги у входа не вытираешь!», «Любишь ты грязь в дом приносить!» или даже: «Ну, конечно, такие, как ты, не приучены к чистоте».

1. Обращаясь к репликам персонажей пьес Н.Коляды, можно привести такие примеры **обобщения**:

а) «Господи, напугал! Чего надо? Ходят, ходят» (реакция на появление незнакомца);

б) «Каждый раз их обхаживаешь, обхаживаешь, угощаешь, растилаешься перед ними, рассыпаешься, - прям ежа рожаешь, а они...» (с помощью глагольной цепочки и конструкций позиционно-лексического повтора ситуация представляется частой и приевшейся).

Подобные приемы, считает М.Ю.Федосюк, можно, используя образное выражение И.Р.Гальперина, назвать средствами «стиля языка семейной ссоры».

Такое исследование пьес Н.Коляды актуально, потому что «кодек» современных драматургов - максимально адекватная передача в художественных текстах повседневных разговоров, мелких будничных ссор и дразг (в этом случае разговорная речь (РР) имитируется в рамках книжного языка), а уж героям Н.Коляды, которые только и занимаются тем, что ссорятся, дерутся и мирятся, приемы «стиля» ссоры должны быть особенно близки. К тому же, судя по авторским ремаркам, это либо люди очень простые, либо опустившиеся интеллигенты, ютящиеся по грязным коммуналкам, неудачники, которых постепенно добивает бытовая неустроенность.

Попытаемся же выяснить, проанализировав глагольную лексику, встретившуюся в репликах, что можно сказать о характере общения, об отношении этих людей друг к другу, об их жизни в целом.

Следует отметить, что расклассифицирование реплик по типам эмоций здесь неуместно, потому что далеко не каждый глагол манифестирует определенное эмоциональное состояние. Можно было бы составить классификацию реплик с учетом содержащихся в них экспрессивных синтаксических конструкций, но они, в отличие от глагола, несущего важное для нас конкретное значение, будут содержать наслаивающиеся оттенки. Например, усечение подчеркнет растерянность или ярость говорящего; конструкции с позиционно-лексическим повтором - его желание внушить нужную мысль собеседнику, уверить его в правильности своих речей; парцелляция усилит жесткость и категоричность слов героя и т.д. Поэтому мы выбрали классификацию приемов «стиля» ссоры, предложенную М.Ю.Федосюком [1].

Из приемов, связанных непосредственно с содержанием **высказывания**, мы уже выделили **обобщение**.

Рассмотрим далее прием **неприятия слов собеседника**:

а) неприятие может быть достаточно мягким по форме выражения: «Я видела - сорок два человека было. А ты говоришь...»;

б) в нем может содержаться оттенок обобщенности: «Ну ладно, заладила!» или: «Говорила уже об этом, говорила...»;

в) собеседника могут подозревать во вранье: «Сейчас врешь! Опять, как улитка в раковину...» или: «Ты врешь, Сухинин. Издеваешься надо мной. Смеешься» (здесь мы наблюдаем еще и глагольный повтор с восходящей градацией);

г) неприятие может быть грубоватым по форме и выражаться глаголом в повелительном наклонении, стоящим в форме единственного числа: «Да брось ты!» или «Не выступай!»;

д) а может быть и очень грубым: «Что вот ты мелешь тут? Со всем уже, что ли?»

Далее М.Ю.Федосюк выделяет прием откровенной грубости персонажа:

а) героиня, сообщая о смерти ненавистного ей соседа, кричит: «Да сдох он, сдох!»;

б) девушку, которая время от времени погружается в самосозерцание, собеседник грубо обрывает: «Не придуривайся! Опять свои мультики начала?»

Иллюстрацией к приему оскорбительных утверждений о низменных мотивах действий собеседника может служить такая реплика: «Животная ты, самая настоящая животная! Я знаю, чего ты боишься, знаю! За квартиру свою боишься, цепляешься!» (соседка сводит суть серьезной проблемы к решению квартирного вопроса и пытается таким образом выставить героя расчетливым и трусливым).

II. Следующий тип приемов «стиля» ссоры - приемы, эмоциональное воздействие которых обусловлено особенностями речевого поведения персонажа.

Наиболее сильным из них ученый считает прием отказа от дальнейшего общения:

а) герой может выгнать гостя со словами: «Вали отсюда! Быстро, быстро!»;

б) или заставить собеседника замолчать: «Заткнись! Заткнись! Заткнись! А то убью». Видно, что и здесь категоричность выражена глаголом в повелительном наклонении в форме единственного числа.

Очень характерным для «стиля» ссоры автор считает прием властной команды типа: «Сядь! Сядь! Ты че, не понял? Сядь!»; приказа, категоричность которого передается с помощью инфинитива: «Всех поставить к стенке и расстрелять! Немедленно!»

Властность может выражаться в подчеркивании говорящим важности своих слов с помощью глаголов «спрашивать» и «говорить» («сказать»): «Где живешь, я тебя спрашиваю?» или: «Хватит из песку веревки вить! Харэ - я сказал!»

«Разящим» приемом эмоционального воздействия исследователь называет прием угрозы:

а) это опять же может быть фамильярное «тыканье» в сочетании с императивом: «Готовься к смерти, готовься к смерти, козел!»;

б) а чтобы нагнать на собеседника большого страха, глагол может стоять в форме множественного числа: «Ну ладно, ладно. Запомним. Я все запоминаю, я злопамятный. Запомним».

Особого разговора заслуживают при анализе творчества Н.Коляды случаи употребления глаголов «понимать» и «ненавидеть».

III. Одним из средств унижения собеседника в коммунальной перепалке является настойчивая, даже неуместная апелляция к его мыслительным способностям. Говорящий как бы сомневается в уме и сообразительности партнера по диалогу. Таким образом герой либо эксплицирует свое раздражение: «Мне надо спать, понял?», либо иронизирует над собеседником, как бы снисходя до его уровня: «Но ведь это же постель, Катя. Я в ней сплю. Раздетый. Это негигиенично, понимаешь?»

IV. Что касается глагола «ненавидеть», то чувство ненависти всецело владеет героями Н.Коляды. Они испытывают его по отношению к тем, кто причинил им зло: «Намешал какой-то отравы в бурду свою, тварь безногая! Ненавижу гада, ненавижу гада!»; женщины могут испытывать это чувство к мужчинам за их плотоядные взгляды: «Ненавижу таких людей. Смотрит - как раздевает» - и, что особенно неприятно, даже матери могут ненавидеть своих детей: «Я ненавижу его, своего сына!»

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Анализ драматургии Н.Коляды, произведенный с опорой на пусть не слишком совершенную, но зато довольно полную и достаточно любопытную классификацию М.Ю.Федосюка, показал, что в текстах пьес широко представлены самые разнообразные приемы «стиля» ссоры. Собеседники задевают и оскорбляют друг друга, используя просторечную и бранную лексику (в том числе и глагольную). Не желая обращаться к адресату лично, говорящий старается унижить его либо приказными инфинитивами типа «Стоять!», либо императивными формами и нарочитым «тыканьем». При этом персонажи постоянно пытаются подчеркнуть глупость и тупость партнера. И можно с уверенностью говорить о том, что «стиль» ссоры - это стиль жизни героев Н.Коляды, потому что их стычки не есть следствие сиюминутных вспышек гнева, они обусловлены необъяснимой, на первый взгляд, ненавистью к окружающим, таким

же несчастным и убогим, как и они сами, к жизни, которая поселяет в душах этих людей ощущение безысходности.

Заканчивая статью, М.Ю.Федосюк говорит о необходимости знать эти «приемчики» ввиду их принадлежности к выразительным средствам русской речи. Кроме того, знакомство с ними, по его мнению, принесет «практическую пользу в самых неожиданных житейских обстоятельствах». Мы же находим подобное исследование небезынтересным еще и потому, что предмет его - не только язык современной драматургии, но и, в силу различных экстралингвистических факторов, язык большей части россиян.

Примечание

1. См.: Федосюк М.Ю. Стиль «ссоры» // Родная речь. 1993. № 5.

М.Л.Кусова

Уральский педагогический университет

Денотативное пространство частноотрицательных глаголов

В лексической системе языка категория отрицания традиционно соотносится с лексическими единицами, в словарных дефинициях которых отрицание занимает центральное положение, как, например, в глаголе **сохранить** - «не нарушить». Именно подобные единицы, и прежде всего глагол **молчать**, привлекают внимание исследователей (Ю.Д. Апресян, Л.А.Новиков), тогда как отрицательные единицы, в дефинициях которых отрицание занимает периферийное положение, как, например, в глаголе **досадить** - «доставить неприятности», практически не исследовались. С учетом статуса отрицания в семантике последних назовем подобные глаголы частноотрицательными и попытаемся определить их денотативную соотнесенность.

Как показывает семасиологический анализ, частноотрицательные глаголы представлены во всех глагольных полях: в поле «действие»: **пройтись** - «пойти ненадолго»; в поле «бытие, состояние, качество»: **прозябать** - «вести безрадостную жизнь, бесцельное существование»; в поле «отношение»: **дарить** - «отдавать безвозмездно». При этом во всех глагольных полях частноотрицательные глаголы связаны, в первую очередь, с человеком.

Частноотрицательные глаголы поля «действие и деятельность» представлены в глаголах интеллектуальной деятельности, ментальных и рече-мыслительных действий: **скушать** - «выслушать неприятное»;

исковеркать - *перен.* «представить в неправильном виде в результате непонимания».

Речевая деятельность может определяться отрицательно в логическом аспекте: **заговариваться** - «говорить бессвязно»; в фонетическом: **заплетаться** - неясно, нечленораздельно выговаривать»; в эмоционально-оценочном: **забранить** - «высказать неодобрение». С отрицанием могут быть связаны и такие признаки речевой деятельности, как характер ее протекания: **трещать** - «говорить, не умолкая»; ее результат: **отсоветовать** - «не делать что-л.».

Обращенность к денотативному классу «человек» проявляется не только в том, что речевая деятельность - это особый вид деятельности, присущий человеку, но и в том, какими лексическими единицами манифестируется отрицание в данной семантической группе. В глаголах речевой деятельности отрицание манифестируется лексемами *неясно, нечленораздельно, неотчетливо, необдуманно, неосторожно, неодобрение, неудовольствие, несогласие*.

В глаголах интеллектуальной деятельности и в ментальных глаголах частное отрицание связано с признаками объекта, на который направлено действие, с негативной характеристикой воспринимаемого: **проглотить** - *перен.* «выслушать без всякого протеста что-л. неприятное».

Среди отрицаемых представлены семантические компоненты *непригодность, недействительность, ненужность, незаметность, неприятное*. Значимо, что в отличие от общего отрицания, связанного с указанием на отсутствие процесса восприятия, частное отрицание связано с природой воспринимаемого. Среди отрицаемых дублируются семантические компоненты *непригодность, недействительность, ненужность, незаметность, неприятное*.

Иллюстрацией денотативной соотнесенности частноотрицательных глаголов с миром человека является семантическая группа глаголов социальной деятельности. В частноотрицательных глаголах социальной деятельности, как и в глаголах речевой деятельности, отрицание связано либо со способом протекания действия: **долечить** - «неудачным лечением довести себя до нежелательных последствий»; либо с его результатом: **дописаться** - «писанием довести себя до неприятных последствий»; в том числе позитивным: **исправить** - «устранить неприятности, устранить неточность». Частноотрицательные члены этой парадигмы достаточно разнообразны, но в их определении выделяется частотный компонент «неприятные последствия».

В глаголах профессиональной деятельности присутствуют признаки *неискусность, неумение, неторопливо, без усилий, недобросове-*

стно, *бесцеремонно, недостаточно*. Последний манифестируется префиксом *недо-*: **недосоли́ть** - «посоли́ть недостаточно»; **недоже́чь** - «обже́чь не в полной мере». Для профессиональной деятельности значимо также отсутствие подготовки, плохое воспроизведение. Отметим, что в частноотрицательных глаголах, соотнесенных с денотативным классом «человек», отрицательные семантические признаки пересекаются, порой дублируют друг друга.

Так, для глаголов поведения актуальны такие обстоятельственные признаки: *беспокойно, недружелюбно, несерьезно, неискренне, нечестно, несдержанно, неестественно*, характеризующие поведение человека с разных сторон - эмоциональной, этической, с точки зрения межличностных отношений: **егозить** - «вести себя беспокойно»; **балаганить** - «держаться несерьезно». В определении поведения значимо его соответствие некоторой норме, наличие противопоставленности обычаям: **фокусничать** - «поступать не так, как принято». Отрицательное в поведении обозначается имплицитно отрицательными единицами, негативное не эксплицируется.

В поле «действие и деятельность», наряду с частноотрицательными глаголами, определяющими сферу деятельности человека, выделяются глаголы, соотносимые с более широким кругом денотатов, с живой и неживой природой, - это глаголы перемещения. В глаголах перемещения отрицание связано с типичным набором обстоятельственных признаков: пространственных, временных, причинных и др. Темпоральный аспект связан с недолгим протеканием действия: **заехать** - «приехать ненадолго»; **пройтись** - «пойти ненадолго»; пространственный - либо с отсутствием указания на пункты перемещения, либо с указанием на небольшое расстояние: **забежаться** - «убежать неизвестно куда»; **проехаться** - «съездить на небольшое расстояние».

Параметрические характеристики включают информацию о протекании действия, причем достаточно последовательно эта информация связана с невозможностью восприятия перемещения: **закрасться** - «незаметно проникнуть куда-л.»; **реять** - «незаметно двигаться»; **просочиться** - «незаметно и постепенно пробраться».

Таким образом, в частноотрицательных глаголах движения мы наблюдаем особую, ранее не отмеченную исследователями функцию отрицания, когда отрицание не связано с характером протекания действия, с его субъектно-объектными и обстоятельственными характеристиками. Оно находится «вне действия», процессуальный признак, соотнесенный с отрицанием, определяется только содержанием процесса восприятия. Следовательно, налицо определенное несоответствие между денотативной соотнесенностью и факторами, определяющими со-

держание отрицания в семантике данных глаголов. Как уже отмечалось, денотативная соотнесенность глаголов перемещения широка, тогда как содержание отрицания в них определяется действием человеческого фактора, что особенно ярко проявляется в глаголах ненаправленного перемещения, где значимо указание на движение не по прямой: **заехать** - «подъехать не прямо, а со стороны»; **петлять** - «двигаться не по прямой линии».

В поле «отношение» частноотрицательные глаголы принадлежат к различным семантическим группам. Это глаголы приобретения, где отрицание связано с характеристикой обстоятельств или объекта действия: **хватать** - *перен.* «получать нежелательное, неприятное»; глаголы передачи объекта и сохранения: **сберечься** - «остаться неизрасходованным»; **дарить** - «отдавать безвозмездно».

В частноотрицательных глаголах ЛСГ «лишение» отрицание связано с каузацией: **транжирить** - «неразумно, без толку тратить»; **промотать** - «нерасчетливо израсходовать»; с неразумными, бесполезными тратами.

Отметим, что антонимическая противопоставленность ЛСГ «сохранение», «лишение» не соотносится с отрицательными элементами семантики глаголов, входящих в состав групп.

Противопоставление данных глаголов соотносится с более обобщенным представлением о действительности, с противопоставлением существования - несуществования, наличия - отсутствия. При этом можно отметить обусловленность семантических отношений нашим восприятием действительности, что закономерно, так как семантические отношения, определяются нормами, убеждениями, зависящими от определенной культуры (Т.А.ван Дейк).

Поэтому также закономерно, что для глаголов эмоционально-оценочного отношения, как и для глаголов внешнего проявления отношения значимы *недоброжелательность, недовольство, неприятности, неодобрение*. Отрицание соотносится с негативно воспринимаемым в межличностных отношениях: **злопыхательствовать** - «проявлять недоброжелательство»; **дуться** - «выражать своим видом недовольство». В глаголах победы отрицание указывает на противоположный результат - поражение: **довоеваться** - «воюя, потерпеть неудачу». Определяя данные глаголы с учетом объекта, отмечаем их связь и с областью психофактов, социофактов.

При описании частноотрицательных глаголов поля «отношение»нами была выявлена и такая закономерность: чем более социализирована семантика глагола, обращена к репрезентации социальных

связей и отношений, тем более последовательно отрицание соотносится с негативной оценкой.

Частноотрицательные глаголы могут быть связаны и с областью натурфактов. Это глаголы поля «бытие, состояние, качество», обозначающие становление качества: **измельчать** - «стать неглубоким», в которых отрицание соотносится с приобретаемым признаком, определяемым визуально: **изгладиться** - «стать незаметным»; рационально: **искажиться** - «стать, оказаться неправильным». В глаголах становления признака среди отрицательно определяемых компонентов выделяются также «негодность» и «неровность». Если первый признак соотносим с нормой и регулярное присутствие его объяснимо, то второй признак очень частный, однако отсутствию этого признака уделяется много внимания: **огрубеть** - «стать негладким»; **разгладиться** - «освободиться от складок, неровностей».

С нарушением нормы, порядка соотносится отрицание в глаголах, обозначающих функциональное состояние: **лишиться** - «приходить в беспорядок». Актуально также указание на негодность: **обтрепаться** - «ноской прийти в негодность»; **обтереться** - «прийти в негодное состояние». Обратим внимание, что в данных глаголах отрицание связано не с утратой, а с приобретением признака, определяемого отрицательно. Среди отрицательно определяемых признаков нужно выделить «негодность» и «неровность». Если первый признак соотносим с нормой и регулярное присутствие его объяснимо, то второй признак очень частный, однако отсутствию этого признака уделяется внимание достаточно последовательно: **огрубеть** - «стать негладким; **разгладиться** - «освободиться от складок, неровностей».

Глаголы эмоционального состояния соотносятся с денотативным классом «человек»: **нахлебаться** - *перен.* «натерпеться чего-л. неприятного»; и хотя очевидна возможность денотативной соотнесенности подобных глаголов с более широким классом «живая природа», очевидно также, что эта соотнесенность вторична, обусловлена соотнесенностью с человеком. Отмеченная особенность денотативной соотнесенности глаголов состояния проявляется и в глаголах физиологического состояния, где состояние живых существ также определяется через соотнесенность с состоянием человека: **подкоситься** - «непроизвольно согнуться от слабости». В словарных дефинициях глаголов физиологического действия выделяются указания на непроизвольность состояния, его непродолжительность, несоответствие норме. Как показывает анализ, для частноотрицательных глаголов «бытия, состояния, качества» значим социальный аспект, соответствие признаков некоторой норме, и

отрицание связано с отступлением от нормы. При этом отрицание последовательно соотносится с негативно оцениваемым признаком.

Таким образом, денотативная связь частноотрицательных глаголов может определяться по-разному. При учете их субъектной соотнесенности отмечается связь данных глаголов с человеком и артефактами, а при учете объектной соотнесенности - связь с социофактами, психофактами.

Описание денотативной соотнесенности частноотрицательных глаголов позволяет также сделать вывод об антропологичности отрицания. Основанием для подобного вывода служат следующие наблюдения: круг отрицательных признаков разнообразнее там, где процессуальные признаки связаны с миром человека; частноотрицательные глаголы непосредственно или опосредованно связаны с человеком, так как только человеческим фактором объясняется выделение некоторых признаков.

Э.А. Лазарева
Уральский университет

Глагол в рекламе и глагольность рекламы

Реклама – произведение с яркой прагматической направленностью. Оно ориентированно на достижение экономических целей продажи товаров/услуг, а для этого необходимо привлечение потенциальных, а затем и реальных покупателей, формирование у них потребности в приобретении рекламируемого товара в широком смысле. Прагматическая экономическая направленность этого средства массовой коммуникации определяет его текстовые особенности. Это креолизированный текст, составленный из элементов разных знаковых систем: художественно-графической, аудиовизуальной, языковой. Мы обратимся к вербальной стороне рекламного произведения.

В многочисленных современных исследованиях рекламистов-социологов, психологов, маркетологов содержатся определения, вскрывающие сущность этого общественного феномена, его направленность на активизацию потребительской деятельности человека. Приведем пример: «Реклама – механизм для продажи товара. Замена живого продавца, длинная рука продавца, громко кричащего о своих товарах» [1. С.3]. Реклама – яркий текст, прямо обращенный к покупателю, наступающий на него, всеми способами расхваливающий свой товар. Реклама – это крик о товаре, что проявляется в этимологии слова: название «реклама» – от латинского слова «*reclamare*» – выкрикивать.

Динамичность, крикливость такого прагматически ориентированного текста определяет его конституирующие признаки, назовем их *«рекламные максимы»*. Под максимой (от лат. *maxima (sententia)* – основное правило) мы понимаем определяющий принцип той или иной сферы деятельности человека, формирующий смысловые и речевые особенности используемых в ней текстов. Реклама сформировала несколько максим, в данной работе мы остановимся лишь на одной - *максиме повеления*.

Реклама склонна управлять потенциальным потребителем товара (услуги), она формирует его запросы и определяет его поведение, она приказывает ему, велит сделать так, а не иначе. Очевидно, что для выполнения этой задачи наиболее подходящее языковое средство – глагол. Повелительность текста – это его глагольность. Категориально-грамматический признак глагольного слова «действие», экстраполируясь на текстовые смыслы, определяет динамичность, действенность, яркую прагматическую направленность произведения. Реклама словно настойчиво говорит своему потребителю: «Сделай так!», «Сделай именно так, как я велю!».

Максима повеления лексически выражена в глагольных словах (мы извлекли их методом случайной выборки из многочисленных руководств, адресованных рекламистам-практикам и содержащих сведения об особенностях произведений рекламы). Покажем лексическую глагольную основу максимы повеления. Широко распространен термин *промоушен, сейл промоушен* (от англ. *promote, promotion* – продвигать, стимулировать), означающий продвижение товара, *стимулирование* его покупки. При описании свойств рекламы Ф. Котлер использует глаголы и отглагольные существительные: *стимулировать* сбыт, *стимулирование* сбыта, рекламное *обращение*, рекламные *посулы* [2]. «Говорите читателю, что он должен *сделать*» – правила рекламы [3]. Реклама дает читателю *обещание* и *побуждение* приобрести товары» [4. С.74]. «Читателя надо *заставить* вчитаться в сам текст... рекламного *обращения*», «Степень *воздействия* обращения» [5. С. 78]. Рекламист стремится, чтобы читатель его *послушался*, реклама выбирает наиболее действенный метод *воздействия* [6. С.15]. Реклама создает «обстановку *побуждения* к искусственному потреблению» [1. С. 24].

Итак, реклама *побуждает, заставляет, стимулирует, обещает, сулит, воздействует*, рекламу надо *слушаться*, потребитель рекламы должен *действовать*.

Мы проанализировали с помощью метода ступенчатой идентификации значения ключевых глаголов, выражающих максиму повеления (использовались данные Малого академического толкового словаря

русского языка). Идентификатор ключевой группы максимы повеления – глагол *действовать*, наиболее обобщенно выражающий идею глагольности. Именно в нем проявляется способность текста рекламы «кричать», «говорить громко». Ядерная группа глаголов максимы повеления отражает значение идентификатора в качестве категориально-лексической семы, осложненное модальными дифференцирующими семами субъекта и объекта действия/воздействия: оказать действие, влияние на (кого-л.) – *воздействовать, побудить, заставить, сулить, слушаться*.

Значения языковых средств, формирующих рекламную максиму повеления, отражают императивную ситуацию [7]. Императивная ситуация «трактруется как типовая содержательная структура, основными элементами которой являются: 1) субъект волеизъявления... 2) субъект-исполнитель, 3) предикат, раскрывающий содержание волеизъявления» [7. С. 80]. Субъект волеизъявления (C1) в рекламном тексте – это обобщенное лицо, заинтересованное в воздействии рекламы на потребителя: реальный автор текста, авторский голос в тексте, проявляющийся в его речевой ткани, организация-рекламодатель, изготовитель товара – предмета рекламы. Субъект-исполнитель (C2) – это широкая аудитория лиц, реципиентов рекламного текста. Среди них могут быть потенциальные, реальные покупатели и люди, оказавшиеся не вовлеченными в сферу потребления по разным причинам. Говоря другими словами, субъект-исполнитель C2 рекламного текста соотнесен, с одной стороны, с реальным исполнителем действия1 – восприятия рекламы, а с другой – с реальным исполнителем действия2 – покупки товара. Реклама приказывает, повелевает: «Прочитай меня!» и «Купи товар!». Кроме того, субъект-исполнитель C2 может так никогда и не стать реальным исполнителем действия) и действия2 – причины этого многообразны, они широко освещены в специальных работах по теории рекламы.

По словам А. В. Бондарко, «в ИС (*императивной ситуации* – Э. Л.) заключается не только отражение определенного отношения к действительности, но и деятельность говорящего, направленная на изменение действительности, на появление «новой действительности» [7. С. 80]. «Новая действительность и в случае воздействия рекламного текста расположена в двух сферах. Это может быть существование адресата рекламы с приобретенным им рекламировавшимся товаром. Если же адресат не стал потребителем товара, его сознание так или иначе зафиксировало рекламное произведение: «новая действительность» – не в сфере материальных ценностей, а в социально-психологической области. Предполагаемая польза от владения рекламируемым предметом отражается в особом элементе императивной ситуации – признаке бене-

фактивности [7]. «Польза и ее направленность прогнозируются говорящим и влияют на характер императивного волеизъявления и на выбор соответствующих языковых средств» [7. С. 82]. Бенефактивность в рекламном тексте реализуется через систему аргументов в пользу приобретения предмета рекламы.

В рекламных текстах выражены два типа императивности, выделяемые в связи с характером языкового выражения содержания: 1) прямая императивность, 2) косвенная императивность.

1. Прямая императивность рекламного текста выражена глаголами повелительного наклонения 2-го лица ед. и мн. числа: «Наш Дом. Покупайте новые квартиры в рассрочку!», «Выберите качество Klondike-Inter», «Творите музыку вместе с Symphony!», «Не вставая с кресла, заказывайте потолки, жалюзи, шторы. Б. Блиц», «Любите друг друга. Белая Башня», «Оникс. Сделайте себе подарок», «Beso. Живите с комфортом», «Свои деньги считайте сами! ... акции Р.К.Д.», «Эффералган- 500. Живите без боли», «Электроинструмент sparky. Возьми в руки!», «Клогт конкурс. Выиграйте дачу!», «Parex Bank. Выберите спокойную жизнь!», «Убедитесь – у нас минимальные цены», «Не дай себе засохнуть». Семантика повеления выражается другими грамматическими способами: «Пусть Ваш компьютер читает сам!», «Изменим жизнь к лучшему. Philips».

Императивность текста распространяется не только на обращение адресата с предметом рекламы, потенциальный потребитель получает прямые инструкции, касающиеся его взаимоотношений с фирмой-продавцом: «Турфирма Форсаж+ ... Приходите. Звоните», «Звоните – всегда поможем!», «Избавьтесь от этих проблем! Возьмите Dell Pentium сегодня».

Нетрудно заметить формирование стереотипных рекламных формул: «Компьютеры Vist. Вист. Почувствуйте себя человеком» – «Лучшая отечественная музыка. Радио Джем. Почувствуйте вкус»; «Сделайте себе подарок к Новому году... Мягкая мебель «Вика» – ««Italia» сделайте свою жизнь красивой!» – «Делай то, что тебе нравится, вместе с шоколадом «Виспа»».

2. Косвенная императивность предполагает периферийные способы выражения значения повеления, например: «По жизни с бытовой техникой Самсунг», «Не пора ли подумать об их [детей] будущем? Новые квартиры, готовые к заселению», «На нас можно положиться! Bosch Euroline...», «Так как, придете? Мы ждем Вас... Complete. Мебельный салон», «Подписка на серии книг! Ваша выгода очевидна!».

Косвенное выражение императивного значения предполагает наличие подтекста, передающего приказ адресату: «Осенняя ярмарка-

распродажа... Мы ждем Вас прямо сейчас!», «Мы нужны в каждом доме». Особенно много косвенных императивных текстов, использующих слово «ждем»: «Мы ждем Вас в любое время. Safer bar», «Стамбул ждет тебя. Абак-Тревел», «Мы ждем тебя! Аптека на ул. Бебеля», «Мы открываем ровно в 9. Ореолкомбанк», «Турагентство ex tour... Мы работаем каждый день».

Косвенное выражение императивного значения гораздо более выразительно, чем прямое повеление адресату выполнить действия по приобретению предмета рекламы. Приведем еще примеры, где смысл повеления скрыт, затушеван: «Арси Кола – кто не знает, тот отдыхает», «Хард Копи маркет. Ваша фотография – на Вашей футболке».

Как мы показали, максима повеления – конституирующий признак рекламного произведения – может оцениваться как положительно, так и отрицательно с точки зрения членов общества, вовлеченных в сферу действия рекламы. Придавая текстам динамичность, яркость, императивный смысл рекламы в то же время угнетает воспринимающего, вызывает у него чувство усталости, негативное отношение к рекламе. Но такова противоречивая сущность современной, да и не только современной, рекламы. «Призывая население купить тот или иной товар, реклама невольно подвергает себя критике... В то же время покупатели больше доверяют товарам, рекламу которых уже встречали в СМИ» [5. С. 168].

Примечания

1. Айзенберг М. Менеджмент рекламы. М., 1993.
2. См.: Котлер Ф. Основы маркетинга. М., 1992.
3. См.: Валовая М.Д. Азы древнейшего ремесла. М., 1994.
4. Огилви Д. Откровения рекламного агента. М., 1964.
5. Музыкант В. Реклама: международный опыт и российские традиции. М., 1996.
6. Самоучитель по рекламе. М., 1997.
7. См.: Бондарко А.В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации. // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

Глаголы любви: опыт лексикографического описания

Данное сообщение посвящено проблеме лексикографического описания глаголов любви с образной семантикой. Выбор именно этого материала для попытки лексикографического описания не случаен.

Человек всегда стремится наиболее адекватно выражать свои эмоции, многие из которых иногда вообще не подлежат речевому выражению. Трудность состоит и в поиске слов, словосочетаний, выражающих ту или иную конкретную эмоцию, одинаково понимаемую всеми людьми. Мы редко употребляем словообразовательные неологизмы, а больше тяготеем к использованию уже имеющихся в языке единиц, семантически видоизменяя их, по-новому обозначая то, что уже имеет языковое наименование.

Даже в толковом словаре переносные значения эмоциональной лексики представлены не в полном объеме (не всегда указывается тот семантический признак, по которому происходит перенос). Например, глагол *покорить* толкуется как «подчинить своему обаянию, очарованию» (МАС). В данном определении не указан признак - средство или способ воздействия, который помогает увидеть пути создания метафорического смысла, то, как происходит наслоение добавочного смысла на прямое значение слова.

Покорить, кого-что. *Перен.* Вызвать состояние любви, подчинить кого-, что-л. своему обаянию, очарованию так, как если бы один человек добивался зависимости от себя другого человека силой оружия; *син.* завоевать, пленить.

Только в таком толковании мы можем четко проследить указание на семантическое основание развития образного значения. Также здесь виден процесс трансформации прямого значения, коррекция субъекта при устранении родовой семы и актуализации потенциальной.

Мы попытались дать лексикографическое описание глаголов любви, входящих в функциональный семантический класс (ФСК) эмоционального воздействия. Толкование слов в словарных статьях производилось с опорой на компонентный анализ, позволивший при описании использовать в качестве идентификатора глагольно-именное сочетание «вызывать состояние любви», передающее общую семантическую идею этого класса слов и семантические признаки, отличающие один глагол от другого. Кроме того, мы попытались, учитывая внутреннюю

форму данных глаголов, включить в толкование семантические признаки, послужившие основанием образной семантизации.

Так, у глаголов «заполонить», «околдовать» при общей типовой семантике «вызвать состояние любви, подчиния себе, своему влиянию», различны уточняющие дифференциальные признаки, указывающие на инструмент подчинения: в первом случае это «лишение свободы», во втором - «при помощи колдовской, волшебной силы».

В опыте описания представлены глаголы любви, входящие в ФСК слов эмоционального воздействия (классификация Л.Г.Бабенко), имеющие только переносные значения.

Описание эмоционального воздействия одного человека на другого передается при помощи глаголов, несущих в себе сему воздействия, принуждения. И поэтому базовые идентификаторы глаголов данной группы будут следующие: расположить к себе, подчинить своему влиянию, заставить, увлечь. Типовая семантика: вызывать состояние любви у кого-, чего-л., подчиния, располагая к себе каким-л. способами и с определенной целью.

Образцы словарных статей

Заколдовывать (заколдовать), кого-что. Вызывать состояние любви, подчинить своему влиянию так, как если бы один человек пытался поставить в зависимость от себя другого человека, совершая для этого действия, сходные своей таинственностью с колдовством.

Закружить, кого-что. Вызывать состояние любви у кого-л., влюбить в себя, увлечь кого-л., привлекая какими-л. качествами, прикладывая для этого определенные усилия, подобно тому, как человек заставляет кого-, что-л. двигаться по кругу.

Заполонять (заполонить), кого-что. Вызывать состояние любви, подчиния своему влиянию, обаянию, все равно, что взять в плен, лишить определенной свободы действий.

Околдовывать (околдовать), кого-что. Вызывать состояние любви, подчинить кого-л. себе, своему влиянию при помощи каких-л. качеств, подобно тому, как, воздействуя на кого-л. с помощью колдовской, волшебной силы, добиваться определенной цели.

Пленять (пленить), кого-что. Вызывать состояние любви, покорять кого-л., привлекая к себе, всецело захватывая его так, как если бы один человек добивался зависимости от себя другого человека силой оружия, путем взятия в плен.

Покорить, кого-что. Вызвать состояние любви, подчинить кого, что-л. своему обаянию, очарованию так, как если бы один человек добивался зависимости от себя другого человека силой оружия; *син.* завоевать, пленить.

Подкупать (подкупить), кого-что. Вызывать состояние любви, расположить кого-л чем-л. в свою пользу, вызвать чью-л. симпатию так, как если бы человека привлекали, склоняли на свою сторону деньгами, подарками.

Подлипать (подлипнуть), к кому-чему. *Прост.* В корыстных целях навязчиво добиваться чьей-л. благосклонности, расположения, подобно тому, как присоединять что-л. чем-л. липким к другой поверхности снизу.

Прикармливать (прикормить), кого-что. Вызывать состояние любви, расположить к себе кого-л., подкупив чем-л., подобно тому, как приручают животное, давая ему корм и ставя его тем самым в определенную зависимость от себя.

Присушивать (присушить), кого-что. Вызывать состояние любви, заставить полюбить кого-л., привести человека в состояние влюбленности, постоянно воздействуя на него так, как воздействуют внешние факторы при необходимости что-л. сделать сухим.

Притягивать (притянуть), кого-что. Вызывать состояние любви, вызвать в ком-л. интерес, симпатию, производя при этом действия, усилия, которые потребовались бы для приближения чего-л. к чему-л.

Сражать (сразить), кого-что. Вызывать состояние любви, взволновать кого-л., произвести чрезвычайно сильное впечатление, подобно тому, как если бы этого человека неожиданно свалили ударом.

Увлекать (увлечь), кого-что. Вызывать состояние любви, заставить кого-л. влюбиться, влюбить в себя кого-л., прикладывая определенные усилия, как если бы что-то тащили, волокли, тянули.

Умасливать (умаслить), кого-что. Вызывать состояние любви, добиваться чьего-л. расположения, склонить к чему-л. лаской, лестью, подарками, совершая действия, способствующие свободному, легкому достижению намеченной цели, подобно тому, как смазывают маслом пироги, чтобы придать им мягкость.

Как показал наш опыт лексикографической интерпретации глаголов любви с образной семантикой, они в основном пополняются за счет глаголов ЛСГ «движение» (подлипать, притянуть, увлечь, закрутить), «конкретное физическое действие» (склонять), «воздействие» (прикормить, пленить, околдовать, заполнить).

Роль словообразовательных способов в формировании полисемии глаголов с префиксом *по-*

В свете обращения лингвистики последних десятилетий к процессам формирования семантики производных лексем проблема влияния аффикса на семантику мотивированной лексемы является достаточно актуальной.

С целью решения данного вопроса нами были исследованы пути формирования полисемии девербативных глаголов с префиксом *по-*: именно с помощью этого префикса образована значительная часть наиболее частотных производных глаголов.

Анализу были подвергнуты одиннадцать дериватов с данным префиксом, входящие в число ста наиболее частотных глаголов русского языка (всего более ста пятидесяти лексико-семантических вариантов).

Большинство исследователей, выделяют три основных способа формирования полисемии производного слова – отраженную полисемию (наследование дериватом значений производящей лексемы), словообразовательную полисемию (сочетание одного лексико-семантического варианта мотиватора с несколькими значениями одного префикса) и самостоятельное семантическое развитие (значения деривата возникают в результате метафорических и метонимических переносов)*, Наши наблюдения показали, что полисемия девербативных глаголов с *по-*, никогда не формируется в результате только самостоятельного семантического развития деривата. Словообразовательные способы формирования полисемии обязательно участвуют в создании многозначности производной единицы.

Собственно словообразовательный способ формирования полисемии значим для шести из одиннадцати проанализированных нами глаголов с префиксом *по-* (*поговорить, подумать, поехать, пойти, посмотреть, построить*). Всего данным способом сформировано около 40% значений всех дериватов с этим префиксом, что говорит о его достаточно большой значимости для производных глаголов с *по-*.

Словообразовательный способ формирования полисемии производного глагола (сюда относится и отраженная полисемия) значим для

* Первые два способа можно отнести к словообразовательным, поскольку они связаны с многозначностью производящего или деривационного аффикса.

всех дериватов с префиксом *по-* и формирует 93% всех лексико-семантических вариантов этих глаголов, что говорит о его доминирующей роли в процессе формирования полисемии производных глаголов с префиксом *по-*.

И.К. Миронова
Уральский университет

Денотативное пространство глаголов приготовления пищи

В лингвистике последних лет особую значимость приобретает представление о лексике как совокупности разнородных пространств. Исследование лексической семантики глаголов позволило ученым говорить о существовании трех пространств: лексического, семантического и денотативного. Денотативное пространство является основой лексического и семантического пространств, но именно денотативное пространство по сравнению с лексическим и семантическим является на сегодняшний день наименее изученным. Последний тип пространства выделяется лишь некоторыми учеными, в частности в работах Л.Г.Бабенко, Ф.С.Бацевича, Т.А.Космеды, Ю.В.Казарина, А.М.Плотниковой и некоторых других. По мнению исследователей, денотативное пространство глагола представляет собой совокупность глаголов, каждый из которых отражает макроситуацию.

Целью данной работы является изучение денотативного пространства глаголов приготовления пищи, т.е. выделение общих ситуаций, отражаемых семантикой подобных глаголов.

Денотативное пространство глагола можно выявить прежде всего через анализ его ЛСВ. Обычно ситуацию вычлениают из текста, состоящего из нескольких предложений, но и лексическое значение глагола можно считать минимальным представителем ситуации. Любая ситуация структурирована; важнейшими ее элементами являются субъект и / или объект и их качественные признаки (отношения, которые их связывают). Последние формируют тип предиката.

Объектом нашего исследования стали 437 ЛСВ, которые представляют различные ситуации, обозначенные глаголами с корнями *-вар-*, *-жар-*, *-пек-/печ-*, *-стряп-* и *-туш-*, входящими в ЛСГ глаголов приготовления пищи.

Исходным пунктом нашего исследования была мысль о том, что в семантике глагола заложена ориентация на субъекты и объекты определенной денотативной отнесенности. Поэтому изучение денотативного пространства глаголов приготовления пищи проводилось нами в рамках

функционально-ономасиологического подхода, представленного в работах Ф.С.Бацевича. Функционально-ономасиологический подход к изучению глагольной лексики предполагает исследование денотативно-отражательного потенциала глагольных предикатов через анализ денотативных статусов сочетающихся с ними имен субъектов и объектов.

Нами были установлены функционально-ономасиологические типы глагольных предикатов (ФОТП) с корнями *-вар-*, *-жар-*, *-пек-/печ-*, *-стряп-*, *-туш-* и выявлены закономерности их взаимодействия с денотативными классами субъектов и объектов. В частности, результаты исследования отражены в табл. 1, 2, 3.

Анализ семантики непроизводного глагола *варить* показал, что этот глагол относится к ФОТП трудовой деятельности. Субъектом, осуществляющим действие, является человек (см. табл. 1). Глагол *варить* имеет два значения: «приготавливать пищу, питье кипячением» и «тех. производить сварку металлических предметов и их частей». Оба эти значения связаны тем, что обозначают трудовую деятельность, а также тем, что их объект - такое явление неживой материи, как артефакты (см. табл. 2), но разные их типы: продукты питания (*варить суп*) и металлические предметы и их части (*варить шов*), причем глагол *варить* в первом значении может иметь в качестве объекта и натурфакты - овощи (*варить картошку*) и явления живой материи - животных (*варить курицу*).

У глаголов-derivатов с корнем *-вар-* по сравнению с непроизводным глаголом значительно расширяется круг актантов. Если глагол *варить* имел только агентивные предикаты, т.е. предикаты, производитель действия которых живое существо, то производные глаголы имеют и неагентивные предикаты. Например, *крышка приварилась к стенке ящика*. В качестве субъекта действия стали выступать различные явления живой и неживой материи: животные (*курица варится*), растения (*чай заваривается*), артефакты - продукты питания (*каша вариться*) или металлические предметы и их части (*отломанная часть детали хорошо приварилась*); натурфакты - овощи (*картошка варится*), органы тела (*желудок переваривает пищу*) и социофакты - что-либо сложное, требующее хлопот, деятельности (*заварилось дело*).

Таблица 1

**Референтно-таксономические классы субъектов глаголов
приготовления пищи**

Референтно- таксономический класс субъектов	В а р и т ь	Д е р и т ь	Ж а р и т ь	Д е р и т ь	П е р ч ь	Д е р и в а т ь	С т е р и я п а т ь	Д е р и в а т ь	Т у ш и т ь	Д е р и в а т ь
1. Живая материя	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
1.1. Люди										
1.2. Животные		+								
1.3. Растения		+								
2. Неживая материя		+		+		+		+		+
2.1. Артефакты										
2.1.1. Продукты питания										
2.1.2. Металлические предметы		+								
2.1.3. Предметы быта, обихода				+						
2.2. Натурфакты	+	+	+	+	+	+			+	+
2.2.1. Овощи										
2.2.2. Солнце			+	+	+	+				
2.2.3. Органы тела		+								
2.2.4. Части тела							+			
2.2.5. Огонь							+			
2.2.6. Физиологические жидкости							+			
2.2.7. Полезные ископаемые							+			
2.3. Социофакты		+								
2.3.1. Что-либо, требующее хлопот										

Среди объектов появились новые артефакты: предметы быта, обихода (*обварить веник*), сварной шов (*проварить сварной шов*), продукты интеллектуальной деятельности человека (*переварить прочитанное*); новые натурфакты: соль (*выварить соль из морской воды*), части тела (*обварить ногу кипятком*). В качестве объектов стали выступать социофакты: что-либо, требующее хлопот, деятельности и т.д. (*Мешкать было нечего. Заварили свадьбу.*), и живая материя, растения, травы, листья (*заварить чай*).

Таблица 2

**Референтно-таксономические классы объектов
глаголов приготовления пищи**

Референтно- таксономический класс объектов	В а р и т ь	Д е р и т ь	Ж а р и т ь	Д е р и т ь	П е ч ь	Д е р и т ь	С т е р и ж е т ь	Д е р и т ь	Т у ш и т ь	Д е р и т ь
1. Живая материя			+	+	+	+				
1.1. Люди										
1.2. Животные	+	+	+	+	+	+				
1.3. Растения		+								
2. Неживая материя	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2.1. Артефакты										
2.1.1. Продукты питания										
2.1.2. Металлические предметы	+	+								
2.1.3. Сварной шов		+								
2.1.4. Предметы быта, обихода		+	+	+						
2.1.5. Продукты интеллектуальной деятельности		+								
2.1.6. Сооружения, строения			+	+						
2.1.7. Одежда							+			
2.2. Натурфакты	+	+	+	+	+	+		+	+	+
2.2.1. Овощи										
2.2.2. Земля			+	+	+	+				
2.2.3. Полезные ископаемые						+				
2.2.4. Части тела		+								
2.2.5. Соль		+								
2.3. Социфакты		+								
2.3.1. Что-либо, требующее хлопот										
2.3.2. Свадьба		+					+			
2.4. Психофакты		+								
2.5. Обобщенный			+	+	+	+		+		

Непроизводный глагол жарить имеет пять значений. В первом значении «приготавливать в пищу, подвергая действию жара без воды» глагол *жарить* относится к ФОТГП трудовой деятельности (см. табл. 3). Субъектом действия является человек, а объектом - артефакты (продукты питания: *жарить котлеты*) или натурфакты (овощи: *жарить картошку*).

Во втором значении «разг. обжигать лучами, палить (о солнце)» глагол принадлежит к ФОТГП проявления, в частности проявления бытия, существования. Субъектом выступает натурфакт солнце (*нестер-*

пимо жарило *солнце*), объектом же может быть и живая, и неживая материя (люди, животные, земля и т.д.). Таким образом, глагол *жарить* во втором значении отражательно связан с достаточно обобщенным и неопределенным кругом объектов.

В значениях «прост. жарко топить, накалять» и «подвергать действию высокой температуры, прокаливать для очистки» глагол *жарить* относится к ФОТГП трудовой деятельности. Субъектом, осуществляющим действие, является человек, а объектом - артефакты (сооружения, строения: *жарить баню*) - или предметы быта, обихода: *жарить горшки*).

В значении «прост. употребляется вместо того или иного глагола для обозначения действия, выполняемого с особой силой, страстностью, азартностью и т.п.» глагол *жарить* принадлежит к ФОТГП физической деятельности. Субъектом выступает человек, а объект предстает как достаточно обобщенный и неопределенный (*жарить в шашки*).

Анализ денотативного пространства глаголов-derivатов с корнем -жар- обнаружил, что по сравнению с непроизводным глаголом в сфере неагентивных предикатов появились новые субъекты действия быта, обихода (*горшки выжарились в печи*); натурфакты - овощи (*картошка обжарилась*), а у агентивных предикатов к числу объектов добавились люди и животные (*поджаривать ведьму, ожаривать лошадь*).

Непроизводный глагол печь имеет три значения. В первом значении «приготавливать пищу сухим нагреванием на жару» глагол *печь* относится к ФОТГП трудовой деятельности (см. табл. 3). При этом субъектом, осуществляющим действие, является человек, а объектом выступают явления живой материи, животные (*печь рыбу*) и неживой материи: артефакты - продукты питания (*печь пирог*) и натурфакты - овощи (*печь картошку*).

Во втором значении «обдавать зноем, жаром; палить, жечь» этот глагол принадлежит к ФОТГП проявления бытия, существования. Субъектом является натурфакт солнце (*солнце печет землю*), объектом же может быть и живая, и неживая материя (люди, животные, земля и т.д.).

В третьем значении «разг. о чувстве жжения, сильного жара» глагол *печь* относится к ФОТГП проявления определенного состояния: *В середине у меня болит, так и печет, и печет* (Куприн, «Олеся»).

Анализ денотативного пространства глаголов-derivатов с корнем -пек-/печ- обнаружил, что по сравнению с непроизводным глаголом среди субъектов появился широкий круг натурфактов (см. табл. 1): овощи (*картошка испеклась*), части тела (*зубы запеклись*), физиологические жидкости (*кровь запеклась*), огонь (*подземные пожары спекают глины*), полезные ископаемые (*глины спекались*), а также артефакты -

продукты питания (*пирог улепся*). Появились и новые объекты действия (см. табл. 2): живая материя, люди (*упечь бунтовщика в тюрьму, допечь своими разговорами*) и натурфакты - полезные ископаемые (*пожары спекают глины*).

Глагол *стряпать* имеет два значения: «готовить, готовить кушанье» и «перен. пренебр. сочинять, писать, рисовать что-л.». Оба эти значения относятся к ФОТГП деятельности: трудовой и социальной (см. табл. 3). Субъектом, осуществляющим действие, является человек, а объектом - артефакты: продукты питания (*стряпать угощение*) и предметы интеллектуальной деятельности человека (*стряпать драмы, стряпать картины* и т.п.).

Анализ денотативного пространства глаголов-derivатов с корнем *-стряп-* по сравнению с непроемным глаголом выявил, что в качестве нового субъекта действия начинают выступать артефакты - продукты питания (*обед стряпается*), объект же является достаточно обобщенным и неопределенным (см. табл. 2): артефакты - одежда (*настрять платьев*) и социофакты - свадьба (*обстрять свадьбу*) и т.д.

Глагол *тушить* в значении «варить на медленном огне в закрытой посуде в собственном соку» относится к ФОТГП трудовой деятельности. Субъектом является человек, а объектом - артефакты (продукты питания: *тушить мясо*) и натурфакты (овощи: *тушить овощи*). У глаголов-derivатов с корнем *-туш-* появляется только новый субъект действия (см. табл. 1): артефакты (продукты питания: *мясо потушилось час*) или натурфакты (овощи: *овощи тушились на медленном огне*).

Таблица 3

Функционально-ономасиологические типы глагольных предикатов глаголов приготовления пищи

Функционально-ономасиологический тип глагольных предикатов	В	Д	Ж	Д	П	Д	С	Д	Т	Д
	а	е	а	е	е	е	т	е	у	с
	р	р	р	р	ч	р	р	р	ш	р
	и	и	и	и	ь	и	я	и	и	и
	т	в	т	в		и	п	в	т	в
	ь	а	ь	а		а	а	а	ь	а
		т		т		т	т	т		т
		ы		ы		ы	ь	ы		ы
1. Агентивные предикаты	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
1.1. Деятельности										
1.1.1 Трудовой										
1.1.2. Физической		+	+			+				
1.1.3. Интеллектуальной		+								
1.1.4. Физиологической				+		+				
1.1.5. Психической		+								
1.1.6. Социальной		+					+	+		

1.1.6.1. Социальные действия									
1.1.6.2. Межличностные отношения		+		+		+			
2. Неаггитивные предикаты		+		+	+	+		+	+
2.1. Проявления									
2.1.1. Состояния									
2.1.2. Бытия, существования			+	+	+	+			
2.1.3. Влияния						+			
2.2. Функционирования		+							
2.3. Протекания		+							

Исследование денотативного пространства глаголов с корнями -вар-, -жар-, -пек-/печ-, -стряп- и -туш- показало, что глаголы приготовления пищи отражательно связаны со следующими субъектами и объектами:

- 1) живой материей:
 - людьми (*не переваривать друзей сына, поджаривать ведьму, упечь бунтовщика в тюрьму*);
 - животными (*ожаривать лошадь*);
 - растениями (*заварить чай*);
- 2) неживой материей:
 - артефактами: продуктами питания (*сварить суп, испечь пирог, прожарить мясо, стряпать обед, тушить баранину*); предметами быта, обихода (*обварить веник, прожарить горшки*); металлическими предметами и их частями (*заварить деталь*); сварным швом (*проварить сварной шов*); трещинами, пустотами в металле (*заварить трещины*); продуктами интеллектуальной деятельности человека (*переварить прочитанное, состряпать комедию*); сооружениями, строениями (*нажарить баню*); одеждой (*настряпать платье*);
 - натурфактами: огнем (*пожары спекают глины*); небесными светилами (*солнце жарит голову, солнце печет землю*); овощами (*варить, жарить, печь картошку, тушить овощи*); жидкостью (*обвариться кипятком*); полезными ископаемыми (*глины спекаются*); частями тела (*обварить ногу кипятком, губы запеклись*); органами тела (*желудок переваривает пищу*); физиологическими жидкостями (*кровь запеклась*);
- 3) психофактами (*переварить идеи*);
- 4) социофактами:
 - свадьбой (*обстряпать свадьбу*);
 - чем-либо, требующим хлопот, деятельности и т.д. (*заварить дело*);
- 5) с достаточно обобщенным и неопределенным объектом (*не*

переваривать умных разговоров, солнце напекло землю, состряпать завещание).

В результате анализа денотативного пространства глаголов приготовления пищи с корнями *-вар-*, *-жар-*, *-пек-/печ-*, *-стряп-* и *-туш-* мы пришли к следующим выводам:

1. Денотативное пространство глаголов, объединенных общим корнем, является специфическим. При этом такие глаголы охватывают какую-либо область общего денотативного пространства глаголов приготовления пищи. Не одной группе глаголов с корнями *-вар-*, *-жар-*, *-пек-/печ-*, *-стряп-* и *-туш-* не удалось заполнить все сферы этого пространства.

2. В целом глаголы с корнями *-вар-*, *-жар-*, *-пек-/печ-*, *-стряп-* и *-туш-* охватывают все сферы натурдинамики (собственно динамика, предметная динамика, фитодинамика) и антроподинамики (рациодинамика, социодинамика, психодинамика).

3. Максимально удалены от «идеала» глаголы с корнем *-туш-*. Данные глаголы отражательно связаны всего с 3 из 14 референтно-таксономических классов субъектов (см. табл. 1) и с 2 из 19 референтно-таксономических классов объектов глаголов приготовления пищи (см. табл. 2). Это объясняется небольшим количеством таких глаголов: в словообразовательное гнездо с вершиной *тушить* входит 13 глагольных ЛСВ, в то время как словообразовательное гнездо с вершиной *варить*, например, включает в себя 178 глагольных ЛСВ.

Максимально широкую область общего денотативного пространства глаголов приготовления пищи занимают глаголы с корнем *-вар-*. Эти глаголы отражательно связаны с 8 из 14 референтно-таксономических классов субъектов и с 13 из 19 референтно-таксономических классов объектов глаголов приготовления пищи. Кроме того, анализ показал, что глаголы с корнем *-вар-* представляют собой более разнообразные функционально-ономасиологические типы глагольных предикатов, чем глаголы с корнями *-жар-*, *-пек-/печ-*, *-стряп-* и *-туш-* (см. табл. 3): среди глаголов с корнем *-вар-* выделяются предикаты деятельности, проявления, функционирования и протекания, а среди глаголов с другими корнями - только предикаты деятельности и проявления.

На наш взгляд, это объясняется двумя причинами:

Во-первых, количество глаголов с корнем *-вар-* значительно превышает число глаголов с корнями *-жар-*, *-пек-/печ-*, *-стряп-* и *-туш-*.

Во-вторых, глагол *варить* в значении «приготавливать пищу, питье кипячением» является глаголом-прототипом для ЛСГ глаголов приготовления пищи. Поэтому ситуации, обозначаемые глаголами с корнем *-вар-*, более разнообразны.

**Изображение творчества в романах В.Набокова:
глагольная лексика**

Т.А.Голикова, рассматривая концепт «творчество» в романе «Дар», пишет, что «процесс творчества [в романе] сопрягается не только с вдохновением, но и с умением это вдохновение воплотить в словах» [1]. Она выделяет, в частности, такие смысловые составляющие этого концепта, как «наука», «обман», «тайна», «мастерство» и т.д. Действительно, для отображения творческого процесса В.Набоков редко использует слова, в прямом значении которых содержится указание на творчество: *творить*, *писать* (стихи, роман и т.п.), *сочинять* и др. Как правило, в его романах эту функцию выполняет лексика в переносном значении: *претворить*, *перетасовать*, *разжевать*, *отбирать*, *выяснить* (все -- о сочинении стихов или написании романа) и т.п.

В докладе анализируется использование глаголов для изображения ситуаций, связанных с творчеством, в романах В.Набокова «Дар» и «Другие берега». Выявлено, что глагольная лексика используется для метафорической передачи трех основных составляющих творческого процесса в набоковском романе: 1) переход героя от реального мира, реального восприятия к творческому, 2) творчество, 3) возвращение к реальному миру. Специфика метафоризации показывает, как в авторском представлении интерпретируется творческое состояние, с какими другими ситуациями оно сравнивается, т.е. глаголы каких лексико-семантических групп используются для обозначения составляющих творческого процесса. Наиболее частотное представление перехода к творчеству при помощи глаголов, основным значением которых является звучание и речевая деятельность: творческий ритм уподобляется живому существу, музыкальному инструменту, колокольчику (*А странно – «отчизна» и «признан», оять вместе, и там что-то упорно звенит* [2. С.62. Здесь и далее разрядка моя. – М.М.]. Ср. также контексты глаголов *говорить человеческим голосом, прокатываться роком*).

Богата на глагольные метафоры ситуация непосредственного творческого процесса. Здесь особое место занимают вторичные значения глаголов преобразовательной деятельности (*претворить в степную даль, пустыню письменного стола придется возделывать, обстроить* – жизненные детали при написании романа), эмоционально-психического состояния (*стихи... завладели им*), фи-

зиологического действия (*я все это так перетасую, разжую, отрыгну*), интеллектуальной деятельности (*стремился обобщить воспоминания, преимущественно отбирая черты... свойственные... детству*).

И, наконец, ситуация выхода из творческого состояния изображается глаголами движения (*все улетело*), утраты качества (*все бледнело, разъедалось*).

Ситуация творчества в набоковском романе обычно имеет включенный характер, что подчеркивается композиционной завершенностью и некоторыми другими лингвистическими особенностями эпизодов с изображением творческого процесса, например, резким переходом от авторского повествования к внутренней речи героя: *Он был исполнен блаженнейшего чувства: это был пульсирующий туман, вдруг начавший говорить человеческим голосом. Лучше этих мгновений ничего не могло быть на свете. Люби лишь то, что редкостно и мнимо, что крадется окраинами сна, что злит глупцов, что смердами казнимо; как родине, будь вымыслу верна* [2. С.176].

Анализ глагольных метафор, используемых Владимиром Набоковым для изображения творчества, показывает, что для индивидуально-авторской языковой картины мира характерно восприятие творчества и как действия и деятельности, и как состояния. Частотность употребления глаголов с первичной семантикой преобразовательной деятельности для характеристики творческого процесса, очевидно, является следствием набоковской идеи творца-наблюдателя – преобразователя, «систематизатора» и «упорядочивателя» мира. Как тезис эта идея изложена в романе «Другие берега»: «однажды увиденное не может быть возвращено в хаос никогда» [3].

Примечания

1. Голикова Т.А. Слово как интегративный компонент репрезентации концептуальной картины мира (на материале творчества В.В.Набокова). Дисс. ...канд. филол. наук. Барнаул, 1996.

2. Набоков В.В. Дар.// Избранное. М., 1990. С.37 - 371.

3. Набоков В.В. Другие берега. // Собр. соч.: В 4 тт. М., 1990. Т.4. С.131 - 302.

**Глагол «любить» и рационально-эстетическая оценка мира
в лирике О.М.Мандельштама 30-х гг.**

Эстетическая оценка, существующая в рамках оппозиций «красивое – некрасивое», «прекрасное – безобразное» и т.п., может быть двух видов: эмоционально-чувственной (акт оценивания совпадает с переживанием: *Какая красота! Прелестно!*) и рациональной (результат умственного обобщения эстетического опыта: *Я считаю, что это очень красиво; Люблю я пышное природы увяданье...*). Глагол *любить*, выражающий обобщенное отношение к классу предметов или ситуаций, которые, как правило, вызывают эстетическое одобрение, является ядром ситуации рационально-эстетического оценивания. В этом случае ему соответствует словарное значение «3. Чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-л. || Испытывать удовольствие от созерцания, ощущения чего-л. || Иметь пристрастие к чему-л., отдавать предпочтение чему-л.» (МАС). Таким образом, этот глагол характеризует «вкусовые диспозиции» (термин Н.Д.Арутюновой) человека.

В лирике эмоциональная, интеллектуальная и т.п. оценка, как правило, сочетается с эстетической в силу специфики поэтического творчества. Охарактеризуем ситуацию эстетико-вкусовой оценки на фоне других ситуаций, передаваемых глаголом *любить*, выражающим вкусовую оценку других типов. Воспользуемся для этого обобщенной классификацией оценочных значений, сделанной Н.Д.Арутюновой. Например, причина того, что *он любит ходить пешком в том, что:*

- 1) приятно размяться по дороге
(выражена сенсорно-вкусовая оценка);
- 2) интересно наблюдать жизнь города
(интеллектуально-вкусовая оценка);
- 3) весело быть на оживленной улице
(эмоционально-вкусовая оценка);
- 4) не хочется затруднять личного шофера
(этико-вкусовая оценка);
- 5) это благоприятно сказывается на здоровье
(утилитарно-вкусовая оценка);
- 6) это соответствует здоровому образу жизни
(нормативно-вкусовая оценка);
- 7) прекрасно «ощущать контакт с родным городом»
(эстетико-вкусовая оценка).

В поэзии О.Мандельштама можно выделить два непрерывных временных периода: до 1925 г. и 1930 - 1937 гг. С 1925 по 1930 г. в сборниках и собраниях сочинений О.Мандельштама – пробел, часто называемый исследователями «молчанием», характеризуя которое сам поэт говорил: «...чувствую себя должником революции, но приношу ей дары, в которых она пока что не нуждается».

Осмысление «времени–бремени» и страданий, связанных с «директивным» ограничением творчества и жизни, не могло не отразиться на эмоционально-эстетическом видении мира поэтом. Даже для его до-революционного творчества, которое можно назвать «счастливым», не характерна эмоциональная избыточность, приподнятость. Мандельштам следует «канону эстетической уравновешенности». Его оценки можно назвать сдержанными, выверенными, философски осмысленными: *Я ласточкой доволен в небесах И колокольни я люблю полет; И, окружен водой зеленоватой... Люблю следить за ласточкой крылатой; И я люблю обыкновенье пряжи: Снует челнок, веретено жуужжит* (из сборников «Камень» и «Tristia»). Все процитированные строки можно проинтерпретировать по следующей модели: лирическому герою доставляет удовольствие наблюдать, созерцать, представлять что-либо.

В 30-е гг. эстетически бесценное для Мандельштама ощущение пространственно-временной неограниченности бытия посещает поэта очень редко. Теперь в его стихах – мучительные размышления о «духовной тюрьме» и почти физиологическое преклонение перед простыми атрибутами «живой жизни», которую можно потерять в любой момент. Но и в этот период в его лирике встречаем глагол *любить*. Так уж получилось, что в стихотворениях Мандельштама он не выражает чувство к женщине, а является лексическим маркером эстетико-вкусовой оценки. Каково же денотативное пространство этого глагола? Какие реалии и картины бытия вызывают эстетическое переживание поэта? Контексты глагола *любить* распределились на три основные группы, описывающие ситуации эстетического оценивания предметно-чувственного мира, духовного мира и экзистенциального состояния. Рассмотрим эти группы отдельно.

1. Эстетика предметно-чувственного мира:

а) эстетика города (*Люблю разъезды скворчущих трамваев И астраханскую икру асфальта...; Эх, Эривань, Эривань, не город – орешек каленый, Улиц твоих большеротых кривые люблю вавилоны*);

б) эстетика природы (*Как подарок запоздалый, Ощутима мной зима, Я люблю ее сначала Неуверенный размах*);

в) эстетика вещного мира (*Люблю шинель красноармейской складки, Длину до пят, рукав простой и гладкий И волжской тучи род-*

ственный покров. Несмотря на то, что эти строки контрастируют с авторским неприятием большевизма и того, что связано с войной, нам не кажется, что за ними скрывается ироничное отношение. Шинель – это предмет, привлечший внимание поэта как эстетически, а не концептуально значимый).

2. Эстетика духовного мира:

а) эстетика собственного творчества (*Люблю появление ткани, Когда после двух или трех, А то четырех задыханий Придет выпрямительный вздох; Я люблю военные бинокли с ростовщической силой зренья... Чтобы зреньем написать судьбы развязку*);

б) эстетика чужого творчества (*Дай Языкову бутылку И подвинь ему бокал, Я люблю его ухмылку. Хмеля бьющуюся жилку и стихов его накал; А я люблю его [Ариоста] неистовый досуг; Язык бессмысленный, язык солоно-сладкий И звуков стакнутых прелестные двойчатки*);

в) эстетика философствования (*Уж до чего шероховато время, а все-таки люблю за хвост его ловить*). «Ловить время за хвост» – значит сопротивляться его разрушительной линейности и дробности (идея А.Бергсона, близкая эстетической и философской позиции О.Мандельштама).

3. Эстетика экзистенциального состояния – квинтэссенции чувственных и духовных возможностей человека, переживающего, по М.Хайдеггеру, «откровенность бытия» (*Люблю морозное дыханье И пара зимнего признание, Я – это я, явь – это явь!*). В сложной ситуации ускользания жизни и затуманивая рассудка поэту важно эстетически и эмоционально чувствовать себя Живым, хотя для этого нужно прилагать особые психические усилия. Но даже в этом случае мандельштамовская оценка остается осмысленной и эмоционально уравновешенной, т.е. рационально-эстетической.

Итак, денотативное пространство глагола *любить* в творчестве О.Мандельштама 30-х гг. имеет рационально-эстетический характер, дробится на ситуации оценивания предметно-чувственного мира, духовного мира и экзистенциального состояния и соотносится, на наш взгляд, с основными смысловыми составляющими эстетического восприятия мира поэтом.

Примечания

1. О подобном делении оценок см., напр.: Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. С.40; Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке.: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 1996. С.18.

2. См.: Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С.76 - 77.

3. См.: Колобаева Л.А. Место человека во вселенной (философия личности) // Вестн. МГУ. 1991. № 2. С.10.

*Н.В.Нетяго, Аданалы Мехмед Али
Уральский университет*

Сравнительная характеристика семантики русских и турецких глаголов «исчезновения»

В современной лингвистике актуальны лексико-семантические описания русского языка и близкородственных и неродственных языков. К последним относится турецкий язык.

Большое внимание в лингвистических исследованиях уделяется глаголу как наиболее трудной части речи в грамматическом и семантическом плане. Изучение русского глагола представляет большие трудности для иностранных студентов, в том числе и турецких. Сопоставительный анализ русских и турецких глаголов «исчезновения» позволяет уточнить словарные дефиниции исследуемых глаголов и может использоваться в лексикографии и практике перевода.

Нами были рассмотрены 36 русских глаголов «исчезновения», у которых это значение является основным, и сделана попытка найти им точное соответствие в турецком языке.

При сопоставлении русских и турецких глаголов «исчезновения» были выделены три группы.

В 1-ю группу вошли глаголы, у которых данное значение передано однословным турецким эквивалентом. Таких глаголов оказалось большинство:

Выветриться - *tesiriyle* - «лететь» в 15-м значении: *выветриться* (о запахе).

Выгореть - *yanmak* - гореть + *butun* - *выгореть целиком*.

Выпариться - *buharlasamak*. 1. Превратиться в пар. Сема специализированного субъекта «пар» входит в значение глагола. 2. Очиститься под действием пара.

Заглохнуть - *susmak* - молчать. 1. Заглохнуть (о звуке). 2. Прекратить звучать (выключиться). 3. Не отвечать, но молчать. В турецком языке развиваются значения, как и в русском языке, только третье значение в русском языке просторечное, а в турецком - литературное.

Вытаять - erimek. 1. Таять. 2. С помощью высокой температуры превратиться в жидкость (о металле). 3. Стереться. 5. Исчезнуть очень быстро, мгновенно.

Глаголы «истаять», «потаять» переводятся на турецкий язык так же, как глагол «вытаять», поскольку в турецком языке приставки отсутствуют и их значение восполняется лексически.

Изгладиться - silinmek. 1. Вытереться. В турецком языке есть еще два значения. В русском основному значению эквивалентно третье. 2. Вычеркнуть себя из списка. 3. Исчезнуть вдруг. Синоним в турецком языке «duzelmek» - «стать гладким». В предложении сема специализированного субъекта передается существительным, замещающим позицию субъекта (например, *морщины*).

Искорениться - yok olmak. 1. Не быть 2. Исчезнуть. 3. Перестать существовать (о чем).

Испариться - buharlaşmak - пар. 1. Превратиться в пар (см. «выпариться»). Переводятся оба глагола одинаково, так как в турецком языке нет приставок. 2. Очиститься паром.

Истребиться - tukenmek. 1. Закончиться, перестать существовать. В турецком языке есть второе переносное значение у этого глагола. 2. Потерять силу, устать.

Исчезнуть - kaybolmak. 1. Перестать существовать. 2. Исчезнуть из виду. Оба значения в турецком и русском языке совпадают.

Отмыться - temizlenmek. 1. Отмыться. 2. Поправить дело. 3. Быть убитым. 4. Проиграться в карты. Переносное значение есть только в турецком языке. В русском языке оно отсутствует.

Отчиститься - temizlenmek. Глаголы «отмыться», «отчиститься» переводятся на турецкий язык одним глаголом.

Перезабиться - unutulmak. См. *забыться*, так как в турецком языке приставок не существует.

Погаснуть - sonmek. 1. Перестать гореть, светить. 2. Сдуться (о шаре). 3. Погаснуть (об извержении вулкана). 4. Исчезнуть (о чувствах). 5. Потерять свою важность, перестать развиваться. 6. Перестать быть слышным. 7. Закончиться, исчезнуть. В турецком языке семь значений, а в русском - только два значения с оттенками.

Потухнуть - sonmek. См. *погаснуть*.

Прерваться - kesilmek. 1. Прекратить действие, прерваться: *Ссора прервалась*. 2. Уставать. 3. Превращаться во что-л. 4. Испортиться (о продуктах), прокиснуть. 5. Потерять (надежду). 6. Прерваться (о течении). 7. В значении «стать каким»: (*Он превратился в зверя*). 8. Закончить, сделать перерыв. 9. Стать героем. 10. Закрываться, прекращаться (о работе магазина). 11. Вырезать ненужное. 12. Нравиться. 13.

Отказаться от чего-нибудь. В русском языке глагол «прерваться» имеет одно значение: «прекращение ненадолго (о действии)», а в турецком языке 13 значений.

Пресечься - kesilmek. См. *прерваться*.

Разгладиться - duzelmek. 1. Стать гладким. 2. Наладиться. 3. О погоде (наладиться). 4. Выздороветь, поправиться. Турецкий глагол многозначный, а русский глагол -однозначный.

Рассосаться - inmek. 1. Спускаться. Значение глагола «рассосаться» передано шестым значением этого глагола, турецкий глагол «inmek» очень многозначный. 2. Выходить. 3. Сходить (с гор). 4. Добраться до места. 5. Остановиться (в каком-л. месте, отеле). 6. Рассосаться (об опухоли). 7. Снизить цену, уступить. 8. Упасть в цене. 9. Ударить. 10. Обрушиться. 11. Идти (о дороге). 12. Перевесить. 13. Уменьшиться в количестве.

Стереться - silinmek. 1. Стереться (*мел с доски*). 2. Вытереться. 3. Неожиданно исчезнуть, забыться (об улыбке). 4. Стать тонким. Значения русских и турецких глаголов развиваются параллельно.

Угаснуть - sonmek. См. *погаснуть*.

Улетучиться - isticak. 1. Лететь (всего 15 значений). 3. Превратиться в пар, в газ.

Упраздниться - yok olmak - быть уничтоженным.

Утихнуть - dinmek. 1. Утихнуть. 2. Прекратиться (о звуках, снеге, дожде, ветре). 3. Стать меньше, уменьшиться.

2 - я группа состоит из таких русских глаголов, в значение которых входит сема специализированного субъекта. В турецком языке эта сема восстанавливается в предложении дополнительным словом (например, «грязь»).

Отстираться - cikmak . 1. Выйти (всего 56 значений). 48. Исчезнуть (о пятнах). В турецком языке глагол движения «cikmak» (выйти) - десемантизированный глагол + субъект «грязь».

Оттереться - cikmak. См. *отстираться*.

Смыться - cikmak. См. *отстираться*.

Состираться - cikmak. См. *отстираться*.

Счиститься - cikmak. См. *отстираться*.

Все пять русских глаголов имеют эквивалент «cikmak».

Утратиться - kaybetmek. 1. Потеряться. 2. Проиграть (войну).

3. Потеряться (о чувствах). Слово «чувство» обязательно в контексте в роли субъекта. Второе значение в русском языке у глагола «утратиться» отсутствует, первое и третье- совпадают.

3-я группа включает в себя глаголы, которые в турецком языке передаются двумя словами, например, «вывестись»: род + «перевелся»;

«смолкнуть»: «перестать» + звук, т. е. глагол + существительное. При чем глагол имеет очень общее значение, например, исчезнуть, умереть.

Вывестись - *soyu tukenmek* - исчезнуть: *Род перевелся. В квартире вывелись тараканы.*

Вымереть - *nesli kesilmek olmak* - умереть, (*nesil* - род, *kesilmek* - прекратиться): *Народа этого больше нет, весь вымер.*

Смолкнуть - *sesi kesilmek* (*ses* - звук, *kesilmek* - перестать): *Шум смолк.*

Стихнуть - *sesi kesilmek* - *Крики стихли.* См.: *смолкнуть.*

Итак, в результате сопоставления выявлено следующее: русским глаголам «исчезновения» в турецком языке может быть найден точный эквивалент. Однако если в русском языке все рассматриваемые глаголы однословны и значение «исчезновение» является у них основным, то в турецком языке в качестве эквивалента могут выступать и однословные глаголы, у которых значение «исчезновение» не всегда основное, и сочетания «глагол + существительное». В последнем случае глагол либо имеет широкое значение, либо утрачивает свое значение, т. е. десемантизируется.

Глаголам в русском языке, имеющим одинаковые корни, но разные приставки, соответствуют одинаковые глаголы в турецком языке, а значение приставки передается в предложении лексически: словом, уточняющим значение глагола.

Большинство рассматриваемых русских глаголов однозначны. Турецкие эквиваленты чаще многозначны. Развитие вторичных значений у глаголов в русском и турецком языках в некоторых случаях идет параллельно.

А.М.Плотникова
Уральский университет

Глаголы с включенной актантной рамкой: ономасиологический и когнитивный аспекты

В современной лингвистике ономасиологический подход к языку понимается как «динамичный функционально-коммуникативный аспект изучения единиц и категорий всех уровней», исследующий речемыслительные процессы номинации, построения высказывания и текста [1]. Установка на функциональность, приоритет говорящего в речевой деятельности сближает ономасиологию с когнитивной лингвистикой.

Ономасиологическое изучение глагольной лексики позволяет выявить и изучить набор ситуаций, отображаемых семантикой глаголов. Поскольку денотатом глагола является представление, образ ситуации, «свернутая» ситуация, включающая действия, состояния, отношения актантов, то взаимодействие глагольных и именных компонентов происходит не только в синтагматическом ряду, но и в структуре глагольного значения. Глубинная смысловая структура глагола-предиката проецируется на синтаксический уровень, поэтому изучение внутрисловных глагольно-актантных связей необходимо для описания грамматических и лексических свойств слов, способствует созданию «лексикализованной грамматики» [2].

Объектом нашего рассмотрения являются глаголы с **включенной актантной рамкой** – группа референтно ограниченных глаголов с денотативно закрепленными, специализированными субъектно-объектными семами (*возделывать (землю), косить (траву), цвести (о растениях), моросить (о дожде)* и т.д.). В таких глаголах достаточно четко обнаруживается иррадиация предметной семантики в сферу признакового слова – глагола.

Изучение функционально-ономасиологических классов глаголов с включенной актантной рамкой позволило выявить сферы динамики, отображаемые данными глаголами.

Глаголы с включенным субъектом покрывают область **натурдинамики** (собственно натурдинамики, биодинамики, предметной динамики). Базовая модель ситуации состоит из двух компонентов: включенный субъект и предикат динамического или функционального состояния.

Собственно натурдинамика предполагает отношение к действительности как к самостоятельному, независимому от человека субъекту, находящемуся в каком-либо состоянии или испытывающему какое-либо состояние. Сфера натурдинамики отображается функционально-ономасиологическими классами глаголов с субъектами - явлениями природы (например, с субъектами небесными светилами: *взойти, зайти, подняться, клониться, жарить, припечь, греть, вызвездить, закатиться* и т.д.).

Биодинамика предполагает отношение к действительности как к самостоятельному биологическому субъекту, творцу, источнику действия. Сфера биодинамики отображается функционально-ономасиологическими классами глаголов с субъектами растениями, животными (например, *акклиматизироваться, ветвиться, расти, взойти, взяться, вырасти, зеленеть* и т.д.).

Предметная динамика отображается следующей базовой моделью: субъект – вещь, нелицо, неодушевленный предмет; глагол – предикат качества, свойства, состояния, положения в пространстве. Глаголы с включенными актантами представлены функционально-ономасиологическими группами с субъектами продуктами питания и внутреннего употребления, одеждой, обувью, предметами обихода, быта, механизмами и орудиями труда (например, *засахариться (о варенье)*, *морщить (об одежде)*, *биться (о посуде)*, *буксовать (о колесах)* и т.д.).

Глаголы с включенным объектом представляют область **антроподинамики**, включающей в себя рацио-, социо- и психодинамику. Базовую модель ситуации составляют 3 компонента: субъект; предикат действия, деятельности или отношения; включенный объект.

В сферу **рациодинамики** входят глаголы движения, помещения объекта, физического воздействия на объект, создания объекта в результате физической и интеллектуальной деятельности, физиологических действий. Сфера рациодинамики отображается функционально-ономасиологическими группами глаголов с объектами-артефактами (*пригнать*, *приготовить*, *прирубить*, *проповедовать*, *раскатать*, *раскрыть*, *разработать* и др.), с объектами-натурфактами (*насунить*, *обморозить*, *вывихнуть* и др.), с объектами-растениями (*выращивать*, *культивировать*, *садить* и др.).

В сфере **социодинамики** можно выделить три базовые модели ситуаций:

1) субъект – активное одушевленное лицо, предикат – глагол социальной деятельности (глагол не имеет включенных актантов);

2) субъект – активное одушевленное лицо, предикат социального отношения, объект – активное одушевленное лицо (например, *раскулачить (кулаков)*, *облачить (священнослужителя)* и т.д.);

3) субъект – активное одушевленное лицо, предикат социального отношения, объект – результат социальной активности (например, *танцевать (танец)*, *петь (оперную арию)* и т.д.).

Психодинамика отображается функционально-ономасиологическими группами глаголов с субъектами-психофактами (*копошиться*, *гнездиться*, *изгладиться (о чувствах)* и объектами-психофактами (*наветь (состояние, настроение)*).

Методика анализа глаголов с включенной актантной рамкой применима и к другим глагольным классам, в которых актантная рамка представлена в более обобщенном виде. Функционально-ономасиологическая классификация глаголов и выявление сфер динамики, отображаемых данными глаголами, позволяет представить модель бытия глаголов в лексиконе человека.

Примечания

1. См.: Бачевич Ф.С., Космеда Т.А. Очерки по функциональной лексикологии. Львов, 1997.
2. Кубрякова Е.С. Лексикализация грамматики: пути и последствия // Язык - система. Язык - текст. Язык - способность. М., 1995. С. 16 - 24.

Г.Н.Плотникова
Уральский госуниверситет

Отсутствие регулярности в словообразовании как проявление системности в языке

К числу общих свойств, присущих всем уровням и подсистемам языка, следует отнести и наличие несистемных явлений, которые в контексте общей системы языка не смотрятся чуждыми элементами [1. С. 89]. Это объясняется тем, что нарушение системных связей между языковыми явлениями происходит не по всем каналам, какие-то связи сохраняются и удерживают данные элементы в определенной микросистеме. При этом появление лакун и нарушение регулярных связей в одной микросистеме нередко влечет за собой активизацию различного рода деривационных процессов в другой микросистеме. А так как каждая микросистема имеет свои структурные особенности, то проявление этих процессов может быть присуще каждой из них в различной степени. Например, как известно, сторонники порождающей грамматики (Н.Хомский и др.) считали случайность и нерегулярность типичным явлением для лексических структур. На этом же основании, кстати, они относили словообразование к лексическому языковому уровню, подчеркивая неупорядоченность словообразования и «ограниченную продуктивность многих деривационных правил».

Однако многие исследования в области словообразования неоднократно показывали, что за этим скрывается большая сложность и зависимость словообразовательных процессов от совокупности действия разнообразных факторов [2. С. 49]. И регулярность, несомненно, присущая словообразованию, носит несколько иной характер. Например, в составе словообразовательных гнезд с исходными словами, принадлежащими к одной лексико-семантической группе, с одной стороны, в отдельных гнездах оказываются единичные образования, не характерные для других гнезд, с другой - наоборот, в некоторых гнездах отсутствуют такие дериваты, которые представлены в остальных гнездах

данной лексико-семантической группы. Попробуем это проследить на примере отзоонимных глаголов.

Эти глаголы представляют собой словообразовательный ряд слов, соотносящийся с разными словообразовательными категориями и подкатегориями. Однако сразу отметим одну особенность. Казалось бы, в отзоонимных глаголах должно было отразиться многовековое сосуществование человека и животного мира, причем такое сосуществование (речь идет уже о достаточно высокой степени сознания и речемыслительной деятельности), когда жизнеспособность и жизнедеятельность человека (в немалой степени это относится и к славянским племенам) во многом зависели от животного мира и определялись теми действиями и процессами, которые имели к нему непосредственное отношение (охота, ловля рыбы, разведение животных, ухаживание за животными, приготовление пищи, изготовление одежды, утвари и даже транспортных средств и т.д.). На современном этапе эти отношения во многом сохранились, но усложнились. Возникли даже особые науки, связанные, например, с изучением генетически обусловленных компонентов поведения животных и эволюции их поведения (этология). Составляются этограммы - своеобразные каталоги «языка», поз, жестов, мимики, свойственных тому или иному виду животных.

Несмотря на все это, группа отзоонимных глаголов представлена в русском языке ничтожно малым количеством! Так, в Словообразовательном словаре А.Н.Тихонова находится около двухсот гнезд, вершиной которых является зооним, и только около 30 из них содержат глагольные дериваты.

Безусловно, в какой-то мере это можно объяснить этнокультурными особенностями жизни носителей русского языка, в частности, огромным пространством, обусловившим то, что в каждом регионе жизнь связана с отдельной группой животных. Не случайно поэтому почти половина глаголов, зафиксированных в словарях, имеет стилистические пометы «обл.» или «прост.». И анализ диалектных словарей в этом смысле несомненно пополнил бы данный список глаголов, но, думаю, ненамного.

Постараемся определить лингвистические факторы, влияющие на ограничение отзоонимных глаголов. Как отмечал Л.Н.Мурзин, сущность любого деривационного процесса заключается в интеграции. На уровне словесных знаков это означает, что «производное слово «вбирает в себя» соответствующие производящие...» [3. С. 23]. То есть семантика производящего взаимодействует с новыми смыслами, чтобы выразить определенную интенцию.

Посмотрим, какие же интенции заложены в отзоонимных глаголах. Эти интенции в словопроизводстве соотносятся с понятием «словообразовательная категория». Если исходить из того, что словообразовательная категория включает в себя производные с разными формантами и способами словообразования, но с общим словообразовательным значением (Манучарян), то среди данных глаголов можно выделить следующие интенции.

1. «Добывать, получать то, что названо мотивирующим существительным» [4]. Сюда относятся глаголы: *белковать* (обл.), *волковать* (обл.), *зверовать* (обл.), *соболевать* (охот.), *рыбачить*, *утятничать* (диал.). Все глаголы имеют общую категориально-лексическую сему: «добывать, получать, ловить, охотясь на кого-л.». Но ведь охотятся и на других животных: зайцев, медведей, оленей, лисиц, тигров и т.д. А глаголы с таким значением от названий этих животных не образуются. К тому же приведенные глаголы все, кроме «рыбачить», имеют, как видно, стилистические ограничения, т.е. не входят в литературный язык. И в этом смысле можно говорить о системе, вернее, об ее отсутствии в выражении названной интенции глагольными обозначениями. Почему? Ответ на этот вопрос неоднозначен. Во-первых, в языке для этой цели существуют другие средства: описательные обороты, словосочетания типа *охотиться на*.; во-вторых, имеются отдельные нерегулярные образования, связанные с добычей конкретного представителя животного мира. При этом они мотивируются чаще всего названием орудия, при помощи которого происходит добыча: ср., например, *лучить* - «бить (рыбу) ночью острогой, освещая воду лучом света»; *удить* - «ловить удочкой рыбу»; *тралить* - «ловить рыбу тралом»; *гарпунить* - «добить, ловить с помощью гарпуна (рыбу, морских животных)»; *арканить* - «ловить арканом» и др., хотя и эта группа глаголов немногочисленна. В-третьих, в лексическом значении отзоонимных глаголов этой группы находится сема «ловить». В семантике одних глаголов она эксплицитная: *рыбачить* - «ловить рыбу», в семантике других глаголов - имплицитная, выявляется через взаимодействующие в дефинициях слова: *охотиться* - *охота* - *добыча* - «то, что добыто на охоте, ловле и т.п.; предмет ловли, охоты».

Из этого глагола (*ловить*) вычленяется корневой словообразовательный формант «лов» со значением «действие по глаголу ловить» (*ловить* - «захватывать живьем каких-либо животных посредством особых приспособлений»). Формант «лов» образует ряд существительных с общим значением: «охотник на того, кто назван мотивирующим зоонимом», которое в большей степени помогает передать указанную интенцию, так как, с одной стороны, охватывает основные разновидности

животного мира: птиц - *птицелов*, зверей - *зверолов*, рыб - *рыболов*; хотя имеется немало слов, образованных и от конкретных зоонимов. В Обратном словаре русского языка [5] зафиксировано 16 таких слов: *крабо-лов*, *раколов*, *китолов*, *крысолов*, *тигролов*, *мухолов* и др. С другой стороны, семантика этих дериватов совмещает в себе семы самого процесса, сему субъекта и сему объекта, т.е. довольно полно передает реальную ситуацию, связанную с этим смыслом.

Думается, что эти дериваты являются основным регулятором в выражении данного смысла, доказательством чему может служить тот факт, что они легко возникают в речи, ср. наименования, отмеченные в сборнике «Новое в русской лексике» [6]: *змеелов*, *дельфинолов*, *дроздолов*, *мустанголо*в и некоторые другие.

2. Наглядно представлен и еще один процесс компенсации способа выражения смысла, передаваемого нерегулярным рядом отзоонимных глаголов. Речь идет о значении «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным». Эта группа глаголов представлена также небольшим количеством слов, среди нее можно выделить подкатегории:

- вести себя подобно тому, кто назван мотивирующим словом: *обезьянить* (прост.) - *обезьяничать* (разг.) - «слепо подражать кому-либо, перенимать чью-либо манеру поведения, копировать кого-либо», т.е. вести себя, как обезьяна; *петушиться* (разг.) - «вести себя задиристо, запальчиво, как петух»; *попугайничать* (разг.) - «повторять чужие мысли, слова, быть попугаем», т.е. вести себя, как попугай; *козлить* (прост.) - «фальшиво, нескладно петь, подобно козлу» (АГ-80); *советь* (разг.) - «впадать в полусонное, дремотное состояние», т. е. вести себя, как сова днем; *сорочить* (обл.) - «болтать, пустословить» (БАС), т. е. вести себя, как сорока (ср. выражение: *трещит, как сорока*); *собачиться* (прост.) - «ругаться, браниться», вести себя, как собаки; *лисить* (прост.) - «хитро льстить, угождать», т.е. вести себя, как лиса (ср. выражение: *хитрая как лиса*).

- совершать *действия*, подобно тому, кто назван мотивирующим словом: *ишачить* (прост.) - «выполнять тяжелую работу»; *ершиться* (разг.) - «поднимать(ся) вверх (о шерсти, перьях и т.п.), топорщиться(ся), ерошиться(ся)»; *змеиться* - «тянуться извилистой линией; виться, извиваться».

Все глаголы образованы по продуктивным моделям, но представленность их мала. Среди лингвистических объяснений причин этого явления, пожалуй, можно выделить факт существования другого словообразовательного конструкта: моделей наречий, формальная структура которых мотивирована отзоонимными прилагательными, а семантиче-

ская - самим зоонимом, ср.: *по-медвежьи* - «как медведь», *по-орлиному* - «как орел» и т.д. Основные модели связаны со следующими словообразовательными формантами: префиксом *по-* и суффиксом *-и*: *по-волчьи*, *по-медвежьи*; префиксом *по-* и суффиксом *-ому/-ему*: *по-лебединому*, *по-воробыному*. Эти модели имеют высокую степень продуктивности. Как отмечает И.С. Улуханов, такие наречия «совмещают в своем значении присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением наречия как части речи» [7. С. 403]. Иначе говоря, они передают значение отношения к тому, что названо исходным словом в словообразовательной цепи: зооним - прилагательное - наречие, плюс значение вторичного признака (качественного или процессуального), что диктует синтагматическую связь в речи с глаголом или прилагательным. Такая синтагма не только покрывает полностью выявленный смысл, но и передает большее количество информации за счет конкретизации действия, обозначенного глаголом, который входит в синтагматическую связь с наречием: *прыгать по-заячьи*, *топать по-лошадиному*, *гримасничать по-обезьяньи* (ср.: *обезьянничать*), *петь по-козлиному* (ср.: *козлить*), *кричать по-петушину* (ср.: *петушиться*) и т.д.

К тому же эти образования имеют меньше стилистических ограничений, хотя большинство из них носит разговорный характер.

Таким образом, ономаσιологический подход к словообразовательным явлениям позволяет выявить не только регулярные словообразовательные процессы, но и те ограничения, которые тоже носят регулярный характер и отражают закономерности словопроизводства. Они помогают также вскрыть глубинные мотивы словотворчества, показывая стремление человека к образованию (и сохранению!) таких структур, мотивация которых более обширна и ясна.

Примечание

1. См.: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
2. Кубрякова Е.С. Еще раз о месте словообразования в системе языка // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975.
3. Мурзин Л.Н. Дифференциация или интеграция? // Актуальные проблемы русистики: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию проф. Э.В. Кузнецовой. Екатеринбург, 1997.
4. Здесь и далее словообразовательные значения указаны по: Русская грамматика. В 2 т. М., 1980 (АГ-80), а лексические значения - по: Словарь русского языка. В 4 т. М., 1957 (МАС).
5. См.: Обратный словарь русского языка. М., 1974.
6. См.: Новое в русской лексике. Словарные материалы. М., 1980-1984.
7. АГ-80. Т.1.

Лексико-семантические группы русских глаголов в квантитативном аспекте

Любое явление языка может быть исследовано как в качественном, так и в количественном аспекте. Традиционно квантификация (количественное представление) применяется к лексическим единицам при описании словарного состава языка и его функционирования. В частности, важнейшей количественной характеристикой слова является частотность его употребления в речи. Она отражает функциональный вес слова в системе языка, поскольку тесно связана с другими его свойствами: степенью абстрактности значения, многозначностью, сложностью морфемной структуры, словообразовательной и фразеологической активностью, возрастом и т.д. [1].

Однако для характеристики лексической системы языка продуктивным оказывается квантитативный анализ не только отдельных лексических единиц, но и их классов. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования, в которых на материале словарей определяются соотношения между количественными характеристиками слов разных частей речи [2].

Квантитативный анализ семантических объединений слов затруднен из-за нечеткости, неопределенности их границ, но возможен при наличии идеографических словарей. Исследование некоторых количественных характеристик словаря «Лексико-семантические группы русских глаголов» [3], предпринятое И.Т.Вепревой и О.И.Ждановой, указывает на существование корреляции между квантитативными свойствами различных семантических объединений глаголов и их значимостью [4].

Наше исследование посвящено выявлению функциональной значимости ЛСГ русских глаголов на основе сопоставления количественных показателей частотности их употребления в речи. Объектом исследования послужили 868 глаголов из зоны достоверных частот (более 34 словоупотреблений) Частотного словаря русского языка [5]. В ходе исследования были определены следующие параметры ЛСГ глаголов:

1. Объем ЛСГ в пределах словаря, ограниченного значением абсолютной частоты употребления глагола, равным 35. Семантическая классификация осуществлялась по основному значению глаголов с опорой на словарь «Лексико-семантические группы русских глаголов» [3].

2. Суммарное количество словоупотреблений (накопленная частота) глаголов определенной таким образом части данной ЛСГ. Накопленная частота употребления всех **868** глаголов ограниченного словаря составляет 134 798 словоупотреблений.

3. Средняя частота употребления глагола данной ЛСГ (применительно к исследуемому частотному диапазону).

По нашему мнению, указанные количественные характеристики выявляют соотношение семантических объединений глаголов по их употребительности в речи. Учет всех трех параметров необходим, поскольку ни один из них не является достаточным. Во-первых, на объем ЛСГ в пределах ограниченного словаря оказывает влияние не только фактор частотности употребления глаголов данной ЛСГ, но и количество глаголов этой ЛСГ в словарном составе языка, поэтому возникает необходимость корректировки объемной характеристики показателем накопленной частоты. Во-вторых, средняя частота употребления глагола данной ЛСГ, хотя и выражает связь между первыми двумя параметрами, не может быть использована в качестве основания для сопоставления всех ЛСГ, так как является значимой лишь для групп, достаточно больших по объему. Кроме того, средние характеристики сопоставимы лишь в группах, приблизительно равных по объему, между тем различия в количественном составе семантических объединений существенны: от 132 глаголов перемещения до 2 глаголов социального состояния. Рассмотрим распределение глаголов ограниченного словаря по ЛСГ (табл. 1).

Таблица 1.

Распределение высокочастотных глаголов по семантическим объединениям

ЛСГ поля «действие»	Кол-во глаголов	ЛСГ поля «состояние»	Кол-во глаголов	ЛСГ поля «отношение»	Кол-во глаголов
Перемещение	132	Бытие	92	Взаимоотношения	5
Помещение	59	Качественное состояние	45	Владение	71
Физическое воздействие	59	Социальное состояние	2	Межличностные отношения	18
Созидательная деятельность	32	Функциональное	33	Социальные отношения	40
Интеллектуальная деятельность	100	Физиологическое состояние	5	<i>Всего</i>	134
Речевая деятельность	68	Эмоциональное состояние	25		

Социальная деятельность	59	<i>Всего</i>	202		
Физиологические действия	10				
Звучание	13				
<i>Всего</i>	532				

В этом распределении в основном проявились те соотношения между ЛСГ по их объему, которые нашли отражение и в структуре словаря [3]. Среди частотных преобладают глаголы больших по объему групп: перемещения, интеллектуальной деятельности, бытия, физического воздействия на объект, речевой деятельности, владения. Небольшие группы: взаимоотношения, звучания, физиологического состояния – представлены единичными глаголами.

В то же время представленность некоторых семантических объединений в составе ограниченного словаря невозможно объяснить их объемом. Так, например, глаголы социального состояния – довольно многочисленная группа, насчитывающая в словаре [3] около двухсот единиц, и лишь две из них – глаголы *нуждаться*, *обмануть* – представлены в нашей выборке. То же можно сказать и о глаголах межличностных отношений и физиологических действий.

На наш взгляд, наблюдаемое несоответствие объясняется тем, что большинство глаголов указанных групп имеют узкое значение, в связи с чем частотность каждого из них не достигает значительных величин. С одной стороны, глаголы физиологических действий – это глаголы предельно конкретного содержания, и их частотность может быть большой только в случае обследования тематически однородного массива текстов. Те глаголы физиологических действий, которые все же характеризуются высокой частотой употребления, – это глаголы с наиболее общими (внутри семантического объединения) значениями: *есть*, *пить*, *поить*, *кормить*, *дышать*. С другой стороны, глаголы социального состояния и межличностных отношений, называя социально-коммуникативные действия, не отличаются конкретностью содержания. Однако наличие сем, отражающих качества субъекта или оценку действия, сужает значения этих глаголов; глаголов же, обобщенно называющих поведение или образ жизни человека, в русском языке нет. Кроме того, абсолютное большинство глаголов социального состояния – глаголы ограниченного употребления (разг.). Этим объясняется столь малое количество глаголов такого значительного по объему семантического объединения в верхней части частотного списка глаголов.

Таким образом, количественные соотношения между ЛСГ русских глаголов в пределах ограниченного порогом частот словаря обусловлены не только их объемом, но и частотной структурой каждой из них. А это, в свою очередь, позволяет сопоставлять ЛСГ по их употребительности в речи.

В результате комплексного рассмотрения количественных характеристик семантических объединений русских глаголов в пределах ограниченного словаря, а также особенностей распределения глаголов этих объединений по частотным зонам мы выделили четыре группы ЛСГ, различающихся по употребительности в речи.

Первую группу образуют семантические объединения, которые характеризуются очень высокими показателями употребительности, – это глаголы перемещения, интеллектуальной деятельности, бытия (табл. 2).

Таблица 2.

Количественные характеристики наиболее употребительных ЛСГ глаголов.

ЛСГ	Объем	Накопленная частота	Средняя частота (ср.F)
Перемещение	132	19 033	144,2
Интеллекту- альная дея- тельность	100	19 835	198,4
Бытие	92	28 820	313,3

Суммарное количество словоупотреблений глаголов этих ЛСГ составляет 50,2% от всех словоупотреблений глаголов рассматриваемой части словаря, что значительно превышает долю этих глаголов в общем количестве глаголов с частотой 35 и более (37,3%). Следовательно, «лидерство» данных семантических объединений обусловлено не только большим количеством таких глаголов в языке, но и их частотными характеристиками. Именно к этим ЛСГ относятся 8 из 12 первых в частотном списке глаголов, частота употребления которых более 1000 словоупотреблений: *быть, стать* - к глаголам бытия; *знать, видеть, видеть, думать* - к глаголам интеллектуальной деятельности; *идти, пойти* - к глаголам перемещения. Таким образом, именно эти семантические объединения русских глаголов можно считать наиболее функционально значимыми в лексической системе языка.

Вторая группа включает в себя ЛСГ глаголов владения (срF=147,2), речевой деятельности (срF=113,9) и функционального со-

стояния ($\text{cpF}=228,4$). Глаголы этих ЛСГ также тяготеют к зоне высоких частот, причем употребительность глаголов речи и функционального состояния обусловлена скорее не объемом ЛСГ, а большой повторяемостью ограниченного количества одних и тех же глаголов - примерно половину словоупотреблений всех глаголов каждой из этих ЛСГ составляют глаголы *сказать, говорить* (ЛСГ глаголов речи) и *мочь, хотеть* (ЛСГ глаголов функционального состояния).

Семантические объединения глаголов, образующие третью группу: социальные отношения, качественное состояние, созидательная деятельность, помещение, физическое воздействие - можно охарактеризовать как среднечастотные, так как основная масса глаголов этих ЛСГ концентрируется в средне- и низкочастотной зонах частотного словаря.

Наименьшими показателями употребительности в речи характеризуются следующие ЛСГ глаголов: эмоциональное состояние, межличностные отношения, взаимоотношения, физиологические действия, звучание, физиологическое состояние, социальное состояние.

Редкость использования в речи глаголов, в своих основных значениях называющих соответствующие процессы, вероятно, связана с тем, что для их обозначения шире используются вторичные предикаты.

Таким образом, исследование ЛСГ русских глаголов в количественном аспекте позволяет выявить наиболее функционально значимые классы глаголов русского языка и обнаруживает тем самым общие закономерности функционирования глагольной лексики.

Примечания

1. См., напр.: Арапов М.В. Квантитативная лингвистика. М., 1988; Тихонов А.Н. Система русского словообразования в свете количественных данных // Исследование деривационной подсистемы количественным методом. Владивосток, 1983. С. 61 - 72; Туддава Ю.А. Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики. Тарту, 1987.

2. См., напр.: Денисов П.Н. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка // Слово в грамматике и словаре. М., 1984. С. 142 - 159; Засорина Л.Н. Автоматизация и статистика в лексикографии. Л., 1966; Поликарпов А.А., Крюкова О.С. О системном соотношении краткого и среднего толковых словарей русского языка // УЗ ТГУ. Тарту, 1989. Вып. 872. С. 111 - 125.

3. См.: Лексико-семантические группы русских глаголов: Словарь-справочник. Свердловск, 1988.

4. См.: Вепрева И.Т., Жданова О.П. Лексико-семантические группы русских глаголов в зеркале макро- и микропарадигматики // Типы языковых парадигм. Свердловск, 1990. С. 17 - 25.

5. См.: Частотный словарь русского языка. Около 40 000 слов. / Под ред. Л.Н.Засориной. М., 1977.

**Денотативное пространство глаголов «висеть»,
«лежать», «сидеть», «стоять»**

Данные глаголы в словаре-справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов» отнесены к ЛСГ «бытия-существования в определенном пространстве» [1]. Всего в этой группе 62 глагола. Особое место наряду с базовыми глаголами «находиться», «располагаться» занимают глаголы «висеть», «лежать», «сидеть», «стоять», которые можно определить как глаголы лексико-семантической подгруппы «положения в пространстве», составляющие семантический центр всей ЛСГ. Мы выделили и взяли для анализа только 4 глагола, так как значение каждого из них в большинстве случаев включено в семантику других глаголов ЛСГ «бытия-существования в определенном пространстве». Например: *баланси́ровать* - «стоять на чем-то, сохраняя равновесие»; *протяну́ться* - «лежать в определенном пространстве и направлении»; *тесни́ться* - «стоять или сидеть тесно»; *свиса́ть* - «висеть с чего-л. вниз»; *гнезди́ться* - «сидеть на гнезде»; *разосла́ться* - «лежать на большом пространстве»; *присутствова́ть* - «висеть, лежать, сидеть, стоять где-л.»; *отсутствова́ть* - «не висеть, не лежать, не сидеть, не стоять где-л.» и т.д. Все глаголы этой ЛСГ обозначают статическое положение в пространстве с определенной конкретизацией, а глаголы подгруппы «положения в пространстве» можно назвать конкретизаторами базовых глаголов ЛСГ «бытия-существования в определенном пространстве».

Значимость этой ЛСГ, в частности глаголов «висеть», «лежать», «сидеть», «стоять», очень велика для формирования языковой картины мира. В.М.Шаклеин в своей работе наряду с другими факторами лингвокультурной ситуации рассматривает ее пространственно-временные факторы и делает вывод, что «языки отличаются друг от друга «устройством» пространственных слов, т.е. выбором дифференциального признака объекта в качестве основы наименования, а также связанных с ним ассоциаций» [2. С. 10]. Таким образом, все пространственные слова, в частности глаголы «положения в пространстве», являются универсальной категорией каждого языка как системы и имеют большое значение в понимании языковой картины мира.

И здесь, на наш взгляд, одно из главных мест необходимо отвести характеристике денотативного пространства русского глагола, так как именно оно отражает тот процесс, ту ситуацию, которая существует в

реальной действительности. Русский глагол, в отличие от субстантивных лексем, имеет более широкую денотативную базу, так как он полностью передает ситуацию реальной действительности, в которую входит не только действие, но и другие смыслы, связанные с признаками данного процесса. Это и субъект, и объект, и инструментальная характеристика процесса, и место, и время, и образ действия и т.д.

Этот аспект глагольной семантики еще недостаточно изучен, но можно отметить исследования Ф.С.Бацевича, Л.Г.Бабенко, Ю.С.Маслова, Л.А.Новикова, Ю.С.Степанова, Т.В.Шмелевой, диссертации Ю.В.Казарина, А.М.Плотниковой.

Материалом для анализа денотативного пространства глаголов «висеть», «лежать», «сидеть», «стоять» были дефиниции Малого академического словаря, а также словосочетания, иллюстрирующие эти значения, и предложения, составленные нами самостоятельно.

При анализе лексического значения глаголов «положения в пространстве» мы выяснили, что все они имеют общие элементы, такие, как категориально-лексическая сема «занимать положение в пространстве»; дифференциальные семы «статическое положение», «определенное положение». Кроме эксплицитно выраженных дифференциальных сем, в лексическом значении есть имплицитно заложенная дифференциальная сема субъекта.

Денотативное пространство глагола формируется на основе денотативного значения, т.е. «связи знака и значения с соответствующим предметом» [3. С. 35]. Исходя из анализа лексического значения мы видим, что эти глаголы также имеют однотипные денотативные компоненты значения, которые фиксируют соотношение данной материальной оболочки с конкретной реальностью, денотатом, который она обозначает. Денотативные значения глаголов «положения в пространстве» обозначают действия, связанные с однотипными ситуациями, поэтому они имеют много общего в соотношении с левыми и правыми актантами.

Как известно, необходимым элементом семантической структуры предложения является предикативность, т. е. тот или иной предикативный признак; носитель этого признака - субъект.

Субъектность глаголов «положения в пространстве», на первый взгляд, максимально широка. Это могут быть и одушевленные субъекты, и неодушевленные (натурфакты, артефакты). Однако интересно отметить, что эти глаголы, как правило, не могут быть соотнесены с субъектами, обозначающими действия или состояния, мотивированные соответственно глаголами и прилагательными, например, с существительными «ход», «чтение», «перерыв», «смелость», «новизна», «доброта».

Все одушевленные субъекты соотносятся с этими глаголами. Например: *мужчина сидит на стуле; девочка стоит у окна; мальчик лежит на диване; спортсмен висит на турнике; птица сидит в гнезде; собака лежит у крыльца; стрекоза висит над водой; лошадь стоит в конюшне и т.п.*

Что касается натурфактов и артефактов, то здесь наблюдается избирательность в соотношениях субъекта и глагола. Мы выделили несколько тематических групп, в которых наблюдается полное соотношение, т.е. все или многие субъекты могут употребляться в речевой ситуации со всеми глаголами «положения в пространстве». Это следующие тематические группы:

- растения (*цветы стоят в вазе; шишка висит на елке; морковь сидит в грядке; сено лежит на чердаке*);
- части тела (*волосы стоят дыбом; руки безвольно висят; голова сидит на плечах; волосы хорошо лежат в причёске*);
- одежда (*белье лежит в шкафу; костюм сидит на нем хорошо; накрахмаленный воротничок стоит; пальто висит на вешалке*);
- транспорт (*поезд стоит на станции; вертолет висит в воздухе; корабль глубоко сидит в воде; перевернутая лодка лежит на берегу*);
- посуда (*вилка лежит на столе; чайник стоит на плите; пробка плотно сидит в бутылке; поварешка висит на стене*).

Но есть тематические группы субъектов, которые соотносятся не со всеми этими четырьмя глаголами. К ним относятся следующие тематические группы:

- мебель (*шкаф стоит на полу; книжная полка висит на стене; молоко стоит на огне*). Данная группа не соотносится с денотативной семантикой глагола «сидеть»;
- продукты (*лук висит в связке; хлеб лежит на столе; молоко стоит на огне*). Данная группа не соотносится с денотативной семантикой глагола «сидеть»;
- механизмы (*мои часы стоят; наручные часы лежат на столе; настенные часы висят на стене*). Данная группа не соотносится с денотативной семантикой глагола «сидеть»;
- строения (*дом стоит у реки*). Данная группа не соотносится с денотативной семантикой глаголов «лежать», «висеть», «сидеть».

Таким образом, глаголы «положения в пространстве» в целом являются полисубъектными, но степень широты или специализированности субъекта у конкретных глаголов различна, например, глагол «сидеть» характеризуется максимальной степенью специализации субъекта.

В денотат семантики данных глаголов не входят прямые и косвенные объекты, так как все четыре глагола являются непереходными,

что объясняется отражением реальных связей между предметами и действиями. Значит, категория объектности не представлена в актантной характеристике глаголов «положения в пространстве».

Но в денотативной семантике всех глаголов обнаруживается связь и с сирконстантами различного порядка.

Интересно, что все глаголы объединяются характером обстоятельства места и времени, так как пространство предполагает место, а положение предполагает время. Эти локальные, темпоральные и квантитативные значения в виде обстоятельств места и времени и существуют в качестве правых компонентов глагольной ситуации, т.е. сирконстантов; например: *стоять в коридоре; лежать на кровати; сидеть на стуле; стоять у колодца, висеть под потолком; лежать под диваном; сидеть за партой; стоять целый день; стоять днями; сидеть в тюрьме год; сидеть годами; лежать в больнице в сентябре; лежать часами; висеть на стене неделю; висеть неделями.*

Также существуют в качестве сирконстантов обстоятельственно-характеризующие значения совместности (*стоять с матерью; сидеть с другом; висеть с сумкой; лежать с книгой*) и возмездительное значение (*стоять в очереди вместо друга, сидеть вместо брата; лежать вместо тетки; висеть вместо люстры*).

Помимо этих значений существуют и собственно-характеризующие, определительные значения (*сидеть в одиночестве; стоять в пальто; лежать без одеяла; сидеть без света; висеть на сквозняке*). Такие сирконстантные значения выражаются обычно наречиями, предназначенными для обозначения вторичного признака (*лежать пластом, слоem, спиной; сидеть верхом, по-турецки, голодом; стоять дыбом, неподвижно, прямо; висеть вниз, красиво, боком*).

Таким образом, анализ денотативного пространства глаголов «висеть», «лежать», «сидеть», «стоять» выявляет их особую субъектную характеристику и характеристику ситуации, что представляется важным для раскрытия словообразовательных-семантических процессов, происходящих на базе данных глаголов.

Примечания

1. См.: Лексико-семантические группы русских глаголов: Учеб. словарь-справочник /Под общ. ред. Т.В.Матвеевой. Свердловск, 1988.

2. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация: структура и вопросы исторической реконструкции. М., 1997.

3. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учеб. пособие. М., 1982.

Имплицитные компоненты словообразовательного значения

В лингвистике последних лет активно разрабатывается проблема явных (эксплицитных) и скрытых (латентных, имплицитных) компонентов значения, и прежде всего сем. Имплицитные семы очень важны для анализа любой знаковой единицы языка, поскольку «они скрыты только в одном смысле - для исследователя, то есть сложны для теоретической интерпретации, а в плане их языкового и речевого существования и функционирования (в онтологическом плане) они не менее явны и актуальны, чем всякие другие семы» [1. С.146].

При анализе словообразовательных значений (в дальнейшем - СЗ) также необходимо учитывать такие особенности составляющих их компонентов, как эксплицитность или имплицитность. Имплицитные семы в СЗ выделяла, в частности, Е.С.Кубрякова при анализе дериватов типа *черника*; она назвала их скрытыми семами [2. С.104].

Эксплицитность/имплицитность словообразовательной семы отличается от аналогичных характеристик сем других типов значений. Обычно эксплицитными признаются семы, имеющие в данной языковой единице специальное формальное средство для своего выражения. В этом смысле (если признавать, что носителем СЗ является словообразовательный аффикс) все семы СЗ можно считать эксплицитными.

Деривационные семы могут быть разделены на эксплицитные и имплицитные на ином основании. Если в формулировке СЗ та или иная сема представлена отдельной семантически «примитивной», прозрачной в смысловом отношении лексемой, то она (сема) является эксплицитной; если же деривационная сема скрывается в формулировке СЗ в лексическом значении одного из компонентов толкования, то она имплицитна. Например, сема пространственной локализации действия эксплицитна в СЗ «совершить действие, направив его наружу/внутри» (формулировки СЗ приводятся по: Русская грамматика. М., 1980. Т.1), поскольку манифестирована наречиями с пространственным значением *наружу, внутри*; она же имплицитна в СЗ «очистить, удалить остатки чего-л.», поскольку пространственная направленность действия обнаруживается лишь при компонентном анализе значения глаголов-идентификаторов *очистить, удалить (удалить - «убрать, вынести, вывезти, вывести»;* *вывести - «удалить от к у д а - л., з а п р е д е л ы чего-л.»*).

Эксплицитные семы в дефиниции СЗ могут манифестироваться:

а) самостоятельной лексемой в прямом основном значении: «совершить действие **многократно**», «лишить **того, что** названо мотивирующим существительным»;

б) сочетанием слов с прямым номинативным значением: «совершить действие **один раз/не раз**», «совершить действие с **незначительной интенсивностью**»;

в) средствами косвенной номинации, позволяющими выявить данный компонент значения, опираясь на элементарные логические умозаключения: таксисность действия в СЗ «презволить другого исполнителя действия» манифестирована сочетанием слов *другой исполнитель действия*, совершение действия несколькими производителями (на это наталкивает лексема *другой*) предполагает совершение его не один раз и обязательную соотнесенность по времени с моментом совершения его первым субъектом;

г) морфемой в составе одного из слов толкования СЗ; так, сема таксиса в СЗ «достигнуть *согласованности, взаимопонимания*, совершая действие, названное мотивирующим глаголом» манифестирована префиксом *со-* и префиксоидом *взаимо-*;

д) грамматической формой одной из лексем толкования, например, семы таксиса и многократности совершения действия в СЗ «издавать звуки, названные мотивирующим местоимением / звукоподражанием / междометием» (*выкать, мяукать, ахать*), «соединять в группы, состоящие из стольких единиц, сколько названо мотивирующим числительным» (*сдвоить, строить*) манифестируются формой множественного числа субстантивов *звуки, группы*, которая предполагает неоднородность действия.

Наличие имплицитных сем значительно расширяет границы и состав деривационных полей и подполей (подробнее о деривационных полях и подполях см.[3]; например, в деривационном поле фазовости 69 СЗ имеют эксплицитные семы той или иной фазы действия, но еще 53 - имплицитные (ср. СЗ типа «уничтожить что-л.», «восстановить результат предыдущего действия» и т.п.). Имплицитные семы соответствующего содержания добавляют в деривационное поле темпоральности еще 27 СЗ; в поле актантности - 58 СЗ; в поле обусловленности действия - 211 СЗ и т.д.

Семантические признаки разных деривационных полей не в одинаковой степени склонны к имплицитному или эксплицитному способам выражения. Как показали наблюдения, стремятся к эксплицитности такие семантические компоненты, как семы локативности, темпоральности, фазовости и интенсивности: соответственно 98, 76, 77 и 74 % всех СЗ этих полей имеют эксплицитные семы такого содержания.

Примыкают к ним СЗ, фиксирующие результат действия, обусловленный внутренней направленностью действия. Обычно имплицитны семы модальности (92% СЗ деривационного поля модальности имеют в своем составе имплицитные семы такого содержания и лишь 8% – эксплицитные) и обусловленности, особенно причины и следствия (соответственно 64% и 36% СЗ).

Компоненты кратности и актантной характеристики действия могут быть как эксплицитными, так и имплицитными: 50 - 55% из них эксплицитны. Эти семы настолько сильны или важны для качественной определенности действия, что - в силу своей обязательности и очевидности - могут опускаться при толковании СЗ; таковы, в частности, значения объекта действия, субъекта-каузатора, многократности действия и т.п.

Источники имплицитности словообразовательных сем различны. Как показывают наблюдения, имплицитность деривационной семы может быть лексической или пресуппозиционно-логической. Первый вид имплицитности выявляется при компонентном анализе лексем, входящих в толкование СЗ. Например, в СЗ «обмениваться действиями, названными мотивирующим глаголом» нет прямой таксисной характеристики действия, но глагол *обмениваться* передает чередующиеся и взаимообуславливающие друг друга действия. Второй вид имплицитности обусловлен существованием объективных закономерностей совершения каких-либо действий в действительности и отражением этих взаимосвязей в сознании человека и языке. Так, СЗ «распространить действие на несколько субъектов или объектов» (*повставать*) может быть расшифровано - исходя из повседневного опыта носителей языка - как происходящее.

Вероятно, источники и причины имплицитности могут быть и другими, но на этот вопрос дериватология пока не предложила более глубокого ответа, поскольку вопрос о скрытых семах в словообразовании только поставлен и ждет своего дальнейшего исследования.

Примечания

1. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.
2. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.
3. См.: Попова Т.В. Деривационно-семантическое пространство русского глагола: Автореф. дис. д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998.

Дифференциально-эмотивные глаголы с семантикой удивления (на материале русского и английского языков)

Мы проанализировали глаголы, описывающие эмоцию удивления в русском и английском языках. Все глаголы рассматриваемой группы имеют категориально-лексическую сему «внешнее проявление удивления». Для анализа было взято 50 глаголов русского языка (типа *вылупиться, уставиться, онеметь* (от удивления), *ухнуть* (от удивления), *присвистнуть* (от удивления) и т.д.) и 41 глагол английского языка (типа *to roll* (one's eyes from surprise), *to stare*, *to startle*, *to be dumbfound*, *to stun*, *to gasp* и т.д.).

Результаты анализа можно привести в виде схемы:

	Русский язык	Английский язык
1	КЛС *раскрытие глаз +ДСУ** прич.	КЛС движение глаз +ДСУ прич.
2	КЛС неподвижность глаз +ДСУ прич.	КЛС неподвижность глаз +ДСУ прич.
3	КЛС восклицание +ДСУ образ.	КЛС восклицание + ДСУ прич.
4	КЛС неподвижность тела +ДСУ прич	КЛС прекращ.сознат. деят-ти +ДСУ прич
5	КЛС телодвижение + ДСУ опред.	КЛС телодвижение +ДСУ прич.
6	КЛС прекращ. реч.деят-ти +ДСУ прич.	КЛС наруш. реч.деят-ти + ДСУ цель
7	КЛС звучание +ДСУ прич.	КЛС прекращ.деят-ти слух.аппарата +ДСУ цель
8	КЛС свист +ДСУ прич.	КЛС остановка дыхания + ДСУ прич.
9	КЛС мимика + ДСУ образ.	
10	КЛС жест + ДСУ опред.	

*КЛС - категориально-лексическая сема.

**ДСУ - дифференциальная сема удивления.

Из приведенной схемы видно, что только вторая, третья и пятая модели КЛС совпадают в русском и английском языках, а именно семы *восклицание, неподвижность глаз, телодвижение*, что составляет около

30% КЛС, остальные 70% не совпадают вообще или имеют вариации, например, КЛС *раскрывание глаз* в русском языке и КЛС *движение глаз* в английском языке. Как видим, в русском языке нет КЛС *нарушение речевой деятельности*, в то время как в английском языке эта модель имеется.

Доклад содержит выводы по данным проведенного исследования. Анализируются сходства и различия в описании внешнего проявления удивления в русском и английском языках.

Далее в докладе глаголы этой группы анализируются с точки зрения национально-культурной специфики, определяющей языковое развитие в отображении эмоций, в частности эмоции удивления.

В русском языке удивление является внешней реакцией. В английском языке эмоция «удивление» может иметь дифференциальную сему «цель», которая в русском языке не обнаруживается.

Англичане предпочитают выражать удивление молча, в то время как русские зачастую выражают его голосом.

Е.Е.Романова
Уральский университет

Страдательный залог в научном тексте и его перевод с английского на русский язык

Научный стиль характеризуется рядом свойственных только ему лексико-синтаксических особенностей, обусловленных функционально. Одной из таких особенностей является широкое употребление глагольных форм страдательного залога в научном тексте. В 1862 г. Х. Штейнталь писал: « Страдательный залог является вообще там, где действие должно быть представлено как происшедшее (ausgeführt), без обращения внимания на производителя действия, который является предметом неважным или неизвестным или понятен сам собою; или действие представляется отрешенным (abgelöst) от производителя действия, для того, чтобы тем сильнее выступал факт сам по себе. Безлично употребление страдательного залога относится также сюда: es wurde getanzt (букв.: было танцовано), все равно с кем бы то ни было; сущность заключается в совершении действия».

В научном стиле страдательный залог используется, вероятно, чаще, чем в любом другом, поскольку именно здесь неважно, кто совершил действие (сделал находку, открытие, установил факт). Здесь факты сами по себе представляют интерес. Кроме того, научный стиль

интересен с точки зрения самого языка и его конструкций, которые не должны отражать субъективный стиль и идиолект автора. Все выше обозначенное при переводе естественно-научного текста с английского языка на русский вызывает ряд трудностей общего и частного порядка.

Тогда как в английском языке однозначно выделяются действительный и страдательный залоги (The author studied the problem и The problem was studied (by the author)), в русском принято говорить о возвратном и невозвратном залоге глаголов. Но из этого не следует, что значение страдательности не свойственно русскому языку совсем. По словам В.В. Виноградова, который, в свою очередь, ссылается на труды Потебни, « генезис страдательного залога связан с развитием пассивных конструкций предложения» [1. С. 501]. Согласно его анализу, в русском языке есть такие типы страдательных оборотов: а) предикативные; б) атрибутивные. В состав предикативного страдательного оборота входит возвратная форма глагола, атрибутивный же страдательный оборот образуется страдательными причастиями. В предикативном страдательном обороте нет полной страдательности. «Под страдательностью предикативного оборота можно разуметь лишь то, что его субъекту приписана посредством сказуемого степень энергии меньшая, чем в обороте действительном»(А.А. Потебня). В страдательных атрибутивных (т.е. причастных) оборотах выражено «состояние предмета»; точнее, в них признак, данный в субъекте, составляющий его состояние, представляется производением объекта, который, впрочем, может быть вовсе не назван (например: *поручение выполнено; дело сделано*) [1. С.501].

Далеко не от всех переходных глаголов образуется форма страдательных причастий. Употребление возвратных форм в страдательном значении в современном языке ограничено преимущественно категорией несовершенного вида. Формы прошедшего времени совершенного вида почти не употребляются (невозможна конструкция: *дом построил лучшим архитектором*).

Но и страдательные обороты, куда входили бы причастия с суффиксами *-ом-, -ем-, -им-* даже от тех глаголов, от которых причастные образования на *-мый* продуктивны, свойственны далеко не всем стилям русского языка. Стилистическая сфера употребления этих пассивных оборотов ограничивается официально-канцелярским, *научно-техническим*, газетно-публицистическим и примыкающим к ним повествовательным стилями русского языка.

Развивается все более тесное соотношение между пассивными оборотами и оборотами безличными. Причастно-пассивные обороты, не поддержанные творительным падежом действующего лица или предме-

та, все более отходят от системы глагола в категорию состояния. Пассивность характеризует не столько действие, сколько состояние.

В английском же языке страдательный залог, как говорилось выше, входит в глагольные категории. Эта форма употребляется в следующих случаях:

- Действующее лицо неизвестно: *Many substances have been shown to cause cancer in animals.*

- Действующее лицо не представляет интереса: *I have been told that Chinese is a difficult language for Americans to learn.*

- Действующее лицо очевидно по контексту: *Our golden retriever would not allow other dogs in his territory. Once a Doberman pincher trespassed into our land and would have been killed if not intervened.*

- Автор стремится к объективному звучанию: *In one experiment pregnant rats were allowed to deliver their pups and to nurse them for four weeks.* Именно с этим значением страдательного залога мы сталкиваемся в научных и технических текстах. Страдательность помогает автору избегать постоянного повторения «я» или «мы» в качестве субъекта и способствует созданию объективного тона, к которому стремятся многие ученые. Тем не менее, чтобы не перегружать текст, рекомендуется употреблять также «мы» в качестве подлежащего.

- Автор пытается не упоминать действующее лицо: *The refrigerator door has not been properly closed.*

Однако в некоторых случаях удобно употреблять страдательные конструкции с указанием на действующее лицо, чтобы:

- выделить агента действия: *He refuses to vote for Ron Tulworth as leader, and he was privately and publicly scoured for that decision by his former comrades;*

- избежать употребления слишком длинного действительного подлежащего: *The city is governed by a Democratic mayor and a city council that is divided equally between Democrats and Republicans;*

- сохранить один субъект для подчиненного придаточного: *The chairman proposed changing the rules for admitting new members, but he was overruled by the rest of the committee.*

Рассмотрим ряд примеров использования и перевода страдательных конструкций в научном тексте из книги «Экология» [2, 3];

Charles Darwin's (1859) theory of evolution by natural selection may be thought of, simply, as resting on a series of propositions.

В основе теории эволюции путем естественного отбора, предложенной Чарльзом Дарвином в 1859 году, лежит несколько допущений.

С лексико-синтаксической точки зрения здесь два различных предложения. Чем это объясняется? В английском варианте страдательный инфинитив придает фразе объективное звучание. Кроме того, субъект действия не представляет интереса. Русский перевод обусловлен стилистическими требованиями, поскольку при попытке сохранить оригинальную конструкцию авторы бы получили: «Теория эволюции путем естественного отбора Чарльза Дарвина (1859) может представляться как основывающаяся на ряде допущений». Оригинальная страдательная конструкция несла оттенок предположения, утерянный при переводе. Двусмысленное звучание дословного перевода, вернее, перевода с сохранением порядка слов, привело к полному изменению синтаксической конструкции.

Встречаются примеры, где оригинальный синтаксис сохраняется полностью за счет средств выражения страдательности, имеющих в русском языке:

A number of examples are shown in Figure 1.10.

Ряд примеров приведен на рис. 1.10.

Краткое страдательное причастие, составляющее атрибутивную страдательную конструкцию, близко передает значение английского страдательного глагола.

Часты примеры перевода английских страдательных конструкций с помощью русских действительных. При этом, как в примере ниже, английский глагол может содержать в себе оттенок действительного значения:

The flesh of such fruits has been derived from quite different structures in different parts of the plant kingdom.

У различных представителей растительного царства мякоть плодов ведет свое происхождение от совершенно разных структур.

Пытаясь сохранить страдательный оттенок значения глагола *has been derived*, переводчики могли бы дать такой перевод: «Мякоть таких плодов *получается* из совершенно иных структур в различных частях растительного царства».

Примеры перевода английских страдательных глаголов с помощью русских возвратных встречаются особенно часто:

These features are discussed lucidly and in some detail in Williamson's (1981) book, and are touched on in several Chapters here.

Особенности эти вразумительно и достаточно подробно обсуждаются в книге Уильямсона; затрагиваются они и в некоторых главах настоящей книги.

The rate of change appears to be limited by the rates of spread of the main species.

Скорость этого изменения, по-видимому, лимитируется скоростями распространения основных лесообразующих пород.

Кроме того, английские страдательные глаголы, представляющие сказуемое относительного придаточного, возможно переводить на русский язык с помощью действительных или страдательных причастий прошедшего времени:

The rate of speed dispersal may have limited the speed with which some plant species colonized the environments that were created.

Скорость заселения некоторыми растениями возникавших местообитаний, возможно, лимитировалась скоростью распространения их семян.

В данном случае подобный перевод опять же обусловлен присущим английскому глаголу возвратным элементом значения: «местообитания создавались».

Изредка в научном тексте и его переводе упоминается субъект действия:

This was vigorously denied by geologists.

Гипотеза Вегенера с негодованием отвергалась геологами.

Подводя итог рассмотрению примеров возможного перевода страдательных конструкций научного текста с английского языка на русский, можно привести процентное соотношение предикативных и атрибутивных страдательных конструкций русского языка, к которым прибегали переводчики «Экологии» (мы использовали данные одной главы книги): 44% принадлежит предикативным конструкциям, 30% - атрибутивным, а оставшиеся 26% приходятся на действительные конструкции и другие способы, которые, может быть, и представляют особый интерес.

Примечания

1. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 3-е изд., испр. М., 1986.

2. См.: Бигон М., Харпер Дж., Таунсенд К. Экология: Особи, популяции и сообщества / Пер. с англ. В.В. Белова, А.Г. Полымского, В.Н. Михеева и М.А. Снеткова; Под ред. д-ра биол. наук А.М. Гилярова. М., 1989.

3. См.: Begon, Harper, Townsend. Ecology: Individuals, populations and Communities. Oxford, 1988.

Архаические глаголы в северно-русских говорах

Русский Север традиционно считается сокровищницей этнографических и языковых архаизмов. Мы остановимся на трех архаических глаголах, зафиксированных полевыми материалами Топонимической экспедиции Уральского государственного университета.

Бости, бусти (ся) и приставочные. Словарь русских народных говоров фиксирует **бости, бостись**, а также **бость, боститься** на очень широкой территории, охватывающей Русский Север и зоны вторичного заселения (Урал, Сибирь) [1. С. 126]. Форма инфинитива фиксируется довольно редко, чаще удается записать лишь личные формы: *Корова будется; булась; бык забул, забудет* и т.п., которые обнаруживают архаическую согласную основу с оформлением настоящего времени по 1-му классу (в соответствии с классификацией Лескина). Интересен пример, зафиксированный Словарем вологодских говоров: *Научилась коро-ва бостись, дак теперь спасу никакого нет, все и бодается* [2. С. 41] – где основа настоящего времени образована по продуктивному классу.

В плане семантики здесь интересно развитие значения. Этимологически первично «колоть» [3. С. 222 - 223]. Древнерусское **бости** толкуется И.И.Срезневским не без воздействия современного значения «бодать (рогами, копытами, острием оружия)» (хотя затем добавляется латинское *runge*, обладающее значением гораздо более широким): *Не тако бодеть оружие, яко же клятвы естество... Одва изотяша князя боденого тремя копыи... Два татарина поидоста по городу секучи и бодучи... Вся сила Псковская поидоша по них, овы секучи, а иныя бодучи. Бостися – «сражаться»: Занеже острог проломити хотяху, из ручь бодяхуся* [4. С. 158]. Современный словарь древнерусского языка формулирует значения рассматриваемого глагола более точно и подробно: «бить, колоть чем-либо острым», «бить, лягать», «беспокоить уколами», «уязвлять, ранить, терзать» и, наконец, лишь в последнем, третьем по счету значении – «бодать» [5. С. 302].

Если оценивать эти факты с точки зрения семантики, можно говорить о более свободной семантической связи (шире диапазон включенных актантов). В говорах остаются только «рожки», хотя СРНГ дает и такие варианты: **бостись** - «бороться, ссориться» (только как образное переосмысление *быки бодутся* – о молодоженах; *бодутся друг с дружкой большевики с кулаками*). Кроме того, СРНГ фиксирует также **бости** - «идти в ход, удаваться», но это скорей неправильно интерпретирован-

ная форма будет от **быти** (*Ваше дело бодет – идеси в ход*; ср. **будет** и **сойдет**). В литературном языке слова **бости** нет, а **бодать** преобразует свою семантику – «ударять лбом, колоть рогами», представляя не столько характеристику действия, сколько изображение движения. Ср. *бодливой корове бог рог не дает* – но она бодливая все-таки!

Древнерусск. **тети**, **тепу** – «бить, колотить», «изгонять», **тетися** – «быть наказанным ударами» [4. С. 951]. У Даля **тети**, **тепти**, **тятъ**, **тнуть**, **тинать**, **тнити** – «рубить, резать, сечь, отсекасть, колоть, тыкать» [6. С. 403 - 404]. Фасмер разводит **тятъ** и **тети**, объединяя последнее с **топать** [7. С. 44 - 45]. В современных диалектных словарях глагол не зафиксирован. По данным Топонимической экспедиции Уральского университета, в говорах Русского Севера – только в Усть-Кубенском и Харовском районах – **тети** отражен в фразеологизме *трун труна тепет*, *трун повозничают*; ср. также *он меня дотеп*, т.е. «замучил»; **тетись** имеет следующие значения: 1) «много работать, трудиться изо всех сил»: *Она всю жизнь теплась, бойко работала. Вот до чего теплись, все силы вышли*; 2) «маяться, мучиться»: *Хозяйка корову доит на улице и мухи кусают, говорят: «Тепется, как на оводах»; Теплась я с им, все силы выложила*. Глагол в инфинитиве не зафиксирован ни разу, поэтому встает проблема его восстановления. Материалы В.И. Даля свидетельствуют, что возможно как сохранение древней формы с упрощением сочетания *пт*, так и развитие новой, допускающей такое сочетание. В выражении *трун труна тепет*, *трун повозничают* реализуется именно древнее значение «бить, колотить», для возвратной формы налицо развитие экспрессивного компонента.

Рачить в древнерусском языке – «любить, соизволять, хотеть, заботиться, думать, хотеть, соглашаться, быть в силах, оказывать милость» и т.п. [4. С. 111; 8. С.121]. Фасмер предполагает связь с **речи**, **рок** [9. С. 450 - 451]. У Даля **рачить** – «усердно стараться», «желать, хотеть, радеть, усердствовать, ревновать, печься или заботиться, все-ильно стараться, делать что-либо внимательно и прилежно». Он связывает **рачить** с **радчить**, **радость** [6. С. 8 - 9]. В говорах Русского Севера **рачить**: 1) «беречь» (Арх, Кон): *Не стоит мучиться, лук рачить, у детей свой; Ране пахали и рачили за землей-то, а в колхозах не рачат; Никто не рачит ныне, церкву разорили всю; Ново точно рачили, в рибушу завертывали*; 2) «думать, предполагать» (Влг, Выт): *Я и не рачила, што щас так жить буду; Уж не знаю, рачила выехать ли нет*; 3) «использовать»: *Платочек у меня есть, я уж ево не рачу*. Обнаруживающаяся в говорах энантиосемия (беречь – использовать) в литературном языке приводит к совмещению сем в одном значении, ср. **рачи-**

тельный - «старательный, заботливый, усердный», «бережный, хозяйственный, целесообразный».

Примечания

1. См.: Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–1997. Вып.3. (СРНГ).
2. Словарь вологодских говоров: А – Г. Вологда, 1983.
3. См.: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1975. Т.2.
4. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т.1.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып.1.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т.4.
7. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т.4.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1997. Вып.22.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т.3.

Т.Н. Сивкова
Уральский университет

Русский глагол в фокусе лексико-семантических исследований

Русский глагол и его семантика, разрабатываемые в 70-е гг. известным лексикологом профессором Э.В. Кузнецовой, находятся в центре внимания отечественной лингвистики (Ю.Д. Апресян, П.Н. Денисов, Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин, В.П. Москвин, В.Н. Немченко, Л.А. Новиков, В.Н. Теля, А.А. Уфимцева, Н.Ю. Шведова и др.). В течение последних десятилетий активно разрабатываются как общие вопросы системности лексики, ее полевой организации, так и конкретные вопросы, связанные с глагольной лексикой. Проблемы глагольной семантики сегодня решаются в различных аспектах. Рассмотрим некоторые из них.

Большинство исследователей рассматривают лексико-семантическое пространство русского глагола как сложное образование. По мнению И.А. Новикова, оно состоит из определенного множества «взаимосвязанных (и пересекающихся) семантических общностей (полей, подполей, лексико-семантических групп - ЛСГ, синонимических, антонимических рядов и т.п.), которые можно рассматривать как части, фрагменты семантического пространства» [1. С. 32-33]. Однако следует отметить, что у современных лингвистов нет единства во взглядах на сущность и критерии выделения семантических общностей слов.

Несмотря на большую разработанность глагола в лексико-семантических исследованиях, в настоящее время остаются актуальными методологические исследования, цель которых - «углубление научного представления о лексике как функциональной системе, учет человеческого фактора в ее функционировании и развитии, обращение к категориям «активной лексикологии», «наиболее полно и адекватно отражающим лексическую систему языка (семантическому полю и его составляющим - лексико-семантическим группам) и понятиям, лежащим в их основе» [2. С. 91-92].

Типологическое изучение лексико-семантического пространства глагола невозможно без анализа и исследования отдельных его звеньев, участков, фрагментов. Так, не прекращается работа по изучению системной организации русских глаголов учениками профессора Э.В. Кузнецовой, членами проблемной группы «Русский глагол», возглавляемой профессором Л.Г.Бабенко. В центре внимания исследователей находится не только механизм взаимодействия различных по природе и статусу лексико-грамматических классов слов (межсловная парадигматика), но и скрытая пересекаемость классов слов на уровне семной структуры слова (внутрисловная парадигматика).

Ученики и последователи идей Э.В. Кузнецовой продолжают исследовать неоднородные по своим свойствам лексические классы (глаголы комплексной полипрозитивной семантики, глаголы с включенной актантной рамкой, абстрактные, социально-обобщенные и конкретные глаголы, глаголы сложного действия, глаголы-антонимы), а также категориально-грамматические и лексико-грамматические классы - способы глагольного действия, возвратные глаголы, деривационные классы, аналитические глаголы, соотнося их с ЛСГ глаголов [3].

Уникальное объединение базовых идентификаторов ЛСГ русских глаголов, «отражающих, практически, все факты процессуально-событийной действительности», их специфика, синтаксическая организация словарных дефиниций базовых глаголов с учетом степени абстрактности и конкретности глагольной семантики, симбиоз четырех диффузных семантических сфер: натурдинамики, биодинамики, радиодинамики и социодинамики - впервые стали предметом исследования Ю.В. Казарина [4].

В современной лингвистике активно разрабатываются проблемы предикатно-актантных связей, валентных свойств и семантических ролей глаголов (Ф.С. Бацевич, Ю.А. Левицкий, Т.С. Саевич, Т.В. Шмелева). Исследуя глаголы с включенными актантами и глагольную валентность, О.А. Михайлова, А.М. Плотникова рассматривают русский глагол как сложный лексический знак и свернутую предикативную единицу. Имеются много-

численные работы, посвященные синтагматике русского глагола, что само по себе является предметом особого рассмотрения.

В составе русской глагольной лексики возвратные глаголы представляют особую микросистему. Неоднородные и нестандартные в семантическом плане, они занимают своеобразное место в семантическом пространстве русского глагола. Исследование семантического пространства возвратных глаголов, их количественная представленность в разных семантических полях, анализ взаимодействия грамматических и собственно лексических характеристик возвратных глаголов, проведенные И.М. Волчковой, являются весомым вкладом в создание глобальной семантической классификации глагольной лексики.

В русле исследования «семантических расстояний» в лексике М.Л. Кушова осуществлена разработка семантической типологии глагольных антонимов в составе ЛСГ русских глаголов, определила их денотативное пространство. Автор исследует семантические группы общеотрицательных и частноотрицательных глаголов, обращается к манифестации отрицания в рамках глагольного класса.

Одним из «вечных» вопросов русской лингвистики является установление инвариантного значения вида русского глагола. Так, Е.В. Падучева, исследуя семантику и прагматику несовершенного вида в императиве, уделяет внимание «прагматике видового противопоставления» в русском языке, т.е. таким типам речевых актов, в составе которых выступает та или иная видовая форма.

Многие явления глагольной морфологии и глагольного словообразования невозможно объяснить без обращения к типовой лексической семантике, лежащей в основе ЛСГ. Лексико-семантические группы глаголов, синонимические и антонимические ряды глаголов, построенные с использованием однотипного деривационного средства, морфосемантические парадигмы глагольных слов, глагольная «активность», выражающаяся в способности глагола к словопроизводству и словосложению, в способности обрастать новыми значениями, входить в состав фразеологических единиц и т.д., находятся в центре внимания лексикологов и дериватологов (А.А. Кретов, Н.А. Гоголина, А.И. Кузнецова, Е.Е. Жуковская, Л.Ф. Клеопатрова, Л.А. Вараксин, И.Т. Вепрева, Г.Н. Плотникова, И.М. Слонимская, Т.Г. Пономаренко, В.Ф. Черепанова, В.М. Цапникова и др.).

Общеизвестную взаимосвязь лексики и словообразования подтверждает Т.В. Попова, отмечая, что «между деривационными и лексическими классами слов нет непроходимых границ, напротив - много явлений, объединяющих их» [5. С. 287]. Так, Т.В. Попова не только исследует способы глагольного действия и их место среди грамматиче-

ских классов слов, но и их лексико-семантическую мощность с учетом типовой акционсартной парадигмы ЛСГ глаголов.

Если типология глагольных полисемантов изучена достаточно хорошо (О.Н. Селиверстова, Д.Н. Шмелев, А.П. Чудинов, Н.А. Боровикова и др.), то словообразование и полисемия производного глагола исследованы явно недостаточно. В настоящее время изучается семантическая соотносительность производных и производящих глаголов, степень семантической целостности русских корней (И.Т. Вепрева, Н.Д. Голев, Г.Н. Плотникова, Т.В. Попова, О.Е. Мелкозерова, И.В. Миронова, Н.И. Соболева и др.).

Сторонники вербоцентрического подхода к предложению связывают представления о его структуре и семантике с понятием семантического типа предиката. Так, С.Д. Кацнельсон отмечает, что «в содержательном плане глагольный предикат - это нечто большее, чем просто лексическое значение. Выражая определенное значение, он в то же время содержит в себе макет будущего предложения» [6. С. 49].

Учитывая сложный характер денотата глагола (мир действий, событий, отношений), особую синтаксическую роль глагола, многие исследователи считают, что полное описание глагольных классов невозможно без привлечения данных синтаксической науки. В настоящее время активно разрабатывается семантический синтаксис (Н.Д. Арутюнова, Г.А. Золотова, Н.Ю. Шведова, Е.В. Падучева, Т.В. Булыгина, Л.Г. Бабенко и др.), который вышел на первое место в языкознании в связи с поворотом к изучению «смысла языковых единиц, больших, чем слово, - предложений и текстов» [7].

В этом русле Н.А. Егоренкова исследует семантические типы предикатов причинной обусловленности, психофизической реакции. Исследователь Р.А.Иванова показывает, как модусная структура с соответствующим типом логического предиката репрезентируется различными лексико-грамматическими индексами. С.В.Чернова рассматривает на семантической оси «замысел - осуществление замысла» модальные и фазисные предикаты. Н.А.Герасименко исследует семантику предикативных признаков в бисубстантивных предложениях. Новым, по мнению Е.В. Падучевой, в современной лингвистической науке является изучение денотативного статуса глагола и его отражения в семантическом представлении предложения.

В лексикографических описаниях большое внимание уделяется глаголу. Глагольная лексика представлена в Словаре перестройки [8], в Словаре русских политических метафор (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов), в Толково-энциклопедическом словаре политической глагольной лексики (В.В.Бакерин, Л.Л. Шестаков). Под руководством профессора

Л.Г.Бабенко идет работа над созданием словаря нового типа - «Лексико-семантические группы русских глаголов и семантические модели предложений».

Семантическая проблематика специальных слов широко представлена в области лексики. Особый пласт в лексической системе русского языка представляют термины, употребляющиеся в определенной области знания или сфере деятельности. Глагол в этом аспекте практически не изучается. Известный терминолог З.И. Комарова рассматривает лексико-семантическое пространство русских глаголов и их синтаксических дериватов в специальной области знания - сельскохозяйственной отрасли - и дает понятийную, тематическую и лексико-семантическую классификацию глаголов исследуемого поля. Она предлагает классифицирующие критерии для терминов-глаголов и указывает отношения, которые детерминируют глагол в терминологической системе.

Вопросы семантической эволюции глагола являются по большей части неразработанными (А.Н. Трегубов), поэтому в центре внимания современных лингвистических школ находится не только синхроническое, но и диахроническое развитие семантических проблем. Интерес для исследователей представляют глаголы зрительного и слухового восприятия в истории языка (Т.П.Алексеев), глаголы «верборум каденди» («умирания») в старославянских памятниках письменности XI - XVII вв. (Р.И.Мальцева), «горизонтальные срезы» в истории становления отдельных групп, состояние и развитие лексической системы (и ее ЛСГ) в период XIX в. (В.М. Шетэля), история славянского глагола [9].

Широко представлен русский глагол как объект сопоставительных исследований в зарубежной лингвистике. Особый интерес представляют контрастивные описания русской и славянской глагольной лексики с широким и разнообразным спектром анализа. Так, болгарские русисты исследуют вопросы системности лексики (Э.Э.Секанинова), переносные значения глаголов звучания в русском и болгарском языках (М. Райчева), глаголы со значением «излучать свет» (А.Карловска), лексико-семантическую основу сочетаемости русских глаголов «ходить - идти» в сопоставлении с их болгарскими эквивалентами (А.Георгиева). Сербохорватские лингвисты решают следующий круг проблем: параметры лексикографического описания глаголов (Р.Мароевич), русские и сербохорватские глаголы в деривационном аспекте (Е.Матяшевич), сравнительно-исторический анализ глагольной лексики (Д.Чампар), полисемия глагола «идти» в сербохорватском и русском языках (М. Радич-Дугонич) и др.

Структура, семантика и функционирование глагола в русском языке является предметом изучения в работах американских, немецких,

польских, итальянских русистов, которые исследуют отдельные глаголы. Так, Х.Ч. Панде изучает семантику глаголов «существовать», «иметься»; Р. Эккерт - глаголы «ломать», «резать»; С.Ваймберг - глаголы «движения»; К. Аппельман - модальные глаголы; Ф.Ф.Джусти исследует предикаты, выражающие физическое, психологическое состояние.

Не ослабевает интерес лингвистов к рассмотрению глагола (его семантики и функционирования) в тексте художественного произведения (М.И. Черемисина, Л.Г. Бабенко, Н.А. Купина, Ю.В. Казарин, М.Ю.Мухин и др.). Есть конкретные исследования глаголов движения в прозе А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова (О.Е.Фролова), глаголов звучания в прозе А.Гайдара (Л.В. Филиппова) и др.

Представленный обзор исследований лексико-семантического пространства русского глагола показывает, что изучение глагольной лексики идет не только в русле анализа парадигматических связей глаголов, их синтагматических свойств, многозначности глагольного слова, синонимических и антонимических глагольных групп, но и на уровне исследования грамматических особенностей и словообразовательных процессов в их соотносительности с ЛСГ глаголов, диахронии русского глагола, в контрастивном и прагматическом аспектах.

Следует отметить увеличивающийся интерес современных исследователей к русскому глаголу и его семантике в антропологическом и лингвокультурологическом аспектах (А.М. Грачев, А.С. Герд, Ю.Н. Караулов, С.В. Редькин, Т.В. Смирнова, И.А. Стернин, Г.М. Шипицына, Л.А.Шкатова, Т.А. Пестрикова, О.А. Михайлова и др.), что требует специального рассмотрения.

Примечания

1. Новиков А.И., Ярославцева Е.И. Семантические расстояния в языке и тексте. М., 1990.
2. Новиков Л.А., Чистякова И.Ю. Об основах построения курса «Лексикология русского языка» // Лексика и фразеология: новый взгляд. Разд. «Лексикология». Тез. 2-й межвуз конф. М., 1990.
3. См.: Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Э.В.Кузнецовой / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997.
4. Казарин Ю.В. Роль абстрактных и конкретных глаголов в формировании языковой картины процессуально - событийного мира (на материале русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1992.
5. Попова Т.В. Лексико-семантические группы в деривационном освещении // Русская глагольная лексика
6. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.

7. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике. М., 1983.
8. См.: Словарь перестройки. СПб., 1992.
9. См.: Исследования по глаголу. М., 1991.

Л.В.Серегина
Уральский университет

Глагольно-метафорические «коллажи» в произведениях Виктории Токаревой

Метафорическая организация языка в произведениях В.Токаревой, относящейся к слову как семиотик, мыслящий символами, парадоксами, образами, находится в прямой зависимости от ее творческой ориентации, способа создания своей модели миропонимания.

Метафорические «коллажи» Виктории Токаревой отражают отношение художника к слову, из которого можно создать гармонию и дисгармонию, которым можно навевать сны, миражи, иллюзии на любой вкус, создавать индивидуальную литературно-художественную картину мира через индивидуально-авторскую метафору, обладающую одноразовостью, первозданной конкретностью, умением передать уникальность, неповторимость речевого поведения автора, его компетенцию, интуицию.

Мы пытались организовать метафорическое пространство языка Токаревой, разбив его, согласно рема-темной логике, на десять частей, составляющих своего рода коллаж, где каждый кусок метафорической картины читается автономно как семантический жест, озарение, и, казалось бы, ничего общего не имеет с соседним, но объединяет их даже отдаленное родство мотивов - такова суть художественных зарисовок мастера.

Весь инвентарь глагольных метафор, каталогизированных нами и упорядоченных по новой методике, представляет собой глаголы разных ЛСГ с актуализацией признака процесса через процесс, перенос в которых рождает в семной структуре слова всевозможные ассоциации, связанные со зрительным, акустическим, физическим, психологическим восприятием и др.

В данном докладе дается анализ только одной части глагольно-метафорического «коллажа» с локальным названием «Бурлящий суп из страстей человеческих».

Заданная глагольными метафорами картина человеческих чувств их оттенками от любви и нежности до ревности и злобы, выполнена в виде модели олицетворения.

Семантика словесного «коллажа» расширяется за счет развернутых речевых фигур, заданных богатыми метафорическими возможностями отглагольных прилагательных /причастий, перенос в них развивается по типу мотивирующего глагола, где признак качества обозначается через процесс, рождая картину физических и нравственных страданий «бурлящего» субъекта.

Препарируя слово на уровне валентности, обеспечивая богатство парадигматики при создании языковой картины мира, автор остается адекватен самому себе: склонным к насмешливой иронии, юмору по причине стихии своей личности.

*Т.И.Смирнова, З. Таштан
Уральский университет*

Типы ошибок при употреблении видов глаголов в русской речи турецких учащихся (некоторые практические выводы из анализа картотеки ошибок)

Преодоление любых отклонений от действующих языковых норм в речи иностранных учащихся – одна из главных задач, стоящих перед преподавателями. Однако эффективность такой работы во многом зависит от умения преподавателя прогнозировать ошибки и предупреждать их.

Русский язык относится к флективному типу языков. Словоизменение в русском языке осуществляется посредством флексии, совмещающей в себе грамматические значения нескольких морфологических категорий.

Турецкий язык является языком агглютинативного типа: к основе глагола прибавляются аффиксы, которые выражают только одно грамматическое значение. Например, в глаголе *calisi-yor-um* аффикс *-yor* выражает морфологическую категорию времени (настоящего), а аффикс *-um* - категорию лица (1-го).

К другим особенностям турецкого языка относятся: сингармонизм фонетического оформления слова, отсутствие приставок, предлогов и использование вместо них послелогов, отсутствие грамматических категорий рода и вида. Нередко отсутствует также и морфологическое оформление частей речи, например, нет аффикса у множественного

числа существительных при сочетании их с количественными числительными. В области синтаксиса нужно отметить отсутствие согласования с существительными в числе и падеже порядковых числительных и прилагательных, закон постановки сказуемого в конце предложения, семантико-синтаксическое выражение вида и др.

Рассмотрим некоторые словообразовательные, морфологические, лексические ошибки при употреблении турецкими учащимися **категории вида** русских глаголов. Такие ошибки могут быть вызваны несоответствиями норм и правил русской и турецкой языковых систем, а также межъязыковой интерференцией.

Термин «интерференция» употребляется нами в значении отрицательного переноса элементов первичной языковой системы (турецкого языка) во вторичную языковую систему, т. е., в русскую речь турецких учащихся.

Данная методика оправдана тем, что имеется достаточно много несоответствий между языковыми нормами и их грамматическим значением в русском и турецком языках, и однотипные нарушения в речи турецких учащихся связаны с объективными закономерностями двух неродственных систем языков.

В турецком языке лишь немногие глаголы имеют грамматическое значение законченности, выраженное лексически (*Я учил - Я выучил. Ben ogrendim - Ben ezberledim*). Как правило, значение вида выражено на синтаксическом уровне, в контексте, а также в семантической структуре предложения. Например: *Ben kitabı iki saatte okudum.* - Я читал книгу два часа. *Ben kitabı iki saatte içinde okudum, bitirdim.* - Я прочитал книгу за два часа (дословный перевод: Я книгу два часа читал, закончил).

Таким образом, данный аспект изучения русского языка - правильное употребление видов русских глаголов в речи - является для турецких учащихся одним из самых трудных, а ошибки на употребление вида - наиболее частотны.

Типы ошибок

1. Ошибки в образовании видовых форм глагола:

а) **приставочный способ образования видовых пар.** Приставочный способ образования видовых пар в русском языке является продуктивным: *учить - выучить (ogrenmek - ezberlemek), писать - написать (yazmak), верить - поверить (inanmak), читать - прочитать (okumak), шить - сшить (dikmek).*

В турецком языке приставочный способ образования слов отсутствует. Следовательно, можно предположить, что словотворчество турецких учащихся в такой работе может быть максимальным: - Ты делал вчера домашнюю работу? - Да, я уже **поделал** (сделал). - Вы говорили с

ним об этом? - Да, я вчера **проговорил** (поговорил). Родители **купают** (покупают) сыну пальто. Я каждый день **поделаю** (делаю) покупки;

б) образование видовых пар с помощью суффиксов. Ошибки в образовании глаголов с суффиксами *-ыва/-ива* чаще всего связаны с тем, что учащиеся, присоединяя этот суффикс к основе глагола, образуют инновации, а также устаревшие, просторечные глаголы несовершенного вида: *Мой папа мне о нем сказывал* (говорил). *Я долго думывал* (думал);

в) образование видовых пар путем передвижения ударения. Такой тип ошибок неизбежен в речи турецких учащихся, поскольку ударение - один из самых трудных аспектов в изучении русского языка: *Мама насыпает* мне сахар (насыпает). *Подожди, мама разрезает* нам яблоко пополам (разрежет). *Не надо разрезать* (разрезать);

г) образование видовых пар супплетивным способом. Такие видовые пары представляют собой слова с совершенно различными основами, что вызывает множество ошибок учащихся при незнании особых случаев образования видов глаголов: *Ты всегда взьешь* (берёшь) мою ручку. *Можно, я забраю* (возьму) свои вещи.

2. Ошибки в употреблении одновидовых и двувидовых глаголов:

а) одновидовые глаголы несовершенного вида. Ошибки в употреблении таких глаголов возникают из-за попытки учащихся образовать инновации совершенного вида от одновидовых глаголов несовершенного вида: *Я его спрашивал, но он всё поотрицал* (отрицал). *Эта книга посостоит* из 100 страниц (будет состоять);

б) одновидовые глаголы совершенного вида. Ошибки в речи турецких учащихся могут возникнуть в случае употребления одновидовых глаголов совершенного вида вместо глаголов несовершенного вида: *Это весёлый человек, он всегда засмеется* (смеется). *Родители всегда порадуются* моему приезду (радуются). *Вчера я весь вечер переглядил* своё бельё (гладил);

в) двувидовые глаголы. Часто турецкие учащиеся образуют глагольные инновации совершенного вида от двувидовых глаголов: *Он уже исследовал* эту проблему (закончил исследовать). *Преподаватель повелел* ему написать реферат (велел). *Мои родители поженились* 20 лет назад (женились). *Его поранили* на войне (ранили).

Методические рекомендации. 1. На начальном этапе при обучении видам глаголов важно давать задания типа: «Сравните перевод», где учащиеся могут наглядно представить все несоответствия при выражении видового значения в русском и турецком языках. 2. Работа по прогнозированию и предупреждению ошибок должна идти параллельно с изучением глагольных категорий времени, залога, наклонения. 3. Не-

обходимо предъявлять наглядный материал в виде табличек образования видовых пар, а также список наиболее употребительных глаголов непродуктивных способов образования, одновидовых и двухвидовых глаголов. 4. Постепенно вырабатывать навыки автоматизма употребления видов в речевых упражнениях.

3. Ошибки в употреблении видовых форм инфинитива.

Эта группа ошибок является наиболее устойчивой, поскольку отсутствие формального элемента в выражении видового значения в турецком языке часто приводит к неразличению турецкими учащимися видовых форм русского глагола. Например, для турецкого студента равнозначны фразы типа: *Он любит читать/прочитать книги. Бабушка, я буду помогать/помочь тебе сейчас. Он уезжает завтра, но мы будем всегда писать/написать друг другу письма. Не надо говорить/поговорить с ним. Не надо звонить/позвонить. Наконец он закончил говорить/поговорить.*

4. Ошибки в употреблении видов глаголов в инфинитиве с отрицанием.

Замена одного вида глагола другим в подобных случаях встречается довольно часто. Это происходит от незнания правил употребления глаголов **несовершенного** вида со словами *не надо, не нужно, не следует, не принято* и т.п., а также для выражения невозможности совершения действия (*Нельзя купить*), и от непонимания того, что для выражения запрещения используются глаголы **совершенного** вида (*Нельзя покупать*): *Не нужно купить/покупать хлеб, я уже купил. Он не может находить/найти нужную страницу в учебнике. Сегодня нельзя готовить/приготовить обед. Здесь нельзя гулять/погулять.*

Методические рекомендации. Для устранения такого типа ошибок необходимо: 1) достаточно полно представить материал о значении видов русских глаголов, выражающих действие как процесс, а также как длительное, повторяющееся, однократное или законченное действие; 2) научить студентов видеть в контексте так называемые слова-сигналы, подсказывающие выбор того или иного вида глагола: *каждый день, всегда, из года в год, постоянно* и т.п; 3) отметить особые случаи употребления инфинитива в отрицательных предложениях; 4) обратить внимание учащихся на употребление инфинитива несовершенного вида в предложениях с фазовыми глаголами (*начать, продолжать, кончить*); 5) на продвинутом этапе обучения отрабатывать не только уже имеющиеся навыки образования и употребления видов глаголов, но и изучать особые случаи употребления видов, в частности конкуренцию видов в контексте.

В заключение нужно отметить, что представленный учебный материал по анализу и предупреждению типичных ошибок при изучении русского языка турецкими учащимися является частью методического приложения к созданному нами учебному пособию по русскому языку для турецких учащихся «Хотите говорить по-русски? (10 уроков для начинающих)».

Учебно-методические материалы для продвинутого этапа обучения могут быть оформлены в специальный коррективочный курс по грамматике типа «Улучшаем свой русский», с учетом всех несоответствий в грамматических системах русского и турецкого языков.

Н.Н.Соболева
Уральский университет

Денотативное пространство русских глаголов физического восприятия

Лингвистика конца XX в развивается под знаком функционализма. Частной разновидностью подобного подхода является функционально-ономасиологический анализ. Особенно значим он для единиц лексико-семантического уровня языка, поскольку основная функция последних - номинация реалий объективной действительности.

Функционально-ономасиологический анализ позволяет выявить новый вид пространства - денотативное. Хотя понятие денотативного пространства появилось сравнительно недавно (в работах Л.Г.Бабенко [1], Ф.С.Бацевича [2], Ю.В.Казарина [3], А.М.Плотниковой [4] и других ученых), номинативные особенности слов изучались давно. И все-таки денотативное пространство разных лексических единиц (отдельных слов, классов слов) исследовано явно недостаточно.

Денотативным пространством глагола является та ситуация, которую он называет. Этот фрагмент действительности складывается из субъектно-объектных отношений и качественной характеристики действия. Только учитывая все эти компоненты ситуации, можно составить представление о денотативном пространстве той или иной языковой единицы.

Денотативное пространство слов можно изучать, опираясь на анализ их ЛСВ. Именно в лексическом значении слова типизируется та ситуация, которую они замещает. Поэтому лексическое значение отчасти является заместителем текста, из которого ситуация вычленяется

полнее. Семантические валентности слова часто соотносятся с референтами, которые образуют их денотативное пространство.

В данной работе мы обратились к анализу денотативного пространства глаголов одной ЛСГ. Материалом исследования послужили глаголы со значением физического восприятия. Обращение к глаголам физического восприятия (ФВ) не случайно. Многозначные и частотные глаголы ФВ играют первостепенную роль в формировании языковой картины мира человека. Нас интересовало прежде всего общее в денотативном пространстве глаголов, объединенных категориально-лексической семантикой.

Методика исследования денотативного пространства глаголов ФВ предполагала следующие этапы:

- 1) извлечение из словарей глаголов со значением ФВ;
- 2) вычленение из лексикографического определения помет ономаσιологического характера (субъект, объект, орудие и др.);
- 3) анализ примеров, иллюстраций, приведенных составителями словарей, и сконструированных нами речений;
- 4) выделение референтно-таксономических классов субъектов, объектов, орудий и других ономаσιологических сущностей (по методике Ф.С.Бацевича). Рассмотрение только одной функционально-ономаσιологической группы глагольных предикатов (термин Ф.С.Бацевича) обусловило то, что все внимание было сосредоточено на референтно-таксономических классах субъектов и объектов.

В ходе исследования нами было рассмотрено 237 ЛСВ (185 основных и 52 вторичных) (табл.1). По нашим данным, среди всех глаголов ФВ явно преобладают глаголы, употребленные в основном значении (78%). Это объясняется тем, что эти глаголы относятся к пласту наиболее древней лексики, называют действия, которые были свойственны человеку изначально.

Таблица 1

**Удельный вес лексических значений разных типов
в ЛСГ глаголов ФВ**

Тип воспри- ятия	Количество основных значений	Удельный основных значений, %	вес зна- вторичных значений	Количество вторичных значений	Удельный вторичных значений, %	вес зна-
Зрительное	96	40,5		29	12	
Слуховое	39	16,5		8	3,5	
Обоняние	35	15		5	2	
Осязание	1	0,5		--	--	
Общее	14	6		10	4	
Всего	185	78		52	22	
<i>Общее количество ЛСВ</i>			<i>237 (100%)</i>			

Анализ глаголов, ЛСВ которых обозначают ФВ, обнаружил, что среди них явно преобладают ЛСВ со значением зрительного восприятия (52,5 % от числа всех ЛСВ) (табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес ЛСВ, обозначающих определенный тип восприятия, в ЛСГ глаголов ФВ

Тип восприятия	Количество ЛСВ	Удельный вес ЛСВ, %
Зрительное	125	52,5
Слуховое	47	20
Обоняние	40	17
Осязание	1	0,5
Общее	24	10
Всего	237	100

Это объясняется физиологическими и физическими особенностями человека и его органов восприятия. Основной объем информации поступает в мозг человека через зрительный канал восприятия, значительно меньше - через другие органы: слух, обоняние, осязание. Все исследователи, занимающиеся проблемой восприятия, считают наиболее главной и значимой для человека подсистему зрительного восприятия. За ней следует восприятие через орган слуха, а затем через обоняние, вкус и осязание. Убедительные аргументы в пользу данного порядка значимости подсистем восприятия приводит Ю.Д.Апресян в своей работе «Образ человека по данным языка» [5].

При вычленении из лексикографического определения помет ономаσιологического характера было установлено, что для ситуации восприятия важное значение имеют следующие компоненты действия:

1) субъект действия - производитель действия, источник активности (*Человек нюхает цветок*);

2) объект действия - предмет, на который направлено действие субъекта (*Видеть стол*);

3) орудие действия - средство, при помощи которого производится какое-либо действие (*Следить глазами за человеком*);

4) характер совершения действия (*Смотреть пристально*).

Следует отметить, что в лексикографическом определении не актуализированы лишь компоненты, характеризующие субъекта действия. Вероятно, последний в сознании носителей языка настолько опреде-

нен, так глубинно связан сущностью действия, что не нуждается в специальном акцентировании.

Наибольшей частотой встречаемости обладают те ономазиологические сущности, которые называют наиболее важные для процесса восприятия компоненты действия. Восприятие не может осуществляться без субъекта и объекта действия. Орудие восприятия также имеет большое значение, так как специализирует восприятие определенного органа чувств.

У глаголов ФВ в роли субъекта действия может выступать ограниченный круг ономазиологических сущностей (табл. 3).

Таблица 3

**Типы ФВ и референтно-таксономические классы
субъектов, сочетающиеся с ними**

Тип воспри- ятия	Живая материя		Неживая материя	
	Люди	Животные	Растения	Артефакты
Зрительное	Человек глядит вдаль	Собака смот- рит на хозяина	-	-
Слуховое	Люди жадно слушают	Стая лебедей услышала выстрелы	-	-
Обоняние	Матвей долго нюхал белого- ловик	Лиса принюхалась	-	-
Осязание	Человек осязает тепло	Кошка осязает поглаживание	-	-
Общее	Андрей долго чувство- вал хо- лодок под ло- жечкой	Конь не чует узды	Растения воспри- нимают мало тепла	Радио принимает сигналы

В ходе исследования было установлено, что в роли субъекта ФВ чаще всего выступает живая материя (люди, животные, растения). Сре-

ди данных субъектов первостепенное место занимает человек, потому что система восприятия у людей шире и полнее, чем система восприятия у животных. Восприятие - это основное средство, с помощью которого человек получает информацию об окружающем мире. Полученная информация обуславливает дальнейшую деятельность человека.

Субъектом восприятия может выступать и неживая материя - артефакты (аппараты, созданные человеком): *радио принимает сигналы, эхолот улавливает звуки*. Человек наделяет эти аппараты способностью к восприятию, подобно той, которую имеет сам. Система восприятия подобных технических средств более совершенна, чем у человека.

Как показывают наблюдения, разные референтно-таксономические классы субъектов неодинаково связаны с разными типами восприятия. С максимально большим количеством классов субъектов могут сочетаться только предикаты общего восприятия. Это мотивировано тем, что общее восприятие не специализировано относительно какого-либо органа чувств, производителем такого действия может становиться субъект, который не имеет отдельных органов чувств.

Ситуация восприятия не может быть организована без присутствия в ней какого-либо **объекта действия**. Для процесса ФВ не важен характер, тип объекта восприятия, поэтому им может быть как живая материя (кто-либо: *встретить* - «увидеть кого-л., идущего навстречу, сойтись с ним»), так и неживая материя (что-либо: *ощутить* - «распознать в результате раздражения органов чувств, почувствовать что-л.»).

Проведенный анализ позволил выделить определенные референтно-таксономические классы объектов (табл.4).

Таким образом, в качестве объекта восприятия может выступать достаточно широкий круг онтологических сущностей. Это объясняется тем, что общение человека с миром происходит только через систему восприятия.

Широкая сочетаемость глагольных предикатов с различными классами объектов приводит к изменению семантики объекта в направлении актуализации потенциальных компонентов, связанных с процессом восприятия. Например, сочетание предиката **слышать** с натурфактом **дождь** ведет к актуализации потенциального для субстантива компонента «шум»: *слышать дождь* - *слышать шум дождя*.

Все окружающее пространство усваивается посредством органов восприятия. В качестве **орудия восприятия** (инструмента) могут выступать:

1) орган зрения (глаза): **наблюдать** - «внимательно следить глазами за кем-, чем-л.»;

2) орган слуха (уши): **внять** - «слышать, воспринимать слухом (ушами)»;

3) орган обоняния (нос): **нюхать** - «вдыхать через нос запах»;

4) осязание (рецепторы в клетках кожи): **осязать** - «воспринимать путем осязания (кожей)»;

5) органы чувств (недифференцировано): **воспринимать** - «распознавать через органы чувств (органы восприятия)»

Таблица 4

**Типы ФВ и референтно-таксономические классы
объектов, сочетающиеся с ними**

Тип воспри- ятия	Живая материя			Неживая материя			
	Люди	Жи- вотные	Расте- ния	Натур- факты	Арте- факты	Социо- факты	Пси-хо факты
Зри- тельное	Встре- тить друга	Увидеть ло- шадь	Осмо- реть ябло- ню	Созер- цать звезды	Читать письмо	Видеть деньги	Видеть ярость
Слухо- вое	Слу- шать лек- тора	Слы- шать птиц	Слы- шать березы	Слу- шать океан	Слу- шать радио	Слы- шать толпу	Слу- шать советы
Обоня- ние	Чуять охот- ника	Уню- хать волка	Ню- хать цветы	Ню- хать запах	Поню- хать торт	-	-
Осяза- ние	Ося- зать чело- века	Ося- зать кошку	Ося- зать траву	Ося- зать солнце	Ося- зать ткань	Ося- зать толпу	-
Общее	Впить взгляд в дру- га	Впить взгляд в та- бун лоша- дей	Отме- тить яркие цветы	Чувст- вовать холод	Вопри- нимать текст	Чувст- вовать натиск толпы	Впи- ться в речь матери

Среди орудий восприятия преобладают зрение и слух: человек чаще и полнее воспринимает окружающий мир с помощью зрения и слуха, а не посредством обоняния и тактильных ощущений, последние

становятся доминирующими лишь при повреждении органов зрения и слуха.

Не менее важным компонентом физического восприятия является характер действия. Восприятие может быть направленным (*глядеть в окно*) и ненаправленным (*видеть друга*), может совершаться длительное время (*прослушать весь вечер радио*) или короткое (*послушать разговоры*). Это далеко не все характеристики процесса ФВ (всего 25 видов данных валентностей).

Таким образом, мы установили, что денотативное пространство глаголов ФВ имеет сложное строение. Оно включает в себя широкий круг субъектов и объектов действия. Восприятие являет собой не пассивное созерцание мира, а активное и живое взаимодействие субъекта (человека) с окружающей средой, перевод любой сущности мира в объект восприятия позволяет вступать в отношения с этим миром. А тело человека (в частности, органы восприятия: глаза, уши, нос и т.д.) играет важную роль в этих отношениях.

Примечания

1. См.: Бабенко Л.Г. Глаголы комплексной полипропозитивной семантики // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм. Екатеринбург, 1997. С.30 - 45.

2. См.: Бацевич Ф.С., Космеда Т.А. Очерки функциональной лексикологии. Львов, 1997.

3. См.: Казарин Ю.В. Роль абстрактных и конкретных глаголов в формировании языковой картины процессуально-событийного мира: Дис.....канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992.

4. Плотникова А.М. Русские глаголы с включенной актантной рамкой: лексико-семантическое и денотативное пространство: Дис.....канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

5. См.: Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вopr. языкознания. 1995. №1. С. 37 - 67.

6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948 - 1965.

7. Толковый идеографический словарь русских глаголов. Екатеринбург, 1997.

Глагол и имя в метафорических моделях политической реальности

Метафора как двуплановое в семантическом аспекте образование содержит образный элемент, несущий дополнительную информацию об объекте номинации. Образная информация, обладающая оценочным и эмоциональным компонентами, может являться средством познания политической реальности, и в этом смысле можно говорить о ее моделирующих свойствах.

Метафорическая модель предстает, в концепции Ю.Н.Караулова и А.Н.Баранова, как когнитивный аналог реальных связей сущностей объективного мира, их взаимодействий и зависимостей, который (аналог) создается на основе классификационных связей метафорических единиц.

Организация моделей осуществляется на основе установления специфических отношений метафор на сигнификативном, денотативном и экспрессивном уровнях. Сигнификативное измерение означает установление связей метафор на понятийном уровне. Денотативное измерение демонстрирует область объектов метафорического осмысления. Для экспрессивного измерения важным является установление связей метафор с одним и тем же набором условий речевого общения.

Первый этап нашего анализа представляет собой описание метафорических моделей посредством метаязыка фреймов. Метафорическая модель включает два фрейма. Первый фрейм, по А.Н.Баранову, фрейм источника, соответствует сигнификативному дескриптору данной группы метафорических выражений, а второй - фрейм цели - денотативному дескриптору. Источниковый фрейм дает название метафорической модели.

Основными свойствами метафорической модели являются ее способность к разворачиванию, взаимодействию с членами других моделей, системный характер, целостность и выделяемость, открытость и незавершенность.

Говоря о языковых структурах моделей, нужно отметить их преимущественную ориентацию на субстантивную метафору. Механизм метафоры в терминах когнитивной лингвистики представлен как аналогия, обеспечивающая перенос знаний. Именная метафора, как известно, ближе всего к неполной аналогии.

Кроме того, как отмечает Ю.Н.Караулов, классификация метафор по сигнификативным дескрипторам требует соответствующего семантического метаязыка. Лексика естественного языка, привлекаемая для номинации моделей, слишком грубый инструмент. Глагольная метафора в этом отношении сложнее, чем субстантивная.

Глагол как носитель предикативного значения оказывается необходимым при осмыслении и интерпретации метафорических моделей. Специфика глагола заключается в том, что он фиксирует определенный момент речи и движений, развивающихся в пространстве и времени, стремится к конкретизации, к четкой определенности и передаче внешнего и внутреннего движения. Например, входящие в метафорическую модель «Политика - это кухня» глагольные метафоры, которые основаны на температурных ощущениях, отражают накаленную атмосферу в обществе. Политическая жизнь осознается как кипящая, полная страстей, взрывоопасная: *московская политическая кухня варится, слухи в обществе кипят, экономика разогревается.*

Д. Р.Шарафутдинов
Уральский университет

Определение грамматического статуса отглагольных и отадъективных синтаксических дериватов в русском языке

Изучению семантических отношений между деривационно связанными словами в отечественной и зарубежной лингвистике последних десятилетий уделялось значительное внимание. Еще в 30-х гг. нашего века Ежи Курилович выделил два общих типа семантических отношений: синтаксическую деривацию и лексическую деривацию. Е.Курилович принципиально разграничивает эти сферы деривации как словообразовательные феномены, один из которых (лексическая деривация) предполагает преобразование лексического значения производящего слова (*читать – читатель, читальня; белый – белок, беляк*), а другой (синтаксическая деривация) связан лишь с преобразованием синтаксической функции производящего слова вследствие изменения его частеречной принадлежности (*читать – чтение; белый – белизна*). Все выделяемые современной наукой словообразовательные типы распределяются по этим двум рубрикам деривации.

К области синтаксической деривации в современном русском языке обычно относят транспозиционные преобразования четырех типов:

- 1) глагол – существительное (*изучать – изучение*);
- 2) прилагательное – существительное (*известный – известность*);
- 3) прилагательное – наречие (*интересный – интересно*);
- 4) существительное – прилагательное (*город – городской*).

Трансформации первых двух типов представляют собой субстантивную синтаксическую деривацию – образование отвлеченных существительных соответственно от глаголов и прилагательных. Трансформации второго и третьего типов составляют отадективную синтаксическую деривацию.

От глаголов отвлеченные существительные образуются с чрезвычайно высокой степенью регулярности – почти от каждого глагола, тогда как с именами прилагательными в этом отношении дело обстоит гораздо сложнее. Прилагательные обладают весьма различными словообразовательными потенциями в плане синтаксической деривации, в зависимости от их лексических и грамматических характеристик. Принято считать, что с достаточно высокой степенью регулярности синтаксические дериваты образуются только от так называемых качественных прилагательных. Эти факты, а также лексическая тождественность производящей базы принципиально сближают отглагольные синтаксические дериваты с глагольными словоформами, а отадективные синтаксические дериваты – со словоформами соответствующих качественных прилагательных (ср.: *молчать – молчание; молчать – молчу, молчат, молчал, молчи ...*; *привлекательный – привлекательность; привлекательный – привлекательного, привлекательная, привлекательные ...*), что дает основания некоторым ученым включать синтаксический дериват в словоизменительную парадигму исходного глагола или прилагательного. Примечательно, что сам Е.Курилович рассматривал показатели синтаксической деривации как чисто синтаксические морфемы (типа флексий, манифестирующих грамматические формы слов).

Особенно отчетливое выражение обсуждаемая идея получила при грамматической интерпретации так называемых качественных наречий. В лингвистике существуют различные взгляды на грамматическую (частеречную) природу качественного наречия. Так, некоторые исследователи вообще отказывают этой единице в статусе особой, самостоятельной части речи и считают ее «приглаголием», приглагольным вариантом собственно прилагательного (глагольным определителем), отличающимся от последнего не семантически, а лишь функционально, дистрибутивно, реляционно – своими комбинаторными свойствами (П.А.Лекант). Этот взгляд основывается на некотором допущении, связанном с тезисом о том, что содержательно производное наречие вообще ничем не отличается от производящего прилагательного:

между ними существуют отношения лексического тождества (по определению синтаксической деривации) и категориально-грамматического тождества (если принять достаточно высокий уровень грамматической абстракции и учитывать общий семантический компонент «признаковость») при различии лишь в частных грамматических признаках — словоизменительных свойствах и синтаксических ролях: прилагательное изменяется по родам, числам и падежам, может выступать в краткой форме, в предложении выполняет функцию определения (атрибутивную) или присвяточной части составного именного сказуемого (предикативную); наречие же является неизменяемым, морфологически не охарактеризованным словом, в предложении употребляется в атрибутивной (в широком смысле) функции.

В германистике, как известно, также существует традиция не выделять качественное наречие как отдельную, самостоятельную лексему и отождествлять его с прилагательным («расширительное» понимание прилагательного).

Соотносительные прилагательные (в полной форме) и качественные наречия, помимо лексического значения, объединяются синтаксической ролью: те и другие в предложении могут выступать в определительной (*интересный рассказ; интересно рассказывать*), но не в обстоятельственной функции. Последняя свойственна только обстоятельным наречиям.

Другой аргумент в пользу утверждения о функционально-семантическом единстве прилагательных и качественных наречий составляют данные сопоставительного изучения неродственных языков (точнее — данные контрастивной грамматики). Существуют языки, лишенные разряда качественных наречий вообще, например, некоторые австроазиатские. В таких языках функции отсутствующих качественных наречий всегда выполняет имя прилагательное. В русском языке с точки зрения формальных свойств прилагательное отличается от наречия только своей способностью согласовываться с существительным (в том числе местоименным) в одноименных словоизменительных грамматических категориях, со стороны которых наречие, как неизменяемая единица, не охарактеризовано. Поэтому наречию просто «не в чем» согласовываться; оно всегда только примыкает. Что же касается именно качественных наречий, то они, к тому же, вообще не могут выступать в синтаксической связи с существительными, т.е. в данном случае им не только «не в чем» согласовываться, но и даже «не к чему» примыкать. Таким образом, прилагательное (в полной форме) может быть согласованным определением существительного, тогда как качественное наречие является не только не согласованным, но и в принципе не

согласуемым (а примыкающим) определением не-существительного. Однако в тех языках, где эта согласовательная способность прилагательного и, соответственно, средства ее формального выражения отсутствуют, реальное разграничение соотносительных наречий и прилагательных вызывает серьезные трудности, а вне контекста вообще невозможно. Омонимичность этих единиц практически ликвидирует, стирает границу между ними (ср., например, немецкие наречия и краткие прилагательные). При этом в силу семантической эквивалентности соотносительных прилагательных и наречий опираться на содержательный критерий также нельзя. Отсюда – возможность принципиально не разводить прилагательные и качественные наречия по отдельным частеречным рубрикам; основание для некоторых ученых утверждать, что это одно и то же «признаковое слово», имеющее различные комбинаторные свойства и поэтому выступающее в разных грамматических ипостасях.

Принципиальное сближение статусов синтаксического деривата и грамматической формы слова находит отражение и в лексикографической практике – в словарях, где синтаксический дериват (в отличие от других производных слов) и его производящее разрабатываются в рамках одной словарной статьи. Так, С.И.Ожегов помещает в словарную статью производящего «такие производные слова, в которых новый смысловой оттенок создается только в связи с принадлежностью производного слова к иной грамматической категории по сравнению с основным словом»; и в первую очередь, это «отвлеченные имена существительные с суффиксами -ость, -ство, -ота, -изна, производные от имен прилагательных, имеющие значение качества и свойства в широком смысле» и «имена существительные, производные от глаголов, без суффиксов и с суффиксами -ние (-ание, -ение), -тие, -ка и др., обозначающие действия» [1. С. 10].

Однако одного (хотя и очень важного) признака высокой регулярности образования недостаточно для включения отвлеченного существительного в словоизменительную парадигму глагола (или прилагательного) на правах его грамматической формы. Данная характеристика составляет необходимое, но не достаточное основание для подобного решения. Во-первых, рассматриваемая деривация отнюдь не является строго обязательной, тогда как собственно грамматические характеристики слова должны обладать этим свойством. В связи с этим Е.С.Кубрякова подчеркивает, что грамматической признается «любая облигаторная категориальная (обычно морфемная) примета части речи и все вступающие с ней в прямые оппозиции категориальные приметы. Так,... каждое имя выражает облигаторно единственное или множественное число и вне этих значений немыслимо. ...Наличие формы суще-

ствительного предполагает наличие форм единственного и множественного числа (функция интердепенденции); отсутствие такой двусторонней зависимости заставляет предположить существование иного типа значения». Последнее положение Е.С.Кубрякова иллюстрирует фактами современного английского словообразования, где, например, «от любого глагола (за редким исключением) можно образовать с помощью суффикса -ing соответствующее отглагольное имя, а с помощью суффикса -er – название лица или предмета, производящих действие. Появление этих форм, однако, не обязательно, и в структуре простого глагола противоположные по типу значения (например, не-агентивность) никакого выражения не находят. Это служит основанием для отнесения морфем -ing и -er к числу деривационных»[2. С. 146-147]. Данное замечание в полной мере касается и обсуждаемых аналогичных фактов русского языка.

Во-вторых, словоформы одной лексемы – это языковые единицы, совпадающие по номинативному и общекатегориальному значениям, но противопоставленные по частным грамматическим характеристикам. В соответствии с этим отглагольный (отадъективный) синтаксический дериват является отдельной, самостоятельной лексемой, поскольку имеет отличный от глагольного, процессуального (адъективного, признакового), категориально-грамматический компонент значения («предметность») и, как следствие, обладает всеми морфологическими и синтаксическими свойствами принципиально иной части речи – имени существительного: изменяется по падежам и (реже) числам, но не изменяется по категориям времени, наклонения, залога, лица (рода); выполняет соответствующие синтаксические функции в предложении. В свою очередь, формальные средства синтаксической деривации являются словообразовательными структурными аффиксами, так как «кардинальное деление грамматических морфем на словообразовательные и несловообразовательные базируется на способности первых создавать новые слова», в случае же транспозиции «роль деривационных морфем сводится как раз к изменению категориальной принадлежности исходного слова». Таким образом, показатели синтаксической деривации представляют собой деривационные транспонирующие аффиксы – специфические служебные морфемы, значение и функция которых принципиально не дифференцируются, не поддаются раздельному описанию; само значение таких морфем функционально: «оно сводится к транспонирующему, меняющему морфологическую характеристику слова, но не его вещественное содержание» [2. С. 151, 145, 158].

Аналогичным образом определяется грамматический статус отадъективных наречий. В случае синтаксической деривации рассмат-

риваемого типа между производным наречием и производящим прилагательным в действительности нет полного, абсолютного семантического совпадения. При ближайшем рассмотрении очевидно, что в содержательных структурах производного и производящего представлены не совсем одинаковые категориально-грамматические компоненты. В результате дифференциации категориального значения «признаковость» на основании отнесенности отражаемого признака к субстанции (предмету), процессу или другому признаку выясняется, что «признаковость», содержащаяся в прилагательном, – это признак предмета, и только предмета, а «признаковость» наречия – признак процесса или другого признака. «Прилагательное отличается от наречия не столько тем, что оно обозначает признаки и свойства, сколько тем, что оно описывает свойства и признаки предметов; наречие же, которое может, собственно, описывать те же признаки, делает это применительно к не-предметным сущностям» [3. С. 111]. Как известно, даже в сочетании с существительным наречие семантически относится не к самому существительному непосредственно, а к имплицитно представленному в этом сочетании глагольному предикату; соединения наречий с существительными, по сути дела, всегда эллиптически, глагольная форма не эксплицируется, «пропускается», но подразумевается: *яйца вкрутую* – «яйца, сваренные вкрутую», *утка по-пекински* – «утка, приготовленная по-пекински», *хвост торчком* – «хвост, стоящий торчком», *дом напротив* – «дом, расположенный напротив» (ср. сочетания существительных с аналитическими прилагательными, не допускающие вставки глагола: *платье беж, вагон люкс, цвет маренго*). Не являются эллиптическими только сочетания наречий с существительными – отглагольными синтаксическими дериватами (*чтение вслух, езда верхом, поворот направо, разговор по-английски*), поскольку последние обозначают действия (состояния, отношения), т.е., несмотря на частеречное оформление, остаются глаголами по своей номинативной сущности. К тому же, интересующие нас синтаксические дериваты всегда являются качественными наречиями, не способными сочетаться с существительными в принципе. Таким образом, общекатегориальный компонент значения рассматриваемого производного качественного наречия может быть определен только как «признак процесса или другого признака». Но процесс – собственно действие, состояние или отношение – это тоже признак; «признак, протяженный во времени» (М.Н.Петерсон). Следовательно, категориальное значение наречия – «признак процессуального или не-процессуального признака», или просто «признак признака» («вторичный признак»). Мена категориального компонента значения производящей лексемы (прилагательного) и, соответственно, изменение часте-

речного оформления лексического компонента со всеми вытекающими отсюда грамматическими последствиями и приводит, по определению, к образованию новой лексемы - синтаксического деривата (наречия). Средством выражения рассматриваемого адвербиального категориально-грамматического значения также является транспонирующий словообразовательный аффикс.

И.Г.Милославский предлагает особый, нетрадиционный взгляд на семантическую природу и статус отадъективного наречия, принципиально сближая обсуждаемую синтаксическую деривацию с категорией синонимии: «Можно даже утверждать, что члены пары типа *быстрый – быстро* являются синонимами, различающимися своими сочетаемостными свойствами, как, например, слова *карий* (только в сочетании с *глаз!*) и *коричневый*, *потупить* (тоже только *глаза* или *взор*) и *опустить*» [4. С. 61]. Однако признание прилагательных и производных от них наречий синонимами весьма проблематично ввиду несовпадающей частеречной принадлежности этих лексем, их значительной формальной близости и наличия отношений непосредственной словообразовательной мотивации между ними. Вместе с тем существование между членами рассматриваемых словообразовательных пар «отношений семантического тождества при различии лишь в синтаксических ролях» [4] обеспечивает возможность того, что во многих случаях соотносительные синтаксические конструкции с синтаксическим дериватом, с одной стороны, и с его мотиватором, с другой, действительно находятся в синонимических отношениях.

Примечания

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Екатеринбург, 1994.
2. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. М., 1974.
3. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.
4. Милославский И.Г. Как разобрать и собать слово. М., 1993.

Содержание

<i>Бабенко Л.Г.</i> Денотативное пространство русского глагола: аспекты и перспективы изучения.....	3
<i>Вельш В.</i> Рефлексивная конструкция «чувствовать себя» и ее отображение в двуязычном словаре.....	11
<i>Волегов А.В.</i> Категория художественного метода при анализе эпического текста в иностранной аудитории.....	16
<i>Воронина Т.М.</i> Предложения, отображающие ситуацию приведения в эмоциональное остояние: опыт описания образных (метафорических) семантических моделей.....	17
<i>Галинова Н.В.</i> Функционирование дериватов праславянских глаголов со значением «гнуть» в говорах русского севера.....	26
<i>Гозулина Н.А.</i> Работа со студентами-иностранцами над экспрессивной газетной лексикой	32
<i>Гузикова В.В.</i> Национально-культурный компонент идиоматики и перевод его на русский язык (на материале английской литературы).....	36
<i>Гультяева Н.В.</i> О специфике употребления глагольных форм в тексте заговора.....	39
<i>Гусева Л.Г.</i> Устаревшие глаголы в лексике уральского свадебного обряда (семантика и география).....	43
<i>Дозморов О.В., Казарин Ю.В.</i> Ситуация молчания как денотативный центр поэтического текста (на материале стихотворения Ф.Тютчева «Silentium!»).....	46
<i>Долженко Н.Г.</i> Имя действия и пропозитивная номинация: структура девербативной пропозиции.....	48
<i>Дьячкова Н.А.</i> Глагольные предикаты в асимметричных структурах типа «Суровая природа сплачивает людей».....	52
<i>Житков А.В.</i> Особенности организации и структуры лексико-семантических групп глаголов обонятельного, вкусового и тактильного восприятий.....	55
<i>Золотарева М.Н.</i> Денотативное пространство динамического признака и неологизмы современного русского языка (на материале новой лексики 90-х гг. XX в.).....	56
<i>Золотарева Н.В.</i> Семантическое пространство глаголов речевого воздействия в русском и английском языках и денотативная ситуация.....	62

<i>Казарин Ю.В.</i> Особенности формирования лексико-семантического пространства процессуально-событийного мира в языке и тексте.....	73
<i>Казарин Ю.В., Латкина О.Н.</i> Денотативное пространство художественного текста и проблема его перевода (на материале поэзии Р.Фроста).....	76
<i>Каушанова А.В.</i> Роль языковой игры в процессуальной картине мира (на материале произведений Л. Кэрролла).....	80
<i>Коробкова Е.Ю.</i> Функции глаголов в создании «стиля» ссоры (на материале творчества Н.Коляды).....	83
<i>Кусова М.Л.</i> Денотативное пространство частноотрицательных глаголов.....	87
<i>Лазарева Э.А.</i> Глагол в рекламе и глагольность рекламы.....	92
<i>Лисицына Л.В.</i> Глаголы любви: опыт лексикографического описания.....	97
<i>Мелкозерова О.Е.</i> Роль словообразовательных способов в формировании полисемий глаголов с префиксом по-.....	100
<i>Миронова И.К.</i> Денотативное пространство глаголов приготовления пищи.....	101
<i>Мухин М.Ю.</i> Изображение творчества в романах В.Набокова: глагольная лексика.....	109
<i>Мухина Н.М.</i> Глагол <i>любить</i> и рационально-эстетическая оценка мира в лирике О.М.Мандельштама 30-х гг.....	111
<i>Нетяго Н.В., Аданалы Мехмед Али</i> Сравнительная характеристика семантики русских и турецких глаголов «исчезновения».....	114
<i>Плотникова А.М.</i> Глаголы с включенной актантной рамкой: ономаσιологический и когнитивный аспекты.....	117
<i>Плотникова Г.Н.</i> Отсутствие регулярности в словообразовании как проявление системности в языке.....	120
<i>Плотникова С.В.</i> Лексико-семантические группы русских глаголов в количественном аспекте.....	125
<i>Плотникова Ю.И.</i> Денотативное пространство глаголов «висеть», «лежать», «сидеть», «стоять».....	130
<i>Попова Т.В.</i> Имплицитные компоненты словообразовательного значения.....	137
<i>Рассказова Т.П.</i> Дифференциально-эмотивные глаголы с семантикой удивления (на материале русского и английского языков).....	139
<i>Романова Е.Е.</i> Стратегический залог в научном тексте и его перевод с английского на русский язык.....	138
<i>Рут М.Э.</i> Архаические глаголы в северно-русских говорах.....	143
<i>Сивкова Т.Н.</i> Русский глагол в фокусе лексико-семантических исследований.....	145

<i>Серегина Л.В.</i> Глагольно-метафорические «коллажи» в произведениях Виктории Токаревой.....	151
<i>Смирнова Т.И., Таштан З.</i> Типы ошибок при употреблении видов глаголов русской речи турецких учащихся (некоторые практические выводы из анализа картотеки ошибок).....	152
<i>Соболева Н.Н.</i> Денотативное пространство русских глаголов физического восприятия.....	156
<i>Чудинов А.П., Феденева Ю.Б.</i> Глагол и имя в метафорических моделях политической реальности.....	163
<i>Шарафутдинов Д.Р.</i> Определение грамматического статуса отглагольных и отадъективных синтаксических дериватов в русском языке.....	164

Научное издание

**Денотативное пространство русского глагола:
Материалы IX Кузнецовских чтений**

**Редактор Н.В. Чапаева
Компьютерная верстка
О.С. Винокурова**

Изд. лиц. 020257 от 22.11.96 г.
Подписано в печать 25 декабря 1998 г. Бумага газетная.
Усл печ. л. 11. Тираж 100 экз.

**Издательство Уральского университета
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4**

**Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
г. Первоуральска. Зак. 6415**